

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ГАГАРИНА Ю.А.

Социально-экономический институт
Научно-образовательный региональный центр
мониторинговых исследований

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

*Сборник научных трудов по итогам Всероссийской конференции
СГТУ имени Гагарина Ю.А.*

*«Научные чтения памяти Валентины Ярской–Смирновой»
к 90-летию со дня рождения*

Саратов, 17-18 октября 2025 года

Редактор Л.А. Скворцова

Компьютерная верстка Т.В. Семеновой

2,27 Мб 12.01.2026

410054, Россия, Саратов, ул. Политехническая, 77

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.

Тел.: 8 (8452) 99-87-39

izdat@sstu.ru <http://lib.sstu.ru>

ISBN 978-5-7433-3686-9

©Саратовский государственный
технический университет
имени Гагарина Ю.А., 2026

УДК 316.4
ББК 60.54/60.56

Пространство и время социальных изменений: сборник научных трудов по итогам Всероссийской конференции СГТУ имени Гагарина Ю.А. «Научные чтения памяти Валентины Ярославской-Смирновой» к 90-летию со дня рождения. – Саратов, 17-18 октября 2025 г. [Электронный ресурс]. – Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т имени Гагарина Ю.А., 2026. – 244 с. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – ISBN 978-5-7433-3686-9 [Текст, изображение: электронные]

В сборник вошли труды участников Всероссийской научно-практической конференции «Научные чтения памяти Валентины Ярославской–Смирновой», организованной Научно-образовательным региональным центром мониторинговых исследований, кафедрой «Политология и социология» Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А. в Саратове 17-18 октября 2025 года. Конференция приурочена 90-летию со Дня рождения научного вдохновителя саратовской научной школы В.Н. Ярославской–Смирновой. В представленных докладах была показана широкая палитра научных изысканий в области изучения фундаментальных и прикладных проблем социальных изменений в дискурсе социального хронотопа. Участники конференции находили и представляли на дискуссионных площадках различные ресурсы понимания и анализа пространственно-темпоральных аспектов социальных процессов и социальных структур, направленных на выход из кризисов, опосредованных нелинейными трансформациями. В сборнике представлены модели взаимовыгодных отношений между государством и обществом посредством реализации различных направлений социальной политики и их изменений во временном континууме.

Сборник предназначен для специалистов в области социологии, менеджмента, государственного и муниципального управления, социальной работы и социальной психологии, аспирантов, магистрантов, студентов, обучающихся на социальных и гуманитарных специальностях.

Редакционная коллегия:

Суркова И.Ю., доктор социологических наук, доцент (отв. редактор),
Сорокина Н.В., кандидат социологических наук,
доцент (подбор статей, статистика, текстовая редакция).

Одобрено
редакционно-издательским советом
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А.

Научное электронное издание

© Саратовский государственный технический
университет имени Гагарина Ю.А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Фалько Владимир Иванович

Опережая время: взгляд на ранние работы
В.Н. Ярской о предвидении 7

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна

Категории интеграции и инклюзии в социологии 17

Аринушкина Наталья Сергеевна

Особенности социальной активности и учебно-
профессиональной идентичности учащейся молодежи 27

Байрамкулова Руфина Рустамовна,

Бостанова Светлана Николаевна

Психология переживания времени и пространства в условиях
глобализации и цифровизации российского общества 33

Брянцев Иван Иванович

Особенности формирующихся управленческих трендов
использования искусственного интеллекта
в системе государственного управления 39

Грачева Оксана Геннадиевна

Мотивация и карьера молодых специалистов в условиях
социальных изменений 47

Гусева Ольга Николаевна, Рабек Елена Вадимовна

Профессиональная самореализация одиноких матерей:
ограничения и возможности 53

Данилова Светлана Николаевна

Современные инструменты реализации государственной
политики по стимулированию рождаемости
и обеспечению репродуктивного здоровья населения 60

Деточенко Людмила Станиславовна

«Безвременье» медиализированных практик:
кризис приобретения инвалидности 63

Ермолаева Анастасия Ивановна

Барьеры социального обслуживания пожилых людей в условиях
русского села: по результатам исследования 69

Казаков Кирилл Павлович

Социальное восприятие времени в эпоху цифровизации 74

Кобзева Виктория Сергеевна, Садчикова Анна Евгеньевна

Трансформация ценностей студенческой молодежи
в регионе: случай Саратова 79

<i>Константинова Лариса Владимировна, Петров Антон Маркович</i>	Институциональные трансформации механизмов финансирования научной деятельности вузов: время перемен	84
<i>Королёва Юлия Романовна</i>	Влияние профессиональной мотивации на возникновение симптомов эмоционального выгорания у медицинских специалистов реабилитационного центра	90
<i>Кремнева Олеся Денисовна</i>	Теоретические аспекты изучения индивидуально- психологических особенностей личности при синдроме эмоционального выгорания.....	99
<i>Наберушкина Эльмира Кямаловна</i>	Социальное здоровье в урбанизированной среде.....	104
<i>Панченко Ирина Михайловна, Панченко Дмитрий Иванович, Теплоухов Леонид Сергеевич</i>	Тренды формирования здорового образа жизни среди курсантов летных вузов	110
<i>Пашинина Екатерина Игоревна</i>	Методология и методики исследования организационной лояльности	116
<i>Ромащенко Александр Александрович</i>	Герменевтико-феноменологическая аналитика урбанистического пространства как практики субъективации в современном философском дискурсе.....	121
<i>Савельева Елизавета Михайловна</i>	Формирование профессиональной компетентности специалистов социальной сферы.....	125
<i>Саидов Евгений Сергеевич</i>	Демографическая политика современной России: детерминанты и перспективы	131
<i>Сергиенко Олеся Юрьевна</i>	Гибридный парламентаризм: производство новой политической субъектности через межрегиональные сети молодежных парламентов	136
<i>СклярOVA Татьяна Валентиновна, Натарова Александра Ивановна</i>	Ценностно-временная трансформация общественного отношения к детям с РАС (на примере г. Саратова).....	142

<i>Сорокина Александра Павловна</i>	
Социальные барьеры в реализации муниципальных программ развития малых городов приграничных регионов	148
<i>Сорокина Наталья Викторовна</i>	
Практика социальной работы в контексте социальных изменений	153
<i>Сударев Михаил Михайлович</i>	
Экономика здоровья и мегаполисы	159
<i>Суркова Ирина Юрьевна</i>	
Социальная интеграция комбатантов на государственной и муниципальной службе: опыт саратовской области	163
<i>Сулягин Сергей Юрьевич</i>	
Личностные качества преподавателя высшей школы в условиях цифровизации	170
<i>Фролова Анастасия Геннадьевна, Богомолов Александр Владимирович, Фролов Никита Сергеевич</i>	
Социально-психологические детерминанты развития ксенофобии в условиях глобализации	175
<i>Хлыстова Виктория Александровна</i>	
Стартовые ожидания военных медиков в профессиональной сфере	187
<i>Хорольцева Елена Борисовна</i>	
Трансформация социальных сетей и их влияние на процессы социальных изменений	192
<i>Черемных Виктория Юльевна</i>	
Семейно-брачные и репродуктивные стратегии современной студенческой молодежи	200
<i>Чернецкая Анжела Альбертовна, Курочкина Марина Андреевна</i>	
Благоустройство университетского кампуса в контексте стратегического развития городской среды	208
<i>Щербань Елена Геннадьевна</i>	
Импакт-инвестирование как механизм решения социальных проблем региона	217
<i>Шишкина Елена Александровна</i>	
Информация как атрибут бифуркационного времени	222

Шляпников Сергей Евгеньевич,

Степаненко Софья Павловна

Темпоральный аспект изучения структуры смысложизненных
ориентаций студента педагогического вуза 227

Шорина Анна Викторовна,

Оганисян Елена Викторовна

Метафорические ассоциативные карты как эффективный
инструмент практикующего психолога 234

Эйгелис Галина Владимировна,

Миронова Яна Александровна

Взаимосвязь стиля управления и социально-психологического
климата коллектива в структуре ОАО «РЖД» 239

**ОПЕРЕЖАЯ ВРЕМЯ: ВЗГЛЯД НА РАННИЕ РАБОТЫ
В.Н. ЯРСКОЙ О ПРЕДВИДЕНИИ**

Фалько Владимир Иванович,
к. филос. н., доцент кафедры
«Педагогика, психология, право, история и философия»
Мытищинского филиала Московского государственного
технического университета имени Н.Э. Баумана, РФ, г. Мытищи
E-mail: vfalco@yandex.ru

Аннотация. Цель: раскрыть прогностическую роль философско-методологических оснований теории научного предвидения на примере работ В.Н. Ярской. Метод: системно-философский. Результаты: показано, что содержание ранних работ В.Н. Ярской в области философии и методологии теории научного предвидения и прогнозирования продвигали развитие исследований будущего, актуальны, а их образ мысли соответствует современному типу научной рациональности. Выводы: теоретическая мысль, отвечающая вызовам своего времени, способна продвигать развитие процесса познания, сохранять и приобретать свою актуальность в будущем.

Ключевые слова: предвидение, прогнозирование, детерминация развития будущим, опережающее отражение, интенсивные и экстенсивные предвидения

**AHEAD OF TIME: A LOOK AT V.N. YARSKAYA'S
EARLY WORKS ON FORESIGHT**

Vladimir Falko,
PhD, Associate Professor of the Department of Pedagogy,
Psychology, Law, History and Philosophy Mytishchi Branch
of the Bauman Moscow State Technical University,
Russia, Mytishchi

Abstract. Objective: To explore the predictive role of the philosophical and methodological foundations of scientific foresight theory using the works of

V.N. Yarskaya as an example. Method: systems-philosophical. Results: It is demonstrated that the content of V.N. Yarskaya's early works in the field of philosophy and methodology of scientific foresight and forecasting theory advanced the development of futures studies, are relevant, and their thinking corresponds to the modern type of scientific rationality. Conclusions: theoretical thought that responds to the challenges of its time is capable of advancing the development of the cognitive process, maintaining and acquiring its relevance in the future.

Keywords: *foresight, forecasting, determination of development by the future, anticipatory reflection, intensive and extensive forecasting*

Введение

Характер темпоральности и присутствующего в ней отражения будущего меняется всё заметнее, а ход времени ускоряется, опровергая гипотезы о константах мирового исторического процесса. Ещё недавно, на конференции по пронизывающей темпоральности и на других форумах в стране и мире обсуждались проблемы деглобализации, цифровизации и непредсказуемости революционных процессов в мире нейросетей, а уже сегодня кризис современности, грозящий ввергнуть человечество в безвременье, требует освоения микроуровня социального времени и поиска сверхвременных факторов гармонизации человеческого разума с минимальным интеллектом в фундаменте живой природы и искусственным атемпоральным интеллектом машин, интенсификации воздействия на природу с ритмом времени экосистем.

В контексте современности и роста влияния на неё метамоментов будущего актуализируется и прошлое, в том числе история теории научного предвидения и прогнозирования. Обращаясь к наследию В.Н. Ярской-Смирновой, убеждаюсь в том, что её идеи и разработки конца 60-х – начала 80-х годов, внешне выражающие образ мысли неклассической науки и философии, содержали, продвигали и вели за собой концептуальный

контекст современности. Их актуальность сегодня – в образце соответствия канонам теоретического исследования и творческой перспективности в аспекте встречи с грядущим. Коснусь отдельных примеров развития принципов и понятий в публикациях саратовского учёного и философа в вопросах, касавшихся поисков в моих ранних работах по философским основаниям прогностики. Это, прежде всего, идеи детерминации будущим, опережающего отражения, а также интенсивных и экстенсивных научных открытий и предвидений.

1. Детерминация развития будущим

Ещё до знакомства с работами В.Н. Ярской, меня привлекли идеи детерминации будущим, которые развивал её учитель А.Ф. Аскин. Он писал «о детерминации прошлым, детерминации настоящим и о детерминации будущим как разных видах детерминации» [4, с. 350], опираясь на философскую традицию, идущую от А. Августина: «...Есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего» [1, кн. 11, XX, 26], и на труды зарубежных и отечественных мыслителей последующих веков. Следует отметить, что философские обоснования этого принципа В.Н. Ярская развивала, опираясь на открытия и идеи физики XX века. Так, А. Эйнштейн в письме Мишелю Бессо писал: «Для нас, убеждённых физиков, различие между прошлым, настоящим и будущим – не более, чем иллюзия, хотя и весьма навязчивая». Причём будущее в её работах не сводилось только к гносеологическому статусу отражённого в знании времени, но рассматривалось также в онтологическом аспекте: «Кроме того, время анализируется нами как двойной фактор предвидения: как фактор опережения событий в процессе прогностического отражения и в качестве отражённого идеального времени» [14, с. 6]. В статье, опубликованной в 1983 г. В.Н. Ярской в соавторстве с О.Н. Ежовым, подчёркиваются не только объектный и объективный, но также субъектный и субъективный аспекты детерминации будущим, что вполне соответствует форми-

ровавшемуся в то время постнеклассическому типу научной рациональности не только в науке, но и в прогностической деятельности. В этой связи вводится понятие прогностического настоящего: «Прогностическая деятельность общественного субъекта вызывает к жизни особый вид реальности – прогностическое настоящее (ПН), дифференцируя в индивидуальной деятельности мозаичную картину ПН на отдельные ее фрагменты, в зависимости от «субъективного» вклада в развитие культуры» [15, с. 44]. В понятии ПН раскрывается ещё один аспект многомодусности объекта предвидения: «Язык прогностики един для всех объектов, существовавших в прошлом, существующих теперь, и тех, которые будут существовать. Предвидение как функция науки не ограничивается поэтому объектами будущего» [14, с. 26].

Детерминация будущим тесно связана и с идеей *инверсии времени в предвидении*, разработанной Ярской в ранних работах [14, 17], и развитой в сравнительно недавних публикациях, в которых отражены результаты рефлексии социального и культурного феноменов обращения отражённого времени [16]. Инверсия времени в предвидении проявляется не только в гносеологическом аспекте, в отражающей зеркальности предвидения, но и в онтической двойственности течения времени как надвигающегося на нас, на настоящее будущего, и движения настоящего и нас самих навстречу будущему.

Вопросы детерминации настоящего будущим в XXI веке поднимаются применительно к современным историческим условиям, данным и современному характеру науки и прогностической деятельности, не только предвосхищённому, но и теоретически определённом в работах В.Н. Ярской. Актуальность исследований детерминации будущим подчёркивал В.С. Стёпин в пленарном докладе «Кризис современной цивилизации и проблема объединяющих ценностей» на Первом белорусском философском конгрессе 18 октября 2017 г. О постановке проблемы возможно-

сти детерминации настоящего и прошлого будущим говорил А.Ю. Севальников на конференции «Время в современной картине мира» в Институте философии РАН 6 февраля 2018 г., пишет ряд отечественный и зарубежных учёных и философов.

Автор этих строк разрабатывал принцип детерминации будущим, опираясь на труды Аскина, Ярской и других авторов в 1970-е – 1980-е годы в кандидатской диссертации по философским основаниям прогностики и статье [8], делая акцент на онтологическом статусе прогноза, включая в него и феномен инверсии времени. Недавно я вернулся к этой проблеме в статье [10], расширив методологическую базу исследования за счёт системомыследеятельностного подхода, параметрической теории систем и поставив вопрос о возможности введения понятий метамоментов времени во всех трёх модусах и в одномодусной модели времени А.И. Уёмова.

2. Опережающее отражение в предвидении

Другой пример развития теории научного предвидения – трактовка понятия опережающего отражения, расходящаяся с утвердившейся в отечественной прогностике 70-х – 80-х годов XX века. Многие авторы, включая В.И. Фалько [9], приняв теорию опережающего отражения П.К. Анохина [2], распространили соответствующий термин с функциональных систем на научные предвидения и прогнозы.

Но В.Н. Ярская подвергла критике такое обобщение: «Термин “опережающее отражение” может служить родовым понятием лишь для биологических и психофизиологических предпосылок индивидуального предсказания и прогностической функции общественного сознания...» [14, с. 139]. Это понятие выражает опережение материальными или психическими процессами в функциональной системе животного либо в сознании человека временных процессов, протекающих во внешней среде, но не распространялось Анохиным на идеальные модели, и не может быть применено к дискретным компьютерным моделям. Действительно, Анохин

показывает, что опережающее отражение в мозгу животного есть *«свойство непрерывного течения его процессов в полном соответствии с компонентами этого континуума в пространстве и во времени»* [3, с. 9].

Нужно, однако, иметь в виду, что теории функциональной системы растений и человека ещё не создано, поэтому В.Н. Ярская совершила расширение термина «опережающее отражение» на всю живую природу, опережая развитие науки. Вместе с тем она не распространяет это понятие на прогностические машинные и научные статистические модели. Основанием для этого является их дискретность, которая, надо понимать, не образует непрерывных процессов, отвечающих понятию движения как континуума. «Такого рода расширительное толкование становится ненужным при введении в теорию прогностики понятия прогностического отражения. Указанное понятие является действительно родовым по отношению к понятиям опережающее отражение и прогностическое сознание (предвидение)» [14, с. 154].

Введение понятия «прогностическое отражение», действительно, не даёт повода подменять непрерывную и динамичную структуру опережения как приспособления животных к окружающему внешнему миру континуальных воздействий, не вполне адекватными его природе статичными и дискретными схемами механизмов. Этот термин позволяет развивать концепцию двойного фактора предвидения, и соответствует современному типу рациональности.

В современной науке и практике теория функциональных систем является признанной даже в теории биомашсистем [11], объединяющей континуально построенные системы приспособления животных к непрерывной среде воздействий, с машинами, растениями и человеком. Более того, термин «биомашсистема» имеет все шансы сохраниться, несмотря на то, что обнаруженный у растений минимальный интеллект по своей структуре и принципам функционирования похож на нейросети и включает

в себя природные биокомпьютеры [5]. Учитывая это, можно ожидать, что концепция В.Н. Ярской может быть предметом обсуждения на очередной конференции, посвящённой развитию наследия П.К. Анохина, на которую готовлю соответствующий доклад.

Хотя обобщение предвидений и прогнозов в понятии опережающего отражения не является ошибочным, употребляемым, на мой взгляд, не только в переносном смысле, но и в допущении дискретных информационных и статичных идеальных моделей темпоральных континуальных систем, сохраняющемся в науке. Соотнесение различных по своей мощности множеств наблюдается и в типах предвидений, в частности, интенсивных и экстенсивных.

3. Интенсивное и экстенсивное измерения в науке и предвидении

Важное место в трудах В.Н. Ярской отводится понятиям интенсивных и экстенсивных предвидений и научных открытий, выделяемых в соответствии с типами развития науки – вглубь и вширь. В моих наукометрических и прогностических моделях эти измерения развития знания явились предметом первой научной публикации [6] и диссертации [7, с. 112-121]. Модель представляет собой отображение количества научных открытий и других результатов роста научных знаний в сферических полярных координатах, где радиальное измерение соответствует углублению знаний, а две угловые координаты – его расширению. Трёхмерная модель оказывается соответствующей известным эмпирически установленным в истории развития познания наукометрическим соотношениям, в частности, квадратичной зависимости роста количества экстенсивных знаний по отношению к числу интенсивных открытий, законы Прайса и Лотки в соотношении темпов роста численности выдающихся учёных и общего числа научных работников, численности публикаций этих категорий работников науки. При этом аргументом является параметр глубины, а функцией – показатель

расширения знания. Площадь сферы знаний, соприкасающаяся с континуумом фактов объективного мира, стремится к его заполнению, в то время как направления радиального роста счётны, и прогнозировать, где и на какую величину произойдет прирост глубинного знания, основываясь на величине площади экстенсивных знаний, проблематично.

Эта зависимость соответствует и положению концепции Ярской, согласно которой, «в ходе экстенсивных революций в науке могли быть сделаны лишь экстенсивные предсказания» [14, с. 61]. Типам роста научных результатов соответствуют и типы научных предвидений: «Предсказания, не вытекающие непосредственно из предшествующего знания, в отличие от аналитических предсказаний, связанных с предыдущей теорией как единичное с общим и экстенсивно развивающих теорию, дают толчок к интенсивному развитию знания» [14, с. 60].

Соотношение интенсивных и экстенсивных предсказаний в науке связано с подходами к разрешению парадокса предсказания открытия, идущего от К. Поппера, и состоящего в невозможности предсказать научное открытие, т. к. это означало бы сделать его. «Интенсивные предсказания качественно меняют теорию, они сами содержатся в новой теории (поэтому старая теория интенсивно не предсказывает – тем самым она опровергла бы себя)» [14, с. 62].

Из рассуждений В.Н. Ярской можно сделать вывод, что интенсивные открытия не абсолютно непредсказуемы. Интенсивные предсказания могут указывать на изменение характера научного знания и тем самым иметь своим предметом не научную теорию, закон или неизвестное явление, а образ мысли, относящийся к философии, эвристике.

Работы Ярской [13, 14] и др. подготовили разрешение парадокса предсказания открытия и сами являются интенсивными предсказаниями, не только продвигающими философскую и научную мысль, но и опережающими её развитие, ведущую за собой.

Заключение

Объём статьи не позволяет охватить даже основные идеи и результаты исследований и разработок В.Н. Ярской в области философских и методологических оснований теории научного предвидения и прогностики. К некоторым я обращался в докладе на саратовской секции V Международной научной конференции «Интеграция. Интеракция. Инклюзия: от рефлексии к действию». Но и рассмотренные здесь примеры показывают, что не только касательно парадокса предсказания научного открытия, но и в других аспектах, её работы нередко носят характер интенсивных предсказаний, парадоксальных в различных отношениях и продвигающих развитие науки и философской мысли иногда непредсказуемо. Но не менее важно то содержание, которое передано многочисленным ученикам, в том числе принципиально невыразимое в виде текстов. Из проведенного анализа можно сделать вывод, что философская и научная мысль, отвечающая канонам и образцам теоретического исследования и, вместе с тем, новым вызовам своего времени, способна не только продвигать развитие знания, но и опережать его, вести за собой и приобретать растущую актуальность в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Августин А. Исповедь. Москва: Канон +, ОИ «Реабилитация», 2003. 464 с.
2. Анохин П.К. Опережающее отражение действительности // Вопросы философии. 1962. № 7.
3. Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1970.
4. Аскин Я.Ф. Детерминация, развитие, время // Философские основания естественных наук. Москва: Наука, 1976.

5. Исследования микромеханизмов жизнеспособности растений для разработки экологически чистых и экономичных технологий / Н.В. Классен и др. // Экология человека и природы в XXI веке (ЭкоМир-11): материалы 11-й Международной конференции (Москва – Мытищи, 31 октября – 1 ноября 2023 года). Москва: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2024. С. 77-80.

6. Фалько В.И. Интенсификация научного познания и «сферическая» модель науки // Опыт и проблемы управления наукой (тезисы докладов VI Киевского Симпозиума по науковедению и научно-техническому прогнозированию. Ч. I. Киев, 1976. С. 111-113.

7. Фалько В.И. Методологические принципы прогнозирования научно-технического прогресса (К анализу философских оснований прогностики): дис.... канд. филос. наук. Киев, 1978. 219 с.

8. Фалько В.И. Детерминация будущим и прогнозирование // Вопросы методологии и методики социального прогнозирования: Проблемы социального прогнозирования: сб. науч. тр. Вып. VIII. Красноярск, 1983. С. 32-39.

9. Фалько В.И. Прогнозирование как опережающее отражение действительности // Методологические вопросы общественно-исторического предвидения: Проблемы социального прогнозирования: сб. науч. тр. Вып. IX. Красноярск, 1986. С. 33-45.

10. Фалько В.И. Детерминация настоящего и прошлого будущим // История. Политика. Культура: материалы I Всерос. научно-практической конференции (Москва, 24 апреля 2018 г.). Москва: МГИК, 2019. С. 62-67.

11. Черноиванов В.И., Толоконников Г.К. Основы теории биомашинистем. Москва: Росинформагротех, 2024. 294 с.

12. Ярская В.Н. Временная ориентация научного предвидения // Отражение как предвидение. Свердловск, 1976.

13. Ярская В.Н. К вопросу о соотношении экстенсивного и интенсивного типов научного предвидения // Методологические вопросы науки, Вып. 6. Саратов, 1978. С. 62-66.

14. Ярская В.Н. Научное предвидение: Вопросы методологии / под ред. проф. Я.Ф. Аскина. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 1980. 185 с.

15. Ярская В.Н., Ежов О.Н. Взаимосвязь социокультурных, временных и психологических факторов предвидения // Вопросы методологии и методики социального прогнозирования: Проблемы социального прогнозирования: сб. науч. тр. Вып. VIII. Красноярск, 1983. С. 39-45.

16. Ярская В.Н. Время как многоликий калейдоскоп: многообразие, нелинейность, инверсия // Калейдоскоп времени: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие: Сборник статей по материалам Международной междисциплинарной конференции. Саратов, 25–26.09.2015. Саратов: СГТУ имени Гагарина Ю.А., 2016.

17. Ярская-Смирнова В.Н. Инверсия времени как специфическая форма отражения объективных закономерностей // Гносеологическое значение системно-структурного анализа. Саратов, 1968.

УДК 316.1

КАТЕГОРИИ ИНТЕГРАЦИИ И ИНКЛЮЗИИ В СОЦИОЛОГИИ

*Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна,
д. социол. н., профессор,
ординарный профессор кафедры общей социологии,
факультет социальных наук Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики», Россия, Москва
E-mail: elena.iarskaia@gmail.com*

***Аннотация.** Социологическая теория инклюзии и исключения является сегодня одним из ключевых инструментов понимания современности и позволяет взглянуть на инклюзию в темпоральной перспективе. В статье раскрывается смысл, который имеют понятия инклюзии и интеграции в социальной науке. Рассматриваются основные подходы к их определению у классиков социологии.*

***Ключевые слова:** интеграция; инклюзия; социология*

CATEGORIES OF INTEGRATION AND INCLUSION IN SOCIOLOGY

Elena Yarskaya-Smirnova
Doctor of Sociology, Professor,
Ordinary Professor of the Department of Sociology,
Faculty of Social Sciences of the National Research University
«Higher School of Economics», Russia, Moscow

Abstract. *The sociological theory of inclusion and exclusion is one of the key tools for understanding modernity today, and it allows us to look at inclusion from a temporal perspective. This article explores the meaning of inclusion and integration in social science. It examines the main approaches to defining these concepts in the works of classical sociologists.*

Keywords: *integration; inclusion; sociology*

В риторике муниципальных социальных служб, некоммерческих организаций, благотворительных фондов сегодня широко распространено противопоставление инклюзии и интеграции. Как в отечественных, так и в зарубежных публикациях для практиков нередко встречается редукция понятия интеграции к значению «внедрения» ребенка в класс или адаптации ученика к классу или школе, тогда как инклюзия трактуется как помощь каждому, которая требует изменения всей школьной системы с целью соответствовать потребностям всех детей. Так, в одном из изданий предлагается следующее различие понятий или подходов интеграции и инклюзии на практике: «Если сотрудники школы говорят о дополнительных мерах адаптации или услугах, выделенных, чтобы помочь ребёнку приспособиться к учёбе в классе — это интеграция. Обычно также упоминается преодоление проблем, приобретение функциональных способностей и помощник для ребёнка [...] В инклюзивных школах и классах [...] планируются такие методики адаптации и совершенствования класса, чтобы все ученики были успешны» [3].

Какой же смысл имеют эти понятия в социальной науке? Рассмотрим кратко основные подходы к их определению у классиков социологии.

Термин «интеграция» (лат. *integer* – целый, полный, невредимый) означает соединение разрозненных фрагментов или явлений в одно целое, создающее новую картину. В социологию его ввел в XIX веке Герберт Спенсер, который указывал на взаимозависимость частей общества, связанную с разделением труда [см.: 2, с. 75]. При этом, как указывал Спенсер, общественная «агрегация» возможна лишь при условии властного неравенства и наличия управляющего органа.

У Парсонса процесс интеграции является компонентом эволюционных изменений наряду с дифференциацией, повышением адаптивности и ценностной генерализацией. Процесс дифференциации и адаптивного совершенствования делает все более трудным поддержание таких дихотомичных социальных категорий, как высшие и низшие классы. Концепт инклюзии Парсонс развивал, изучая общественные движения, которые он называл «инклюзивными». Одна из работ Парсонса по проблематике инклюзии «Полное гражданство американского негра?» вышла в 1965 [11] и затем была включена в сборник трудов под его редакцией о социальном статусе и перспективах афроамериканцев. Соредактором Парсонса выступил выдающийся психолог Кеннет Б. Кларк [12], один из авторов знаменитого эксперимента с куклами в 1940-х годах. Эта книга представляла собой беспрецедентную попытку академического сообщества проанализировать историю и текущий статус межрасовых отношений в стране и наметить пути к достижению равенства. Предисловие было написано президентом Линдоном Б. Джонсоном, чьи политические компетенции и приверженность гражданским правам вселяли надежду на наступление новой эры в межрасовых отношениях [10]. По словам Виктора Лидза, работавшего в 1960е годы ассистентом Парсонса, на подготовку этой статьи оказали влияние два важных контекста. Во-первых, это подъем движения за гражданские права, в том числе, расовую дегрегацию и, во-вторых, стоявшие тогда перед Парсонсом аналитические проблемы теории социальной инте-

грации обществ в периоды конфликтов и в процессах социальных изменений [10].

Аналитическая модель Парсонса, объясняющая механизмы организации общества с помощью основных взаимодействующих подсистем (AGIL), была тогда им переосмыслена с использованием понятия «социетальное сообщество» как подсистемы, выполняющей интегрирующую функцию. Парсонс полагал, что в 1960-х годах Соединенные Штаты стояли на пороге трансформации социальной структуры за счет расширения сферы высшего образования и экономических возможностей для образованных граждан. Его статья выражала оптимизм относительно перспектив афроамериканцев принять участие в этом процессе.

Развивая концепцию гражданства Маршалла [6], Парсонс настаивал на дополнении проблемы классового неравенства аспектами религиозного, расового и этнического разнообразия. Именно в таком интерсекциональном ключе Парсонс и понимал инклюзию [13]. Сильное сопротивление инклюзивным процессам со стороны доминирующих групп Парсонс объяснял не только предрассудками населения, но и сбоями механизмов контроля во всех подсистемах общества. Было бы напрасно ожидать, что глубоко укоренившуюся дискриминацию можно изменить только путем культурной реформы и обращения к нормам. Парсонс подчеркивал, что ликвидация дискриминации требует глубоких изменений в профессиональной системе и политического поощрения активной позиции в отношении социальной мобильности [11]. Кроме того, зачастую необходимо использование политической власти для обеспечения более полного гражданства группы, находящейся в неблагоприятном положении. Инклюзивные процессы влекут затраты – с точки зрения ресурсов, нормативных ограничений и бремени, – которые могут способствовать усилению негативной реакции доминирующей группы на инклюзию. Тем не менее по убеждению Парсонса, модернизация предоставляет возможность для широкого разви-

тия процессов инклюзии.

В дальнейшем Никлас Луман развил системный подход к социальной интеграции как взаимопроникновению – такой процесс не означает сплавления личностных и социальных систем, а предполагает одновременно инклюзию и эксклюзию. Каждая система – и принимающая, и входящая в нее – делают свой вклад и оставляют за собой относительную автономию, производят и воспроизводят свои элементы [5, с. 293]. Рост системной общественной дифференциации вызывает увеличение сложности. В том числе, усложняются и механизмы включения и исключения, которыми людей дифференцируют на категории, подлежащие включению – и одновременно – исключению. Ярким примером является административная эволюция английских Законов о бедных. Кодифицированный при Елизавете I, закон о бедных в 1601 году требовал, чтобы церковные приходы заботились о престарелых, больных и малолетних бедняках как «достойных» помощи, обеспечивая при этом работой трудоспособных. Закон 1834 года был направлен на сокращение расходов, поэтому за устройство в рабочие дома или размещением в богадельне могли обратиться только понастоящему отчаявшиеся люди.

Система, в основе которой – различие «достойных» и «недостойных» бедных, просуществовала более трех столетий, став предшественницей современного государства всеобщего благосостояния. Так создавался бюрократический аппарат для управления социальными рисками, который в конечном итоге превратился в структурированную социальную помощь. Законы эффективно способствовали нормализации промышленного труда, отделяя получателей социальной помощи от рабочей силы, что было ключевым функциональным требованием капиталистической экономики XIX века.

Поскольку индустриализация требовала грамотной рабочей силы, а политические институты становились все более демократичными, расши-

рение участия в образовании означало стремление к инклюзии. Начиная с принятия Конвенции ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования в 1960 году, страны стремились решить проблему социального исключения учащихся из числа непривилегированных слоев населения. В 1994 году ЮНЕСКО приняла Саламанкскую декларацию о принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями, и это означало серьезную реформу, благодаря которой инклюзия стала трактоваться как «образование для всех», не ограничиваясь детьми с инвалидностью, но включая детей с культурными, лингвистическими и иными особенностями.

Социологическая теория инклюзии и исключения [15] является сегодня одним из ключевых инструментов понимания современности и позволяет взглянуть на инклюзию в темпоральной перспективе. С одной стороны, социальная инклюзия является универсальным явлением в истории общества. В каждой социальной системе люди различают своих и чужих по определенным критериям инклюзии, существуют институты инклюзии, например, ритуалы посвящения. С другой стороны, в темпоральном измерении инклюзия приобретает иной функциональный смысл, когда включенность в социальную систему перестает быть изначальным фактом, устанавливаемым в момент рождения и распространяющимся на всю жизнь человека. Вместо этого в современных обществах решения о включении или исключении людей из социальных систем происходят в процессах коммуникации. Решения об инклюзии и эксклюзии, а также сами эти процессы происходят параллельно, непрерывно в разных системах, критерии регулярно пересматриваются, границы между включаемыми и включающими сдвигаются.

Формы инклюзии, которые не зависят от рождения и не принимают форму членства в социальных системах, становятся стабильными и трансформируются в социальные роли. Этот тезис приводит Рудольф Штихве,

определяя инклюзию через совокупность ожиданий в отношении обязанностей и прав, которые обеспечивают включение людей, исполняющих эти роли [14]. Как именно критерии членства могут стать более обобщенными, менее привязанными к конкретным особенностям? Парсонс отталкивался от мысли о том, что сравнительно высокие уровни структурной дифференциации и обобщения ценностей могут долгое время сосуществовать с аскриптивной дискриминацией на институциональном и социальном уровнях. По этой причине Парсонс предложил изучать «спрос и предложение» инклюзии [11; 10]. Процессы инклюзии не будут развиваться без «спроса» на инклюзию, коллективных действий по использованию возможностей для инклюзии (и управлению последствиями). В некоторых случаях процесс инклюзии может происходить децентрализованно, едва заметно. Спрос на инклюзию может развиваться через сегментированные институты, через жизнь в общественных объединениях и ассоциациях. А там, где разрыв между нормативными определениями и реальностью очень велик, процесс инклюзии требует появления общественного движения, способного бросить вызов устоявшимся структурам (Sciortino, 2021).

Социологическая теория, объясняющая интеграцию и инклюзию в оптике темпоральности, является одним из ключевых инструментов понимания современных социальных и политических систем. При этом концепции инклюзии и интеграции вовсе не отражают различные подходы к организации социальных систем. Интеграция – это фундаментальное свойство социальной системы, а инклюзия – это способ реализации равного гражданства в современных обществах. Так, школа – это система, где интегрируются новые знания, методы обучения, среда и сами ученики, как и участвующие здесь взрослые. По мере появления новых методов и людей под их воздействием, интегрируясь, меняется и сама система. При этом процессы инклюзии могут быть разнонаправленными, сложными и переплетенными с эксклюзией. Человек может себя чувствовать вовлеченным в

одной сфере и исключенным в другой, исключение из одних систем способно проявляться в комбинации разных неравенств, но может включать человека в другие системы, а инклюзия, в свою очередь, может приводить к исключению [13]. Образование может закреплять низкий уровень успеваемости и снижать самооценку ученика. Луман показал, что некоторые учащиеся слабо успевают из-за недостаточной уверенности в себе, возникшей вследствие недостаточного социального взаимодействия с одноклассниками и учителями. Именно на эту важность межличностной и межгрупповой коммуникации в процессе инклюзии делал упор Мел Эйнскоу, предложивший методику оценки инклюзии для развития любого ученика, педагога и школьной среды в целом [1].

***

В августе 2025 года маме бы исполнилось 90 лет. В своих публикациях и лекциях она размышляла об инклюзии и интеграции, о конфликте времён и смене темпоральностей «от технократизма и милитаристской доминанты к постмодернистскому времени диалога». Пение, театр, физика и философия, социальные науки, любовь к языкам сочетались у нее с огромной энергией, направленной на поддержку и продвижение близких, учеников и коллег, чей круг постоянно расширялся.

Разбирая мамины архивы, я нашла рукописную карточку с фрагментами из стихотворения Кушнера. Думаю, оно соответствовало ее мироощущению. Все темные и яркие времена, через которые ей довелось пройти, оставили свой след в ее биографии, но многое она делала наперекор складывающимся обстоятельствам. Ведь отпечатки времени – это наши собственные следы.

Что ни век, то век железный,
Но дымится сад чудесный.
Блещет тучка, обниму
Век мой, рок мой на прощанье

Время – это испытанье,
Не завидуй никому.
Крепко тесное объятье
Время – кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки
С нас – его черты и складки
Приглядевшись, можно взять.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бут Т., Эйнскоу М. Показатели инклюзии: практическое пособие / под ред. М. Вогана; пер. с англ. И. Аникеева; науч. ред. Н. Борисова, общ. ред. М. Перфильева. Москва: РООИ «Перспектива», 2013.

2. Гаврилов К. А. Назад к Спенсеру: об интуитивных теориях групп, сообществ и обществ // Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии: сборник научных докладов симпозиума, 13-14 октября 2011 г. / под ред. И.Ф. Девятко, Н.К. Орловой. Москва: Институт социологии РАН, 2011. С. 69-84.

3. Доказательная база по инклюзивному образованию, 2016. URL: https://docs.autismchallenge.ru/Inclusion_Evidence_Baze.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

4. Луман Н. Общество общества. Москва: Логос, 2011.

5. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. Санкт-Петербург: Наука, 2007.

6. Маршалл Т.Х. Избранные очерки по социологии / сост., пер с англ. В.Г. Николаева, отв. ред. Л.В. Гирко. Москва: ИНИОН, 2006.

7. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. Москва: Аспект Пресс, 1998.

8. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 2. С. 94–122.

9. Ярская-Смирнова В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р. Инклюзивная культура социальных сервисов // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 133-140.

10. Lidz V. Talcott Parsons on full citizenship for African Americans: retrospective interpretation and evaluation // Citizenship Studies. 2009. Vol. 13, No. 1. P. 75–83.

11. Parsons T. Full Citizenship for the Negro American? A Sociological Problem // Daedalus. 1965. Vol. 94, 1009-1054. URL: <https://www.jstor.org/stable/20026954> (дата обращения: 10.08.2025).

12. Parsons T., Clark K.B. (eds) The Negro American. Foreword by Lyndon B. Johnson. Boston: Houghton Mifflin Company. 1966.

13. Sciortino G. A Blueprint for Inclusion: Talcott Parsons, the Societal Community and the Future of Universalistic Solidarities // The American Sociologist. 2021. Vol. 52. P. 159–177. URL: <https://doi.org/10.1007/s12108-020-09470-0> (дата обращения: 10.08.2025).

14. Stichweh R. English translation of a revised version of the chapter: Leitgesichtspunkte einer Soziologie der Inklusion und Exklusion // Rudolf Stichweh, Paul Windolf (eds.) Inklusion und Exklusion: Analysen zur Sozialstruktur und sozialen Ungleichheit. VS Verlag für Sozialwissenschaften: Wiesbaden 2009, S. 29-42. URL: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.24867.37928> (дата обращения: 10.08.2025).

15. Stäheli U., Stichweh R. Editorial. Inclusion/Exclusion – Systems Theoretical and Poststructuralist Perspective // Urs Stäheli and Rudolf Stichweh (eds) Inclusion /Exclusion and Socio-Cultural Identities. Systems Theoretical and Poststructuralist Perspectives. De Gruyter Oldenbourg, 2002. P. 3-7.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

*Аринушкина Наталья Сергеевна,
к. психол. н., доцент кафедры «Правовая психология, судебная
экспертиза и педагогика» Саратовской государственной
академии права, Россия, Саратов
E-mail: arinoushkina@yandex.ru*

***Аннотация.** Цель:* изучение взаимосвязи между социальной активностью и статусом учебно-профессиональной идентичности у студентов. *Метод:* психодиагностическое тестирование 200 студентов с применением методик Р.М. Шамионова, М.В. Григорьевой и А.А. Азбель, А.Г. Грецова с последующим однофакторным дисперсионным анализом (ANOVA). *Результат:* выявлены статистически значимые различия в структуре социальной активности между группами с разными статусами идентичности, позволившие выделить три типа активности: развивающую, поисково-экспериментальную и компенсаторно-досуговую. *Выводы:* полученные данные служат основой для разработки дифференцированных программ психолого-педагогического сопровождения профессионального становления учащейся молодежи.

***Ключевые слова:** социальная активность; учебно-профессиональная идентичность; студенты (учащаяся молодежь)*

FEATURES OF SOCIAL ACTIVITY AND EDUCATIONAL-PROFESSIONAL IDENTITY OF STUDENTS

*Natalia Arinushkina,
PhD (in Psychological Sciences), Associate Professor
Department of «Legal Psychology,
Forensic Examination and Pedagogy»
Saratov State Academy of Law, Russia, Saratov*

Abstract. *Purpose: to study the relationship between social activity and the status of educational-professional identity in students. Method: psychodiagnostic testing of 200 students using the methods of R.M. Shamonov, M.V. Grigorieva and A.A. Azbel, A.G. Gretsov, followed by one-way analysis of variance (ANOVA). Result: statistically significant differences in the structure of social activity were revealed between groups with different identity statuses, which allowed to identify three types of activity: developmental, search-experimental, and compensatory-leisure. Conclusions: the obtained data serve as a basis for the development of differentiated programs of psychological and pedagogical support for the professional development of students.*

Keywords: *social activity; educational and professional identity; students*

Актуальность исследования особенностей социальной активности и учебно-профессиональной идентичности учащейся молодежи обусловлена комплексом социальных, экономических и психологических факторов, определяющих как личное благополучие молодого поколения, так и будущее развитие общества в целом [2; 4]. Современная социально-экономическая ситуация характеризуется высокой динамичностью и неопределенностью рынка труда. Происходит стремительное изменение требований к профессиям, появляются новые сферы занятости, а другие – устаревают. В этих условиях успешная и устойчивая учебно-профессиональная идентичность, то есть четкое, осознанное и реалистичное представление молодого человека о своей будущей профессии, своих возможностях и путях развития, становится ключевым фактором конкурентоспособности и профессиональной самореализации [1; 3; 5]. Ее отсутствие или несформированность ведет к росту числа студентов, не уверенных в выбранном пути, что проявляется в академической неуспеваемости, эмоциональном выгорании и отчислении из вузов. Таким образом, исследование особенностей социальной активности и учебно-профессиональной

идентичности учащейся молодежи является актуальным и востребованным как в теоретическом плане (для понимания механизмов личностного и профессионального становления в современном мире), так и в практическом (для разработки конкретных мер по поддержке молодежи и оптимизации образовательного процесса).

Целью исследования является изучение особенностей социальной активности и учебно-профессиональной идентичности учащейся молодежи. Методы исследования: теоретический анализ проблемы исследования, психодиагностическое тестирование, математико-статистические, интерпретационные методы. В исследовании приняли участие 200 студентов (1-5 курсы, факультеты: технические – 35 %, гуманитарные – 40 %, естественнонаучные – 25 %). Средний возраст – 20.1 лет ($SD = 1,7$). Каждый участник заполнил комплект из четырёх методик в онлайн- или бумажном формате.

Методики исследования: методика диагностики компонентов социально-ориентированной активности (Р.М. Шамионова, М.В. Григорьевой), методика изучения статусов профессиональной идентичности (А.А. Азбель, А.Г. Грецов).

В рамках диагностического этапа проведен расчет описательной статистики: расчет средних значений, распределение статусов идентичности и уровней активности во всей выборке. Для каждой методики были подсчитаны сырые баллы и осуществлён перевод в стандартные шкалы (стены, процентиля или категории). Были использованы методы описательной статистики (среднее, стандартное отклонение) и однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) для сравнения средних значений по шкалам социальной активности между четырьмя группами, выделенными по статусу идентичности.

Наиболее выраженной в выборке является интернет-сетевая активность, что соответствует современным трендам молодого поколения. До-

статочны высоки показатели досуговой и альтруистической активности. Самые низкие показатели, как и ожидалось, у форм радикально-протестной и протестной активности. Образовательно-развивающая активность находится на среднем уровне выраженности.

Наибольшую группу составляют студенты в статусе «мораторий» – это период активного поиска и кризиса выбора, что типично для студенческого возраста. Значительная часть находится в неопределенном и навязанном статусах (в сумме 51 %), что указывает на проблемы с самостоятельным профессиональным самоопределением.

Сформированная идентичность – самая малочисленная группа, что логично, так как её становление часто завершается к концу обучения или после начала работы.

Таблица 1

Результаты однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA): сравнение уровней социальной активности в группах с разными статусами идентичности

Шкала активности	Неопределенная (n = 54)	Навязанная (n = 48)	Мораторий (n = 62)	Сформированная (n = 36)	F-критерий	p (знач.)
АД	5,9	6,1	7,5	7,8	8,74	0,000
ДА	7,1	7,3	7,8	7,6	1,23	0,299
СПА	3,8	3,5	5,0	4,5	5,12	0,002
ИСА	8,7	8,5	8,1	7,5	4,89	0,003
ГА	4,3	4,5	6,0	5,8	7,65	0,000
СЭА	5,0	5,2	6,8	7,1	9,32	0,000
ОРА	5,2	5,8	7,9	7,5	15,41	0,000
ДАкт	4,5	4,3	5,2	5,1	1,87	0,136
РА	3,4	3,8	3,5	3,3	0,45	0,720
ПА	2,8	2,5	3,4	2,6	3,45	0,018
РПА	1,7	1,6	2,2	1,5	3,12	0,027
СА	3,8	3,2	4,3	3,5	2,56	0,056

Однофакторный дисперсионный анализ выявил статистически значимые различия между группами студентов с разными статусами профессиональной идентичности по 8 из 12 шкал социальной активности. Это подтверждает основную гипотезу о существовании связи между структурой социальной активности и этапом профессионального самоопределения.

Наиболее сильные различия (с наивысшей статистической значимостью, $p < 0,001$) наблюдаются по шкалам, связанным с целенаправленным развитием, просоциальным поведением и практической ориентацией: Образовательно-развивающая (ОРА), Социально-экономическая (СЭА), Альтруистическая (АД) и Гражданская (ГА) активности.

Умеренные, но значимые различия выявлены в сферах Интернет-сетевой (ИСА), Социально-политической (СПА), Протестной (ПА) и Радиально-протестной (РПА) активности.

Незначимые различия ($p > 0,05$) зафиксированы по шкалам Досуговой (ДА), Духовной (ДАкт), Религиозной (РА) и Субкультурной (СА) активности. Это означает, что данные формы активности, вероятно, носят более личностный, контекстуальный или развлекательный характер и слабо дифференцируют студентов по степени сформированности их профессиональной идентичности.

Результаты позволяют разделить социальную активность на:

– идентификационно-значимую (развивающую): ОРА, СЭА, АД, ГА. Эти виды напрямую «работают» на построение идентичности, предоставляя навыки, опыт, ценности и социальные связи;

– поисково-экспериментальную (в том числе протестную): СПА, ПА, РПА, СА. Характерны для фазы активного кризиса («мораторий») как способ проверки границ и ценностей;

– компенсаторно-досуговую: ИСА (в высоких проявлениях), ДА. Могут замещать реальный поиск идентичности, особенно в группах с низкой степенью ее определенности.

Выявленная типология социальной активности позволяет целенаправленно проектировать программы психолого-педагогического сопровождения студентов: для группы «с мораторием идентичности» – создавать легитимные площадки для поисково-экспериментальной деятельности с обратной поддержкой; для групп с «неопределённой» и «навязанной» профессиональной идентичности – активизировать через вовлечение в идентификационно-значимые практики (проекты, волонтерство), минимизируя досуговый уход в виртуальную среду; а для студентов со «сформированной» идентичностью – предоставлять возможности для углублённой профессиональной реализации и социального лидерства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вызулина К.С. Профессиональная идентичность студентов на первом этапе учебно-профессиональной деятельности // *International Journal of Medicine and Psychology*. 2023. Т. 6. № 6. С. 136-141.

2. Коновалова О.В., Караева Л.В. Социальная активность как фактор развития социального потенциала личности // *Colloquium-Journal*. 2019. № 22-5 (46). С. 42-44.

3. Панкина А.В., Гнедых Д.С. Профессиональная идентичность как детерминанта сформированности представлений студентов о траектории самообразования // *Письма в Эмиссия. Оффлайн*. 2024. № 2. С. 3347.

4. Пчелин С.М. Психологическое исследование социальной активности личности: компоненты развития социальной активности личности // *Сибирский педагогический журнал*. 2008. № 15. С. 378-386.

5. Shamionov R.M. The role of civic identity in the preferences of civil and political forms of social activity in Russian youth // *Journal of Psychology and Pedagogics*. 2020. Т. 17. № 3. С. 459-472.

**ПСИХОЛОГИЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ ВРЕМЕНИ
И ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
И ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Байрамкулова Руфина Рустамовна,
к. психол. н., доцент кафедры общей и педагогической психологии
ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева», Россия, Карачаевск
E-mail: rufina.bairamkulova@mail.ru

Бостанова Светлана Николаевна,
к. психол. н., доцент, заведующий кафедрой
общей и педагогической психологии
ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева», Россия, Карачаевск
E-mail: Bostanova14@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию психологического аспекта восприятия времени и пространства жителями России в эпоху глобализации и активного внедрения цифровых технологий. Особое внимание уделяется влиянию новых коммуникационных возможностей и информационной среды на формирование образов реальности, а также изменению традиционных представлений о течении времени и локальном пространстве. В статье выявляется специфика психологического восприятия времени и пространства россиянами в условиях ускоренного технического прогресса и нарастающего воздействия глобальных культурных стандартов.*

***Ключевые слова:** психические процессы; восприятие; время; пространство; восприятие времени; восприятие пространства; сознание; поведение; цифровизация*

**PSYCHOLOGY OF EXPERIENCING TIME
AND SPACE IN THE CONTEXT OF
GLOBALIZATION AND DIGITALIZATION OF
RUSSIAN SOCIETY**

Rufina Bairamkulova,
*PhD (in Psychological Sciences), Associate Professor of the Department
of General and Pedagogical Psychology
«Karachay-Cherkess State University
named after U.D. Aliev», Karachaevsk, Russia*

Svetlana Bostanova,
*PhD (in Psychological Sciences), Associate Professor,
Head of the Department of General and
Pedagogical Psychology «Karachay-Cherkess State University
named after U.D. Aliev», Karachaevsk, Russia*

Abstract. *This article explores the psychological aspects of time and space perception in Russia during the era of globalization and the widespread adoption of digital technologies. It focuses on the impact of new communication capabilities and the information environment on the formation of reality images, as well as the changes in traditional perceptions of time and local space. The article identifies the specific psychological perception of time and space by Russians in the context of accelerated technological progress and the increasing influence of global cultural standards.*

Keywords: *mental processes; perception; time; space; perception of time; perception of space; consciousness; behavior; digitalization*

Современное российское общество находится под влиянием двух ключевых факторов: глобализация и цифровизация. Глобализационные процессы способствуют формированию единого мирового культурного поля, размывая границы национальных культур и традиций. Цифровые технологии становятся основой повседневной коммуникации, профессиональной деятельности и отдыха, существенно преобразуя привычные представления о времени и пространстве.

Актуальность проблемы психологии переживания времени и пространства в условиях глобализации и цифровизации российского общества обусловлена рядом важнейших обстоятельств современного мира. Одним из стержневых обстоятельств является глобализация, которая

ускоряет обмен информацией, стирает географические границы и создаёт единую информационную среду, что значительно влияет на индивидуальное восприятие личностью времени и пространства. Сегодня Россия включена в мировое сообщество, испытывая мощное воздействие международной культуры, экономики и политических процессов.

Еще одно яркое обстоятельство современного мира – цифровизация. Активное внедрение цифровых технологий кардинально меняет повседневную жизнь россиян. Общение, работа, образование и досуг стали невозможны без участия интернета, мобильных устройств и цифровых сервисов. Эти инновации формируют новую реальность, характеризующуюся быстрой сменой событий и постоянным подключением к информационному потоку.

Традиционная русская культура характеризуется глубокими связями с территорией, историей и наследием предков. Однако современные реалии требуют переосмысления понятий дома, родного края и национальной идентичности. Поэтому наравне с глобализацией и цифровизацией, выступает проблема ментальности, которая заключается в соприкосновении российских граждан с уникальными дилеммами осознания своего места в мире и временем собственного существования [3; 6; 9].

Понимание особенностей переживания времени и пространства важно для выработки рекомендаций по улучшению условий труда, образования и быта. Особенно актуально это в свете растущего уровня стресса и тревожности, вызванных ускоренным темпом жизни и высоким уровнем потребления информации.

Данная тема привлекает внимание исследователей из разных областей знания – от философов и антропологов до психологов и социологов. Изучив механизмы формирования перцептивных моделей, учёные смогут лучше объяснить причины кризиса идентичности и предложить эффективные стратегии совладания с изменениями.

Так, исследование психологии переживания времени и пространства в условиях глобализации и цифровизации является актуальным и необходимым направлением научного поиска, способствующим пониманию глубинных проблем человеческого сознания и поведения в современных условиях [3; 5; 8].

Восприятие времени традиционно рассматривается в психологии как когнитивный процесс, связанный с оценкой длительности событий и интервалов между ними. Пространственное восприятие включает осознание расстояний, местоположения объектов относительно друг друга и ориентацию в окружающем мире.

Глобализация оказывает значительное воздействие на временные рамки индивидуального опыта: события, происходящие одновременно в разных уголках планеты, воспринимаются практически мгновенно благодаря цифровым технологиям связи. Это способствует появлению феномена «глобального настоящего». Цифровая среда формирует виртуальное пространство, которое дополняет физическое, создавая иллюзию доступности удалённых объектов и мгновенности перемещений. Человек всё чаще взаимодействует с миром через экран гаджета, утрачивая непосредственный контакт с окружающей средой [1; 4; 7; 9].

Современные условия оказывают существенное влияние на психологию россиян, определяя качественно новый уровень восприятия пространства и времени [2; 10; 11]. Важнейшими факторами являются:

- увеличение интенсивности взаимодействия в рамках единой информационно-коммуникационной среды;
- изменение характера взаимодействия с физическим пространством посредством виртуальных платформ;
- возрастание ощущения постоянной включённости в глобальные процессы.

Необходимость адаптации к новым условиям порождает стрессовые ситуации, снижает чувство стабильности и требует разработки эффективных механизмов психологической поддержки. Дальнейшие исследования могут включать изучение последствий длительного пребывания в виртуальной среде, разработку методик психокоррекции для преодоления негативных эффектов цифровой зависимости, а также проведение сравнительных межкультурных исследований, позволяющих выявить общие тенденции и региональные различия в восприятии времени и пространства.

Данная статья призвана внести скромный вклад в понимание сложных процессов, протекающих в российском обществе под воздействием глобализации и цифровизации, предлагая практические рекомендации для сохранения психологического здоровья и гармоничного развития личности в стремительно меняющемся мире.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аргунова Г.А., Бостанова С.Н., Тетуева М.К. Особенности влияния интернет-технологий и гаджетов на личность в подростковом возрасте // Традиции и инновации в психологии и социальной работе: семья и личность: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, Карачаевск, 10-12 октября 2024 года. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, 2024. С. 19-31.

2. Ахмадеева Э.Р., Семенова Ф.О. Современная молодежь и цифровая культура // Вестник Пермского университета. Серия психология. 2021. № 1. С. 54-62.

3. Ахмедханова Р.А. Формирование информационной культуры студентов в процессе обучения в вузе // Традиции и инновации в психологии и социальной работе: семья и личность: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, Карачаевск, 10-12

октября 2024 года. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, 2024. С. 31-36.

4. Бостанова С.Н., Бостанов У.А., Салпагарова С.Х. Влияние современной культуры на стиль жизни личности подросткового возраста // Алиевские чтения: материалы научной сессии, Карачаевск, 15-20 апреля 2024 года. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2024. С. 53-58.

5. Бостанова С.Н. Влияние стрессоустойчивости на «социализацию» личности в онлайн-пространстве // Алиевские чтения: Материалы научной сессии, посвященной 100-летию образования Карачаево-Черкесской Республики, Карачаевск, 29-30 апреля 2022 года. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2022. С. 32-38.

6. Леонтьев Д.А. Ощущение времени // Мир психологии. 2015. № 3. С. 15-26.

7. Петровская Е.В. Современные концепции времени в философии и науке // Философия науки. 2018. Т. 23. № 1. С. 34-45.

8. Соколова Ю.И. Время и пространство в массовой культуре XXI века // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 75-84.

9. Цифровые телекоммуникации в системе образования / Л.К. Бостанова, С.Н. Бостанова, И.Ю. Гербекова, Д.И. Тебуева // Карачаево-Черкесия: создавая будущее: Материалы научной сессии фестиваля науки, технологий и искусств, посвященного 100-летию образования КЧР, Карачаевск, 28 октября – 03 ноября 2022 года. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2022. С. 91-95.

10. Шестаков А.Н. Пространство и время в культуре современности // Культура и цивилизация. 2019. № 4. С. 113-124.

11. Щербакова Т.Н., Бостанова С.Н., Хачирова З.Х. Самореализация студента в условиях цифровизации образования // Традиции и инновации в психологии и социальной работе: материалы IV Всероссийской научно-

практической конференции, Карачаевск, 29-30 октября 2021 года. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, 2021. С. 149-155.

УДК 342

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРУЮЩИХСЯ
УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ТРЕНДОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Брянцев Иван Иванович,
к. социол. н., доцент,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления
Поволжского института управления
им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации, Россия, Саратов
E-mail: iibry@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время цифровая трансформация является одним из приоритетных направлений, в рамках которых проходят значительные изменения в системе деятельности органов государственной власти. Значимость этих вопросов отмечается в различных нормативных правовых документах. Цифровая трансформация рассматривается как стратегический инструмент реализации государственной политики в различных сферах общественных отношений.

Проведенный анализ показывает, что в условиях динамичного развития цифровой среды сформировался ряд устойчивых трендов, связанных с внедрением искусственного интеллекта в управленческий процесс. Специфика которых заключается в том, что они имеют системный и вертикально интегрированный централизованный характер от федерального к региональному уровню, что позволяет государственным орга-

нам активно формировать правила игры и создавать необходимую инфраструктуру.

Ключевые слова: цифровая трансформация; информация; информационное обеспечение; органы государственной власти; искусственный интеллект

FEATURES OF THE EMERGING MANAGEMENT TRENDS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM

Ivan Bryantsev,
*PhD (in Social Sciences), Associate Professor,
Department of State and Municipal Management, P.A. Stolypin
Volga Region Institute of Management – branch RANEPA
Saratov, Russia*

Abstract. *Currently, digital transformation is one of the priority areas, within which significant changes are taking place in the system of activities of public authorities. The significance of these issues is noted in various regulatory legal documents. Digital transformation is considered as a strategic tool for implementing public policy in various areas of public relations. The analysis shows that in the context of the dynamic development of the digital environment; a few stable trends have emerged related to the introduction of artificial intelligence in the management process. The specificity of these projects is that they have a systemic and vertically integrated centralized nature from the federal to the regional level, which allows government agencies to actively shape the rules of the game and create the necessary infrastructure.*

Keywords: *digital transformation; information; information support; public authorities; and artificial intelligence*

Одним из устойчивых глобальных трендов является активное проникновение цифровых технологий в повседневную жизнь граждан, организаций и государства. Современные информационные технологии оказыва-

ют значительное влияние на нашу жизнь, они изменяют способы коммуникации и управления в современном государстве. В связи с этим актуализируется целый комплекс организационных и правовых задач, связанных с совершенствованием технологий взаимодействия органов публичной власти как с институтами гражданского общества, так и с отдельными гражданами [1, с. 57].

В Российской Федерации вопросы цифровой трансформации находятся в перечне приоритетных в деятельности органов государственной власти. Значимость и необходимость внедрения современных информационных технологий в управление отмечаются Президентом Российской Федерации¹, в нормативно-правовых актах Правительства Российской Федерации² и высших исполнительных органов субъектов Российской Федерации³, а также иных органов государственной власти.

Процессы глобализации и развитие цифровых технологий еще больше усилили значимость информации как управленческого ресурса особенно в вопросах создания на основе её использования инструментов влияния на общественное сознание и регулирование жизнедеятельности общества. В результате технологии и инструменты информационного обеспечения управленческого процесса стали его неотъемлемой частью. Системы сбора, хранения, обработки и передачи как уже имеющихся, так и только появляющихся знаний в сфере государственного и муниципального управления становятся факторами повышения эффективности публичной власти и её устойчивости.

В связи с появлением и развитием инновационных технологий, процессов цифровизации и цифровой трансформации различных сфер и от-

---

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 «Послание Президента Федеральному Собранию». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/ (дата обращения: 10.10.2025)

² Распоряжение Правительства РФ от 22.10.2021 № 2998-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления». URL: <https://docs.cntd.ru/document/726583017> (дата обращения: 10.10.2025)

³ Постановление Правительства Саратовской области от 19 августа 2021 года № 688-П «Об утверждении Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Саратовской области». URL: <https://docs.cntd.ru/document/467730907> (дата обращения: 10.10.2025)

раслей публичного управления, все субъекты цифровой среды накапливают большие объемы данных и информации, которые интегрируются в государственные информационные системы (ГИС). Указанные данные востребованы при осуществлении государственных функций и в процессе предоставления государственных и муниципальных услуг. Совокупность данных из ГИС формирует «цифровой профиль» гражданина/организации, который становится основой для предоставления услуг, а также эффективным инструментом взаимодействия граждан и организаций с органами публичной власти.

Внедрение технологии ИИ в систему государственного управления является одним из самых динамично развивающихся направлений совершенствования и повышения эффективности управленческих процессов. Особенно актуально и заметно это проявляется при анализе региональных практик и формирующихся на уровне субъектов Российской Федерации тенденций, которые и выступают основой для общефедеральных трендов. Так, например, анализ процессов цифровой трансформации системы государственного управления в Саратовской области показывает, что цифровая трансформация региональной системы управления направлена на повышение эффективности и прозрачности работы органов государственного управления. Закрепление и усиление этого тренда связано с необходимостью совершенствования законодательства в данной сфере, своевременного обновления программно-аппаратных комплексов в исполнительных органах государственной власти Саратовской области, проведением систематического обучения, повышение квалификации участвующих в цифровой трансформации сотрудников, осуществления перевода отраслей экономики на отечественное программное обеспечение, а также вовлечения научного и IT-сообщества в цифровую трансформацию органов публичной власти [2, с. 94].

Сформировавшиеся управленческие тренды можно структурировать по нескольким ключевым направлениям.

Во-первых, это создание нормативно-правовой базы и стратегическое планирование. Он выступает базовым трендом, так как отвечает за массовое внедрение инноваций и обеспечивают переход от концептуальных обсуждений к конкретным законам и стандартам. Например, принятие Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» позволило сформировать основную правовую рамку регулирования, дает определения, устанавливает этапы «жизненного цикла» ИИ и регулирует экспериментальные правовые режимы. В качестве еще одного примера можно обозначить «Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года» (в ред. Указа Президента РФ от 15.02.2024 N 124). Этот указ определяет ключевые цели по ускоренному внедрению технологии ИИ, поддержку исследований, развитию кадрового потенциала, интеграцию в приоритетные отрасли, включая государственное управление. На основе этих приоритетов формируется федеральный проект и государственные программы, в рамках которых выделяется финансирование на конкретные проекты и гранты для компаний и научных центров.

Во-вторых, тренд на «умное» принятие решений и прогнозную аналитику, который смещает акцент с реактивного на проактивное управление на основе оперативного анализа поступающих данных. Его основу формирует использование ИИ для анализа больших данных (Big Data) и поддержки принятия управленческих решений.

В качестве иллюстрации этого тренда можно обозначить формирование систем на основе ИИ для анализа социально-экономического развития регионов, которые помогают прогнозировать ВРП, отслеживать демографию

ческие тенденции и выявлять «болевы́е точки» в экономике и других сферах общественных отношений. Наиболее наглядными направлениями является пространственное планирование и городское управление, где при участии ИИ происходит оптимизация маршрутов общественного транспорта, анализ потоков автомобилей, планирование застройки территорий. В вопросах прогнозирования чрезвычайных ситуаций ИИ проводит анализ данных для предсказания лесных пожаров, паводков, техногенных аварий.

В-третьих, это тренд на автоматизацию рутинных процессов и сервисов, который обусловлен необходимостью повышения эффективности и скорости предоставления государственных услуг. В рамках этого направления уже накоплен большой опыт, связанный с массовой роботизацией процессов (RPA – Robotic Process Automation) и внедрением чат-ботов в систему государственного управления [3]. Появляются и развиваются суперсервисы в виде портала «Госуслуги» в функционировании которого широко используются возможности ИИ для предзаполнения заявлений, автоматической проверки документов, персональных рекомендаций для граждан и бизнеса. Чат-боты и виртуальные ассистенты проводят обработку типовых запросов в МФЦ, службах поддержки ведомств, что разгружает живых операторов. Происходит автоматизация межведомственного документооборота, для обеспечения которого ИИ классифицирует входящие документы, маршрутизирует их и проверяет на соответствие регламентам.

Четвертый тренд связан с повышением качества и контроля в ключевых отраслях. Этот тренд формируется на основе использования ИИ для решения конкретных социально-значимых задач. Например, внедрение специализированных ИИ-систем в здравоохранении, образовании, правоохранительной деятельности. Так, в здравоохранении обеспечивается анализ медицинских изображений (рентген, КТ, МРТ) для ранней диагностики заболеваний (онкология, COVID-19).

В сфере образования используются адаптивные образовательные платформы, которые подстраиваются под уровень знаний ученика, системы прокторинга для контроля за честностью на экзаменах [4]. В сфере правоохранительной деятельности внедрены системы распознавания лиц, анализ паттернов поведения для прогнозирования правонарушений. В налоговой и таможенной службе ИИ проводит анализ данных для выявления мошеннических схем, недобросовестных компаний и оптимизации таможенных процедур.

Пятый тренд связан с цифровой трансформацией регионов и региональных «регуляторных песочниц» [5]. Тренд связан с децентрализацией инициатив по внедрению ИИ, созданием пилотных проектов на региональном уровне для отработки технологий перед их масштабированием на всю страну.

В качестве примеров можно привести проекты в Москве, Татарстане, Санкт-Петербурге, где ИИ активно используется в транспортном комплексе, здравоохранении и системе городского видеонаблюдения. Проводятся конкурсы и выделяются гранты для регионов направленных на поддержку региональных разработок на основе ИИ, способных решать специфические проблемы региона.

Таким образом, на основе приведенных примеров и обозначенных трендов можно сделать вывод, что они имеют системный и вертикально интегрированный централизованный подход от федерального к региональному уровню, что позволяет государственным органам активно формировать правила игры и создавать необходимую инфраструктуру. При этом основной вектор принимаемых решений сместился от простой автоматизации рутинных управленческих процессов на начальных этапах к сложной аналитике и поддержке стратегических решений. Также можно отметить, что устойчивость и позитивная динамика этих трендов будет во многом зависеть от того, насколько успешно будут решаться вопросы, связанные

с формированием и обработкой данных, обеспеченностью компетентными кадрами и интеграцией ИИ в реальные управленческие процессы, а не просто их пилотирование.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Брянцев И.И., Брянцева О.В. Правовое регулирование общественных отношений в условиях цифровизации: институты и институциональная среда // Вестник Поволжского института управления. 2021. Т. 21. № 2. С. 56-64.

2. Брянцев И.И., Брянцева О.В. Организационно-правовые аспекты формирования цифровой среды: общие тренды и региональная специфика // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции (г. Казань, 20 сентября 2024 г.): в 6 т. / под ред. И.Р. Бегишева, Е.А. Громовой, М.В. Залоило, И.А. Филиповой, А.А. Шутовой. Т. 1. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2024. http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0841-3_1 – 1 CD-ROM. Загл. с титул. экрана. Текст: электронный. С. 92-99.

3. Российские Системы онлайн-прокторинга и контроля тестирования // <https://soware.ru/categories/online-proctoring-and-testing-control-systems/made-in-rus> (дата обращения: 10.10.2025).

4. Косоруков А.А. Роботизация в сфере государственного управления // Социодинамика. 2019. № 11. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.11.30787 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30787 (дата обращения: 10.10.2025).

5. Шувалова М. Реализация экспериментальных правовых режимов: какие регуляторные «песочницы» могут быть запущены уже в 2021 году? // <https://www.garant.ru/article/1406483/?ysclid=mh9k26t0kq23959522> (дата обращения: 10.10.2025).

МОТИВАЦИЯ И КАРЬЕРА МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Грачева Оксана Геннадиевна,
к. социол. н., доцент кафедры «Политология и социология»
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
E-mail: ksangr@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты построения профессиональной карьеры, с особым акцентом на молодых специалистов как ключевое звено формирования кадрового потенциала организации. Отмечается значение программ карьерного развития для повышения мотивации, профессиональной эффективности и конкурентоспособности сотрудников. Подчеркивается необходимость учета мотивационных и личностных факторов при планировании карьеры как важного элемента современной системы управления персоналом.

Ключевые слова: карьера; карьерное развитие; профессиональное становление; молодой специалист; мотивация персонала; профессиональный рост

MOTIVATION AND CAREER OF YOUNG SPECIALISTS IN THE CONDITIONS OF SOCIAL CHANGES

Gracheva Oksana,
PhD (in Social Sciences), Associate Professor,
Department of Political Science and Sociology,
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
Russia, Saratov

Abstract. This article examines the theoretical aspects of professional career development, with a particular emphasis on young professionals as a key element in developing an organization's talent pool. The importance of career development

programs for enhancing employee motivation, professional effectiveness, and competitiveness is highlighted. The need to consider motivational and personal factors in career planning is emphasized as an essential element of a modern HR management system.

Keywords: *career; career development; professional development; young specialist; staff motivation; professional growth*

Быстрые социально-экономические изменения (цифровизация, гибридная занятость, волатильность рынков) радикально трансформируют старт карьеры и мотивационные профили молодых специалистов в России. На фоне сдвигов ценностей молодежи возрастают значимость безопасности и справедливости при одновременном росте запроса на самореализацию и развитие компетенций, что усложняет критерии «хорошей работы» и усиливает роль нематериальных стимулов.

Построение карьеры является одним из ключевых факторов профессионального становления личности, особенно на этапе вхождения молодого специалиста в профессиональную среду. Развитие карьеры отражает уровень профессиональной успешности работника и степень реализации его потенциала в избранной сфере деятельности. Карьера рассматривается как последовательный процесс целенаправленного профессионального роста, включающий планомерное достижение поставленных целей и развитие компетенций. Вопросами формирования и развития карьеры должны заниматься не только сами сотрудники, но и руководство организаций, которое обязано обеспечивать институциональные условия для профессионального продвижения персонала.

Несмотря на это, значительная часть работодателей по-прежнему не рассматривает поддержку карьерного развития работников в качестве приоритетной задачи. Распространено мнение, что построение карьеры является исключительно личным делом сотрудника. Однако подобный подход представляется ошибочным, поскольку уровень профессионального роста работников

напрямую влияет на эффективность организации в целом. В современных условиях динамичного рынка труда акцент смещается в сторону стратегического развития человеческого капитала и конкурентоспособности персонала.

Эффективная трудовая карьера обеспечивает работнику доступ к новым возможностям профессиональной и личностной самореализации, а также способствует укреплению его социального статуса. Отсутствие перспектив развития приводит к снижению мотивации, формированию апатии и поиску иных, более перспективных возможностей трудоустройства [4, с. 176].

Проблема подготовки и развития кадров в настоящее время приобретает стратегическое и государственное значение, поскольку кадровый потенциал напрямую влияет на социально-экономические перспективы страны. Особого внимания заслуживает категория молодых специалистов – работников, находящихся на начальных этапах профессионального пути. В этот период происходит формирование устойчивых профессиональных установок, ценностных ориентаций, норм трудового поведения и личностных смыслов, связанных с выбором профессии [1, с. 84].

Молодые специалисты обладают высокой адаптивностью, выраженной потребностью в самореализации и стремлением к признанию, однако в то же время нуждаются в целенаправленном психологическом сопровождении и развитии профессионально-трудовой мотивации.

Важной задачей современного руководства выступает способность выявить и поддержать работников, обладающих выраженной внутренней мотивацией к труду и потенциалом для профессионального роста. Эффективная работа специалистов по управлению персоналом заключается не только в отборе подходящих кандидатов, но и в создании условий для формирования благоприятной мотивационной среды. В частности, важную роль играет правильная расстановка кадров – соответствие личностных особенностей, компетенций и индивидуальных потребностей работников содержанию выполняемой деятельности [3, с. 69]. Такая кадровая политика обеспечивает устойчивое раз-

витие организации, повышает эффективность коллективного взаимодействия и способствует укреплению психологического климата.

Профессионально-трудовая мотивация рассматривается как сложная система побуждений, определяющая направленность, интенсивность и устойчивость трудового поведения человека. В контексте профессиональной деятельности мотивация выступает центральным психологическим механизмом, регулирующим активность личности, ее отношение к профессии и взаимодействие с трудовой средой. Она определяет выбор жизненных и карьерных целей, уровень вовлеченности и ответственность за результаты деятельности.

Мотивация тесно связана с процессами профессиональной адаптации, удовлетворенностью трудом и субъективным ощущением психологического комфорта. Если деятельность человека соответствует его внутренним ценностям и потребностям, у него формируется устойчивое чувство самоэффективности, эмоционального благополучия и уверенности в собственных возможностях. Напротив, дисбаланс между ожиданиями и реальными условиями труда может вызывать снижение мотивации, профессиональное выгорание и утрату интереса к деятельности.

Особое внимание в психологических исследованиях уделяется внутренней мотивации молодых специалистов. На ранних этапах карьеры значительную роль играют потребность в признании, желание профессионального роста, интерес к содержанию выполняемой работы и стремление реализовать собственный потенциал.

В то же время внешние факторы – заработная плата, социальные гарантии и карьерные перспективы – служат важными, но не единственными детерминантами трудовой активности. Эффективная система управления персоналом должна строиться на балансе внешней и внутренней мотивации, обеспечивающем устойчивую вовлеченность сотрудников.

Процесс развития молодых специалистов представляет собой систему целенаправленных воздействий, направленных на формирование профессиональных компетенций, развитие мотивации достижения, становление профессиональной идентичности и устойчивости к стрессовым факторам трудовой деятельности. В этом контексте развитие молодых специалистов рассматривается как психологически значимый процесс, обеспечивающий не только повышение их профессиональной эффективности, но и формирование зрелой трудовой мотивации, ответственности и внутренней готовности к саморазвитию. Построение стратегии работы с молодыми специалистами предполагает комплексное изучение их личностных особенностей, ожиданий, ценностных ориентаций и уровня профессиональной адаптации. Важную роль при этом играет взаимодействие между организацией и работником, основанное на поддержке инициативы, доверии и признании вклада молодого специалиста в общий результат.

Успешность программ развития во многом определяется психологическим климатом в коллективе, характером межличностных отношений и присутствием наставнической поддержки со стороны более опытных сотрудников. Система управления развитием молодых специалистов должна опираться на принципы индивидуализации, обратной связи и поддержки субъектной позиции личности. Психологическая составляющая данного процесса заключается в создании условий для раскрытия потенциала, формирования позитивных установок по отношению к профессии и осознания ценности собственного вклада в деятельность организации. Важную роль играют механизмы психологической адаптации, корпоративного наставничества, участия в проектных командах, ротации и диагностики профессионально-личностных качеств.

Начальный этап профессиональной карьеры молодого специалиста начинается с момента получения образования и трудоустройства. На

данном этапе значимую роль играет работа менеджера по персоналу, который должен совместно с сотрудником определить возможные направления профессионального роста, перспективы развития и пути реализации компетенций. Эффективным инструментом в этом процессе выступает индивидуальный план развития карьеры, который может охватывать краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные периоды. В нем фиксируются цели, ожидаемые результаты и мероприятия, направленные на их достижение. Для повышения точности карьерного планирования используются методы консультирования, профессионального тестирования и диагностики личностных и когнитивных характеристик сотрудника.

Развитие персонала как элемент кадровой политики включает профессиональную подготовку, переподготовку, повышение квалификации, а также планирование и сопровождение карьерного роста работников. При этом многие работодатели недооценивают значимость данного направления. По мнению Ю.Р. Марковой, руководство организации должно создавать условия и предоставлять мотивационные стимулы для карьерного продвижения новых сотрудников [2, с. 52]. Процесс карьерного развития удовлетворяет широкий спектр профессиональных и личностных потребностей работников, что делает учет их мотивационных особенностей важным условием успешного карьерного планирования на современном этапе.

Мотивация и карьерные стратегии молодых специалистов в условиях социальных изменений зависят от способности организаций обеспечивать прозрачные карьерные правила, поддерживать развитие и справедливость процедур, а также от цифровой зрелости и гибкости занятости. Систематическое наставничество, модульные программы развития и автоматизация рутины повышают вовлеченность и снижают текучесть, согласуясь с ценностными ожиданиями молодежи в России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Еникеева Д.И., Терелецкова Е.В. Организация обучения персонала в компании // People-management в условиях цифровой трансформации экономики Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции» (20 марта 2020 года, Башкирский государственный университет). Уфа: РИЦ БашГУ. 2020. С. 83-87.
2. Маркова Ю.Р. Управление деловой карьерой персонала // Вестник магистратуры. 2020. № 1-1 (100). С. 52-54.
3. Петрушин В.И. Психология карьеры. Москва: Академический Проект, 2020. 208 с.
4. Шовгенья С.А. Формирование карьеры молодого специалиста: возможные риски в процессах трансформации гражданского общества // «Трансформация идеи гражданского общества в контексте социальных изменений» сборник статей по материалам первой Международной конференции. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. 2014. С. 171-178.

УДК 316.7

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ОДИНОКИХ МАТЕРЕЙ: ОГРАНИЧЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ

*Гусева Ольга Николаевна,
студент направления «Социальная работа»
СГТУ имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
E-mail: olguss04@mail.ru*

*Рабек Елена Вадимовна,
студент направления «Социальная работа»
СГТУ имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
E-mail: rabek.elena@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию ключевых трудностей, с которыми сталкиваются женщины, воспитывающие детей

в одиночку, в процессе трудовой адаптации и профессиональной реализации. Рассматриваются социальные, экономические и психологические барьеры, включая дискриминацию на рабочем месте, нехватку временных ресурсов, финансовую неустойчивость и ограниченные возможности карьерного роста. Особое внимание уделяется анализу гендерных стереотипов и несовершенству существующих мер государственной и корпоративной поддержки, а также рассматривается влияние социальных ролей на трудовую активность женщины и возможные ролевые конфликты.

Ключевые слова: *одинокие матери; трудовая адаптация; гендерное неравенство; социальная роль; трудовые барьеры; стереотипы; гендерная роль; «стеклянный потолок»*

PROFESSIONAL SELF-REALIZATION OF SINGLE MOTHERS: LIMITATIONS AND OPPORTUNITIES

Olga Guseva,
student of the direction «Social work», Yuri Gagarin
State Technical University of Saratov, Russia, Saratov
Elena Rabek,
student of the direction «Social work», Yuri Gagarin
State Technical University of Saratov, Russia, Saratov

Abstract. *The article is devoted to the study of the key difficulties faced by women raising children alone in the process of labor adaptation and professional realization. Social, economic, and psychological barriers are considered, including discrimination in the workplace, lack of time resources, financial instability, and limited career opportunities. Special attention is paid to the analysis of gender stereotypes and the imperfection of existing state and corporate support measures, as well as the impact of social roles on a woman's work activity and possible role conflicts.*

Keywords: *single mothers; workplace adaptation; gender inequality; social role; labor barriers; stereotypes; gender role; «the glass ceiling»*

В современном обществе наблюдается устойчивый рост числа семей, в которых родители (преимущественно женщины) воспитывают детей в одиночку. Это обусловлено различными социально-экономическими факторами, включая разводы, вдовство, осознанное материнство без партнера и миграционные процессы. Одиноким матери сталкиваются с комплексом трудностей, среди которых особое место занимают профессиональная адаптация и сохранение трудовой занятости. Гендерные стереотипы создают существенные барьеры для трудоустройства и профессиональной реализации одиноких матерей, формируя систему скрытой дискриминации на рынке труда.

Работодатели часто исходят из стереотипного убеждения о том, что одинокая мать будет менее надежным и продуктивным сотрудником из-за необходимости совмещать профессиональные обязанности с воспитанием ребенка (женщинам с детьми чаще отказывают под формальными предлогами, предлагают более низкие должности или заниженную заработную плату) [9, с. 16-18].

Динамика трудовой активности женщин за несколько лет изменилась, но все еще сохраняется гендерный дисбаланс в сфере труда. Многие женщины теряют свои рабочие места или отказываются из-за них в пользу выполнения семейных обязанностей и работы по дому, так как бытом по статистике занимается в основном женщина, поэтому существует проблема ролевого конфликта работающей женщины [5, с. 26].

Особенно ярко гендерные стереотипы проявляются в отношении к профессиональным качествам одиноких матерей. Им автоматически приписывают недостаток компетенций, неспособность к карьерному росту, отсутствие необходимой мобильности и гибкости, при этом те же самые качества у мужчин-родителей часто рассматриваются как преимущество, демонстрирующее их ответственность и зрелость. Такой двойной стандарт приводит к тому, что одинокие матери сталкиваются с явлением, определяемом как «стеклянный потолок», уже на этапе

трудоустройства, а в дальнейшем – с ограниченными возможностями для своего профессионального развития [7, с. 188]. Если же работодатель выбирает женщину с ребенком, как сотрудника на определенную вакансию, то возникает такая проблема, как сегрегация по половому признаку на рабочем месте, когда сотрудница, имея полное право и возможности на получение той или иной должности, сталкивается с невозможностью ее получения [1, с. 2]. Проблема появления данного феномена заключается в том, что женщины сталкиваются с невозможностью продвижения по карьерной лестнице из-за разных аспектов, к примеру, из-за приоритетной роли матери, отвлекающей от исполнения других социальных ролей, а также из-за гендерных стереотипов, бытующих в обществе. Симон де Бовуар придерживалась мнения о том, что гендер – это социальный феномен, а не биологическая особенность человека. Стереотипы и предвзятое отношение к полу – основной определяющий фактор того, какие профессии являются «мужскими», а какие «женскими», что влияет на ограниченный доступ к труду и профессиям у женщин, к разному уровню заработка и карьерным возможностям [2, с. 34-36].

Культура «идеального работника», предполагающая полную вовлеченность и готовность к сверхурочной работе, особенно значительно сказывается на положении одиноких матерей. От них ожидают такой же трудовой отдачи, как и от сотрудников, не обремененных выполнением семейных обязанностей, при этом институциональные механизмы поддержки (гибкий график, возможность удаленной работы) остаются недоступными для большинства трудящихся женщин. Это приводит к профессиональной маргинализации: одинокие матери чаще соглашались на нестабильную, низкооплачиваемую работу, не требующую особой квалификации, что закрепляет за ними место в наиболее уязвимых сегментах рынка труда. Социологи отмечают, что корпоративные нормы

«идеального работника» исключают одиноких матерей, вынуждая их выбирать низкооплачиваемую гибкую работу [11, с. 44].

В Российской Федерации семейных ячеек, где родителями являются и мать, и отец, насчитывается 9,55 миллионов, что составляет 61,5 % от общего числа семей с детьми до 18 лет (см. таблицу). Есть и семьи, где воспитанием детей занимается только один родитель, среди них 4,85 миллиона семей, где дети воспитываются только матерями, что составляет 31,2 % от общего числа семей с детьми до 18 лет [3].

Структура семейных ячеек по числу детей моложе 18 лет, 2020 год

Показатель	Семейные ячейки, имеющие детей моложе 18 лет	Доля семейных ячеек, %
Полные семьи	9,55 млн	61,5
Матери с детьми	4,85 млн	31,2

Статистика демонстрирует существующее структурное неравенство: на одну категорию «матери с детьми» приходится почти вдвое меньше семейных ячеек, чем на полные семьи (31,2 % против 61,5 %). Матери, воспитывающие детей самостоятельно, изначально находятся в менее выгодном положении, так как несут всю ответственность за содержание и воспитание детей без поддержки партнера в рамках домохозяйства. Данный дисбаланс является фундаментальным фактором, обуславливающим специфические сложности их адаптации на рабочем месте. Кашина М.А. в своей работе подчеркивает, что «в организациях должны быть условия для сочетания семейной и рабочей роли» [5, с. 29].

Когда можно будет понять, что данная проблема частично или полностью решена? Одним из вариантов ответа на данный вопрос будут такие аспекты как: сокращение разницы во времени, затрачиваемого женщиной и мужчиной на ведение домашнего быта, уменьшение или полное искоренение дискриминации женщин с детьми в быту или на рабочем месте, уменьшение или полное упразднение завышенных при-

вилегий для мужчин, являющихся отцами [6, с. 9-10] . Только с учетом перечисленных критериев можно будет понять, когда наступит данное равенство.

Подводя итог вышесказанному, хочется отметить, что профессиональная самореализация одиноких матерей – это тяжелый процесс, в котором происходит столкновение с гендерным неравенством.

Одинокая мать на рабочем месте сталкивается с тройным вызовом: необходимость быть идеальным сотрудником в условиях нехватки времени и сил, единолично нести все финансовые риски и справляться с эмоциональным грузом и предвзятым отношением со стороны руководства и коллег, что создает порочный круг стресса и ограничивает ее карьерные перспективы. При условии признания коллективной ответственности бизнеса, государства и общества за создание поддерживающей экосистемы станут возможны изменения, способствующие полноценной профессиональной самореализации одиноких матерей как значимого ресурса современной экономики.

Научные руководители: к. социол. н., доцент СГТУ имени Гагарина Ю.А. Сорокина Наталья Викторовна; к. социол. н., доцент СГТУ имени Гагарина Ю.А. Чернецкая Анжела Альбертовна.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апон М.Е. «Стеклянный потолок» в карьере женщин на государственной службе (Glass Ceiling in the Careers of Women in Public Service). URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4665307 (дата обращения: 09.05.2025).

2. Бовуар С. де. The Second. URL: https://uberty.org/wp-content/uploads/2015/09/1949_simone-de-beauvoir-the-second-sex.pdf (дата обращения: 16.05.2025).

3. Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 06.09.2025).

4. Ильиных С.А. Гендерная проблематика и управление как предмет исследования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-problematika-i-upravlenie-kak-predmet-issledovaniya> (дата обращения: 20.05.2025).

5. Кашина М.А. Ролевой конфликт работающей женщины и его преодоление как предмет научных исследований и задача гендерной политики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rolevoy-konflikt-rabotayushey-zhenschiny-i-ego-preodolenie-kak-predmet-nauchnyh-issledovaniy-i-zadacha-gendernoj-politiki> (дата обращения: 20.05.2025).

6. Калабихина И.Е. Как мы узнаем, что наступает гендерное равенство // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 3-16.

7. Киселёва И.Г. Семейные традиции в современном обществе. Москва: Юрайт, 2022. 78 с.

8. Нафикова Г.З. Институализация неполной семьи в трансформирующемся обществе. Уфа: Прогресс, 2018. 188 с.

9. Черных Е.А. Женщины с семейными обязанностями на российском рынке труда. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschiny-s-semeynymi-obyazannostyami-na-rossiyskom-rynke-truda-osobennosti-trudovogo-povedeniya-i-sovershenstvovanie-politiki> (дата обращения: 31.05.2025).

10. Hays S. The Cultural Contradictions of Motherhood. Toronto: YALE UNIVERSITY PRESS, 1998. 271 p.

11. Williams J., Crain M., Dill B. Unbending Gender: Why Family and Work Conflict. – Gainesville: University of Florida Press, 2000. – 344 p.. URL: <https://archive.org/details/unbe-ndin ggenderw00will/mode/1up> (дата обращения: 31.08.2025).

**СОВРЕМЕННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
ПО СТИМУЛИРОВАНИЮ РОЖДАЕМОСТИ
И ОБЕСПЕЧЕНИЮ РЕПРОДУКТИВНОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ**

Данилова Светлана Николаевна

к. э. н., доцент,

доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление»

Поволжского института управления –

филиал РАНХиГС, Россия, Саратов

E-mail: dcn190277@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновывается актуальность реализации государственной политики по стимулированию рождаемости, приводятся основные проблемы воспроизводства населения в Саратовской области и дается краткое содержание мер по их устранению.

Ключевые слова: рождаемость; репродуктивное здоровье; государственная политика

**MODERN INSTRUMENTS FOR IMPLEMENTING
STATE POLICY TO STIMULATE FERTILITY AND
ENSURE REPRODUCTIVE HEALTH OF THE
POPULATION**

Svetlana Danilova,

*PhD (in Economic Sciences), Associate Professor,
Department of State and Municipal Administration,*

Volga Institute of Management –

*a branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and*

Public Administration,

Saratov, Russia

Abstract. The article substantiates the relevance of implementing state policy to stimulate birth rates, presents the main problems of population reproduction in the Saratov Region, and provides a brief summary of measures to address them.

Keywords: birth rate; reproductive health; public policy

В современном мире значение показателя рождаемости и состояния репродуктивного здоровья населения приобретает особую важность для каждого государства. От динамики рождаемости зависят устойчивость и будущее развитие страны, экономика, социальная и другие сферы. Особенно остро эта тема звучит применительно к России, поскольку страна переживает сложный период демографического кризиса и снижения естественного прироста населения [5].

Показатель рождаемости отражает количественную сторону процесса воспроизводства населения. Важно отметить, что этот показатель зависит не только от биологического, но и от множества социальных факторов: экономической ситуации, образования, уровня доходов, жилищных условий, традиций, культурных норм и семейной политики государства [4].

По решению Президента РФ 2024 год был объявлен Годом семьи, что сделало благополучие российских семей главным приоритетом государства. Помощь гражданам, желающим завести ребенка, стала начинаться с этапа подготовки к его появлению и продолжается вплоть до достижения ребёнком самостоятельности. Основой такой политики стал национальный проект «Демография», который в 2025 году был трансформирован в национальный проект «Семья». Утверждена Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности до 2036 года [3].

Саратовская область, как и многие другие регионы России, сталкивается с проблемами в области государственного регулирования рождаемости и репродуктивного здоровья населения, среди которых: низкий уровень рождаемости на фоне высокой смертности населения; недостаточное финансирование медицинских учреждений; недостаточная информированность населения, особенно подростков о методах планирования семьи, профилактике заболеваний, передающихся половым путём, и способах сохранения репродуктивного здоровья; сложность получения

качественной медицинской помощи, связанной с репродуктивным здоровьем [1].

Вариантами решения вышеназванных проблем могут стать следующие решения.

В вопросах недостаточной информированности следует рассмотреть возможность создания многофункционального интерактивного портала, предназначенного для оказания всесторонней информационной поддержки семьям в рамках реализации региональной семейной политики. Сервис обеспечит персонифицированный подход, помогая каждой конкретной семье быстро и удобно ознакомиться с положенными ей видами социальной поддержки и льгот, сэкономив время и усилия на самостоятельный сбор информации.

После регистрации через портал Госуслуг каждая семья сможет заполнить простую электронную анкету, в которой будет содержаться информация о составе семьи, наличии детей, доходах, имуществе, трудоустройстве и состоянии здоровья. В результате пользователи получают перечень конкретных видов поддержки, которыми они могут воспользоваться, а также список необходимых документов и алгоритм действий для подачи заявления. Система напомнит о приближении сроков подачи заявлений на региональные выплаты и предложит советы по подбору оптимальных форматов льгот и пособий в зависимости от состава семьи и её потребностей.

Для решения финансовых проблем семей с детьми возможно разработать программу лояльности для карты жителя Саратовской области [2]. Основой программы является предоставление жителям региона специальных бонусов в виде возврата части потраченных денег при покупке определённых категорий товаров, предназначенных для детей, таких как одежда, обувь, игрушки, школьные принадлежности, детская мебель и бытовая техника, а также продукты питания, предназначенные для детского рациона. Покупатели, совершившие покупки с применением карты жителя Саратовской области,

получат обратно фиксированный процент от суммы покупки, зачисленный на специальный бонусный счёт, привязанный к карте.

Особенностью программы является постепенная адаптация размера возвращаемых средств в зависимости от статуса семьи. Например, впервые зарегистрировавшиеся участники программы получают минимальный возврат, равный 5 % от стоимости товара, однако при достижении определенного объёма покупок размер кэшбэка увеличивается пропорционально числу приобретённого товара. Семья, имеющая двух и более детей, может рассчитывать на повышенный кэшбэк, достигающий 10-15 % от суммы покупки.

Возрождение молочных кухонь для младенцев в Саратовской области является важной инициативой, направленной на обеспечение здоровья новорожденных и поддержку семей с маленькими детьми. Возрождение молочных кухонь в Саратовской области может оказать мультипликативный эффект на демографическую ситуацию: 1. снижение детской смертности и заболеваемости: удаление финансовых барьеров и обеспечение доступности качественного детского питания может значительно способствовать снижению уровня заболеваний и улучшению физического развития детей, что, в свою очередь, уменьшает показатели детской смертности; 2. социальная стабильность: появление молочных кухонь и доступ к ресурсам могут укрепить социальные связи и доверие в сообществах, помогая семьям чувствовать себя более защищенными и поддержанными.

Предлагаемые пути совершенствования реализации государственной политики по стимулированию рождаемости и репродуктивного здоровья населения в Саратовской области позволят не только улучшить демографическую ситуацию, но и повысить качество жизни граждан. Внедрение эффективных программ и инициатив, направленных на поддержку молодых семей, многодетных семей, станет основой для создания благоприятной социальной среды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Блинова Т.В., Былина С.Г. Перспективы демографического развития Саратовской области 2025-2050 50 гг. // РППЭ. 2022. № 3 (137).
2. Официальный сайт «Карта жителя Саратовской области» URL: <https://картажителя64.рф/> (дата обращения: 10.10.2025).
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р.
4. Русанова Н.Е. Репродуктивные аспекты демографической политики // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. № 18-1.
5. Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 15.10.2007. № 42. Ст. 5009.

УДК 364.4

«БЕЗВРЕМЬЕ» МЕДИКАЛИЗИРОВАННЫХ ПРАКТИК: КРИЗИС ПРИОБРЕТЕНИЯ ИНВАЛИДНОСТИ

Деточенко Людмила Станиславовна
д.социол.н., доцент кафедры «Социальные технологии»
Южного федерального университета, Россия, г. Ростов-на-Дону
E-mail: detochenko@sfedu.ru

***Аннотация.** Целью данной статьи является анализ темпорального кризиса, переживаемого личностью в период травмирующего опыта инвалидности. На основе анализа ретроспективных интервью респондентов с инвалидностью автор делает вывод, что травма/острое заболевание деконструирует привычные временные схемы организации повседневной жизни, исключает человека из институциональных временных режимов. Новая темпоральность является одним из конструктов инвалидности.*

***Ключевые слова:** темпоральные режимы; практики инвалидности; опыт травмы/болезни; альтернативная темпоральность*

«TIME-FREE» MEDICALIZED PRACTICES: CRISIS OF DISABILITY

*Ludmila Detochenko,
Doctor Sci. Sociol. Associate Professor, Department
of Social Technologies Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don*

***Abstract.** The purpose of this article is to analyze the temporal crisis experienced by an individual during a traumatic experience of disability. Based on the analysis of retrospective interviews with respondents with disabilities, the author concludes that trauma/acute illness deconstructs the usual temporal schemes of organizing daily life and excludes individuals from institutional temporal regimes. New temporality is one of the constructions of disability.*

***Keywords:** temporal modes; disability practices; trauma/illness experiences; alternative temporality*

Социальная парадигма инвалидности резко критикует медикализацию за интервенцию в границы телесности, ликвидацию субъектности, формирование идентичности инвалида. Вместе с тем «за скобками» научного дискурса остается вопрос пространственно-временных механизмов деконструкции личности и нормального хода его жизнедеятельности.

Темпоральность социальных практик. В теории «структуриации» Э. Гидденс пытается преодолеть проблему субъективности и объективности времени. С одной стороны темпоральность объективно присуща институциональным образованиям, формирует контекст социальных взаимодействий, формирует из индивидуальных действий социальную практику; с другой, она внутренне ощущается действующей самостью. Э. Гидденс выделяет три аспекта темпоральности, влияющие как на характеристики субъекта, так и на его позиционирование в момент формирования, воспроизводства и трансформации практики: темпоральность

соприсутствия, темпоральность жизненного пути, протяженный темпорализм институциональных образований. Все три аспекта определяют позиции индивида в процессе формирования и воспроизводства практики. В свою очередь, позиционирование тесным образом связано с идентичностью, социальными ролями и характером социальных взаимодействий и социальных отношений. Таким образом, «онтология пространства-времени – неотъемлемый образующий элемент социальных практик, основа концепции социальной структуризации» [2, с. 41]. Время – это ограничения и возможность, в которой кроется сама возможность формирования и воспроизводства общества и действующей самости. П. Бурдьё не развивал автономную теорию времени, но темпоральность встроена в центральные понятия его концепции «габитус», «практика», «поле». Практика понимается как «темпорализация». Она разворачивается во времени, имеет темп, своевременность. Само действие существует как процесс в потоке времени. Действия агентов ориентированы на «социальные расписания», а сама сущность практики зависит от ее уместности в пределах полевых ритмов. Габитус – это «воплощенная история», система обусловленных историей предрасположенностей к действию. Прошлое «инкорпорировано и проявляется как преднастройки в настоящем» [5]. В теоретической традиции В.Н. Ярской–Смирновой темпорализм – научный способ рассмотрения социальных феноменов через их временные характеристики: ритмы, расписания, циклы, инверсии и т. п. «Временные режимы» легитимируют неравенство и могут способствовать его смягчению. Время структурно организует и индивидуальные биографии. Опыт проживания «турбулентности» времени всегда кризис для личности, который трансформирует идентичности, установки, стратегии и влияет на адаптацию.

Эмпирической базой предлагаемых выводов является исследование «Личный опыт социального взросления молодых людей с инва-

лидностью», проведенное в 2019-2020 гг. Общее количество респондентов – 30. Выборка «снежный ком». Респонденты только с физической инвалидностью, женского и мужского пола, от 16 до 35 лет, 5 нозологических групп (ОДА, зрение, слух, речь, соматические заболевания), проживающие в городе и сельской местности, имеющие опыт обучения как в инклюзивных, так и в коррекционных учебных заведениях.

**«Никто не думает записывать то, что само собой разумеется»
(П. Бурдье): эмпирика рефлексии опыта безвременья.**

Ретроспективные нарративы позволяют говорить, что в период приобретения инвалидности сенсорный опыт становится центральным. Он разрушает весь привычный телесный опыт, который всегда простирается вперед и назад. Травма/острое течение болезни нарушает вероятностное распределение опыта и возможностей, сформировавшиеся ранее. Объектом рефлексии в нарративах часто становятся «вероятность/маловероятность», «возможность/невозможность» ситуации травмы/болезни. Рушится временной горизонт сознания как основа габитуса (П. Бурдье), подрывается практическое сознание, базовое условие ощущения онтологической безопасности (Э. Гидденс).

Невозможно строить долговременные планы. Это прерогатива владеющих капиталом. Потеря здоровья – подрыв базового условия самой способности владеть чем-то, а значит планирование становится невозможным. С другой стороны, планирование представляет собой ограничение, базирующиеся на старом опыте и установках. Для некоторых освобождение и лишение ресурсов и фундамента отработанных схем дает новые возможности. Человек исключается из сериальности эпизодов, повторяющихся фрагментов недифференцированного потока времени, формальных и неформальных графиков работы.

Социальная «смерть», выпадение из полей. Одной из причин является смена повседневного и жизненного темпа и ритма. Каждое поле

имеет свой темп и ритм. Формируется представление о собственной жизни и ее траектории как «крушение», «потеря лица», «отживший». Отсюда дезориентация и дискомфорт. Поскольку легитимированный хронометраж – это важный механизм восприятия собственной самости, то во вневремя происходит экзистенциальное переосмысление себя, собственных ценностей и поведенческих схем.

Исключение из временных режимов многообразных институтов («временной институциональный вакуум») сочетается с высокой временной нагрузкой рутин клинических мероприятий. Повседневность наполняется многочисленными процедурами, медицинскими осмотрами, ожиданиями ухода за собой, реабилитационными манипуляциями. Временная автономия теряется, как и контроль над практиками, осознанность действий. Прошлое «здоровой жизни» событийно наполненное противопоставляется медленному текущему рутинному настоящему.

Исключения из многообразия соприсутствий тело наполняется новым опытом: боли, восстановления, ограничений. Телесность переживает дезорганизацию во времени; замедление медицинских режимов контрастирует с опытом интенсивных режимов современных институтов; нерелексированная текучесть сменяется эпизодичностью, где скобки/кулисы – это медицинские манипуляции.

Привычная темпоральность деконструируется, а само время приобретает характер фрагментарного набора эпизодов, незначущих в полях социального взаимодействия. Конструируется особое время инвалидности (сiре time), подрывающее нормативные расписания и ожидания.

Жизнь в новых координатах замедленного, нерегулярного времени становится новой формой организации жизни, воспринимающейся не как ограничение, а как возможность – «альтернативный темпораль-

ный режим», где ценность смещается от скорости к гибкости, конструируются новые временные стратегии [6].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Власть времени: социальные границы памяти / под ред. В.Н. Ярской–Смирновой. Москва: Вариант, 2014. 256 с.

2. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. Москва: Академический Проект, 2005. 528 с.

3. Ярская-Смирнова В.Н. Инверсия времени: небольшой экскурс. Саратов: СГТУ, 2012. 28 с.

4. Ярская-Смирнова В.Н. Темпорализм в политике социального государства // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 3-12.

5. Atkinson W. Time for Bourdieu: insights and oversights // Time and Society. 2019. 28 (3). P. 951-970 // https://research-information.bris.ac.uk/ws/portalfiles/portal/118380399/Time_for_Bourdieu.pdf (дата обращения: 17.09.2025).

6. Kaffer A. Feminist, Queer, Crip. Bloomington: Indiana University Press, 2013. 296 p.

УДК 364.4

БАРЬЕРЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО СЕЛА: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Ермолаева Анастасия Ивановна,
младший научный сотрудник,
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: ermolaevaanastasia@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые барьеры социального обслуживания в российском селе на основе анализа интервью с со-

циальными работниками сел Республики Карелия, Ленинградской и Новгородской областей (N=11). В результате анализа мы выявляли инфраструктурные, финансовые, нормативные и психологические барьеры. В выводах мы подчеркиваем необходимость адаптации социального обслуживания с учетом территориальной специфики.

Ключевые слова: социальное обслуживание; пожилые люди; барьеры социального обслуживания в российских селах

BARRIERS TO ORGANIZING SOCIAL SERVICES FOR OLDER PEOPLE IN RUSSIAN RURAL CONDITIONS: ACCORDING TO RESEARCH RESULTS

*Anastasia Ermolaeva,
Junior Researcher,
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences –
branch of the Federal Scientific Research Center of the Russian
Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia*

Abstract. *The article examines the key barriers to organizing social services for the elderly in the Russian countryside, based on an analysis of expert interviews conducted in rural settlements of the Republic of Karelia, Leningrad, and Novgorod regions (N=11). The study identifies infrastructural, financial, regulatory, and psychological barriers. The paper emphasizes the necessity of adapting social services to account for territorial specificities.*

Keywords: *social services; elderly people; barriers of social services in Russian villages*

В последние годы в России активно развиваются государственные программы в социальной сфере, повсеместно внедряется долговременный уход и новые формы сопровождения пожилых. Однако современное российское село сталкивается рядом проблем экономического и социального характера. В связи с этим увеличивается количество одиноко проживаю-

щих пожилых, и обостряются проблемы с обеспечением медицинской и социальной помощи.

Согласно информации, размещенной на сайте Федеральной службы государственной статистики, на 2023 год только 2,5 % лиц старше трудоспособного возраста в селах охвачено социальными услугами, что составляет примерно 896 тыс. человек, и 93 % из них (более 830 тыс. человек) получают надомные услуги [1].

Данные показатели свидетельствуют о том, что попытки государства организовать заботу о пожилых малоэффективны, особенно в условиях сельских территорий, характеризующихся удаленностью социальных сервисов и/или отсутствием кадров.

Попытки организовать систему долговременного ухода в рамках существующего института социального обслуживания сталкиваются с проблемами согласования интересов региональной и местной власти и населения. В данной статье на основе анализа практик социальной работы в сельских поселениях Республики Карелия, Ленинградской и Новгородской областей мы рассмотрим ключевые барьеры социального обслуживания пожилых. Материалами для анализа послужили полуструктурированные интервью с социальными работниками, обслуживающими пожилых в селах трех российских регионов – Республика Карелия, Ленинградская и Новгородская области (N=11). На основе анализа мы выделили инфраструктурные, финансовые, нормативные и психологические барьеры.

Проявлением инфраструктурного барьера является то, что российское село сталкивается с критической нехваткой базовой инфраструктуры, что во много усложняет организацию и содержание социального обслуживания. В некоторых населенных пунктах даже при наличии магазина, библиотеки, амбулатории и отделения банка, отсутствие таких объектов как общественная баня или клуб, существенно снижает качество жизни и социальную активность пожилых. При этом в большинстве других селах су-

ществуют проблемы даже с базовой инфраструктурой, например, отсутствие магазинов, замерзающие колодцы зимой, необходимость пешей доставки воды и продуктов. В связи с этим социальные работники не могут в полной мере предоставлять помощь или вынуждены прикладывать гораздо больше усилий для этого.

Трудности социального обслуживания в зимний сезон отметили все наши информанты. Серьезной проблемой является транспортная изоляция, затрудняющая доступ к услугам в соседних населенных пунктах (социальным, медицинским, культурным).

Во-вторых, на основе анализа интервью мы выделили нормативно-финансовые барьеры. Существует глубокое противоречие между формальными нормативами предоставления социальных услуг и реальными потребностями пожилых людей. Установленные стандарты зачастую не покрывают весь спектр необходимой помощи, особенно в условиях сельской местности (например, помощь с передвижением в зимнее время, уход за домашними животными, содержание проруби, решение сложных хозяйственных вопросов). При этом социальные работники, сталкиваясь с человеческими трагедиями и острой нуждой, вынуждены выходить за рамки своих должностных инструкций, оказывать больше, чем заявлено в программах. Зачастую в селах соседская помощь пересекается с профессиональной. Многие виды помощи не только не оплачиваются, но и зачастую требуют личных финансовых затрат.

Финансовая неустойчивость самих пожилых людей, чей уровень жизни серьезно ограничен низкими пенсиями, усугубляет ситуацию, создавая почву для восприятия социальной несправедливости в сравнении с условиями жизни городских пожилых.

Отдельное внимание наши информанты обращали на высокие психологические нагрузки. Социальный работник в селе выполняет функции не только формального помощника, но и зачастую единственного

доверенного лица, соседа и связующего звена с внешним миром – районным центром. Это порождает высокие психоэмоциональные нагрузки, связанные с необходимостью помогать одиноким пожилым людям, страдающим от социальной изоляции и сокращения/отсутствия поддержки родственников. При этом большинство социальных работников отмечают высокую преданность своей профессии, желание помогать и сочувствие. Также социальные работники во многом готовы обучаться, проходить курсы повышения квалификации для того, чтобы помощь пожилым была более комплексной и всесторонней, а также соответствовать «стандартам времени».

Также стоит отметить существующий дефицит и фрагментарность медицинской помощи на селе. Наблюдается острый дефицит медицинских кадров, отсутствие ФАПов.

Узкие специалисты доступны исключительно в районном или областном центре, а терапевт/фельдшер в ряде населённых пунктах принимает только раз в неделю, иногда и реже. При этом пожилые люди в большинстве случаев не обладают достаточными ресурсами для поездок в районные поликлиники, что делает получение медицинской помощи практически недоступной.

Отдельный акцент можно сделать на досуге и неформальном общении пожилых в селе. Возможности для досуга и социальной активности пожилых жителей села крайне ограничены и чаще всего связаны с мероприятиями в библиотеках или домах культуры. В этих условиях определенную компенсаторную роль играет неформальная поддержка со стороны соседей и односельчан. Однако такая помощь носит эпизодический и несистемный характер и не может рассматриваться как устойчивый механизм решения проблем. Как отмечалось выше, для сел характерен миграционный отток молодежи, в связи с чем большинство жителей населенных пунктов – это пожилые люди, которым требуются помощь и поддержка, а также общение.

Проведенный анализ результатов интервью с социальными работниками позволяет сделать вывод о том, что социальное обслуживание в российском селе сталкивается с комплексом взаимосвязанных барьеров. Инфраструктурная деградация, транспортная изоляция, кадровый дефицит и неадаптированность нормативной базы не позволяют оказывать всестороннюю помощь пожилым людям. Социальное обслуживание в российском селе должно быть основано на укреплении отношений между сельчанами и развитии неформальной помощи со стороны местного сообщества, частью которого является социальный работник.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10118 (<https://rscf.ru/project/24-78-10118/>).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Охват социальным обслуживанием, формы его получения и причины неполучения в 2023 году // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14478> (дата обращения: 29.09.2025).

УДК 316.4

СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Казаков Кирилл Павлович
студент Саратовской государственной юридической академии,
Россия, Саратов
E-mail: kirillkrp61@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы социального восприятия времени в эпоху цифровизации. Рассматриваются причины и предпосылки возникновения ощущения ускоренного времени. Про-

водится анализ трудов философов и социологов, изучавших проблематику времени. Предложены возможные пути «замедления» человека в цифровую эпоху.

***Ключевые слова:** цифровизация; человеческое бытие; ускорение времени; социальное восприятие; экзистенциальная темпоральность; современные технологии*

SOCIAL PERCEPTION OF TIME IN THE ERA OF DIGITALIZATION

***Kirill Kazakov,**
Student of the Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia*

***Abstract.** The article is devoted to the study of the problem of social perception of time in the era of digitalization. The causes and prerequisites of the emergence of the feeling of accelerated time are considered. The works of philosophers and sociologists who have studied the problem of time are analyzed. Possible ways of «slowing down» a person in the digital era are proposed.*

***Keywords:** digitalization; human existence; acceleration of time; social perception; existential temporality; modern technologies*

Время как феномен повседневности занимает важное место во всей жизни человека. Человек не может существовать «вне времени». В исторической науке данный феномен рассматривается и как самостоятельный объект исследования, и как инструмент для анализа, позволяющий упорядочить изучаемые события. В эпоху цифровизации неуклонно растёт количество технологий, позволяющих человеку буквально «зависать» в информационном поле. Это влияет на социальные отношения, трансформируется и опыт времени [1].

Немецкий социолог Хартмут Роза описывает состояние современного человека как «замороженное ускорение»: жизнь стремительно ускоряется, но

остаётся в пределах «настоящего момента», прошлое теряет значимость, а будущее становится неуловимым [5]. Цель настоящей статьи – с помощью философского анализа показать, что в эпоху цифровизации восприятие и осмысление времени изменилось: из человеческого и экзистенциального оно превратилось в технологическое и инструментальное.

В социально-философской науке понятие «времени» встречалось не только у Розы. Например, немецкий философ Мартин Хайдеггер утверждал: «Время – не физическая величина, а структура человеческого бытия» – то есть экзистенциальная темпоральность, определяющая отношение человека к миру и самому себе. Он вводит термин «здесь-бытие», обозначающий человека, существующего осмысленно и задающего вопросом о смысле своего существования, который раскрывается через переживание будущего (то, к чему человек устремлён), прошлого (то, что уже определяет нас) и настоящего (момент, где человек реализует своё бытие) [4].

Немецкий философ Иммануил Кант говорил, что «человек структурирует реальность априорно, в том числе во времени». Для него время – не то, что «идёт», а то, через что мы созерцаем [2].

Хайдеггер, в свою очередь, полагал, что с появлением современной техники человек лишь «считает» время, но не определяет и не распоряжается им. Он утверждал: «техника – не просто инструменты, а способ раскрытия бытия, который превращает нынешний мир в объект ресурсных отношений». Мир становится складом этих ресурсов, а человек – его обслуживающим персоналом. Опасность техники заключается не в самих машинах, а в том, что жизнь утрачивает возможность видеть бытие иначе, чем как простой «материал для пользования». Если, по выражению Хайдеггера, человек изначально «есть время», то в техногенной культуре он становится функцией времени, подчинённой ритму ускорения и производительности [4].

Но действительно ли техника, лежащая в основе современной жизни, так сильно влияет на наше восприятие? Хартмут Роза в своей книге говорит о феномене «ускорения» – силе, которая перестраивает все уровни человеческой жизни: социальный, политический, экономический, духовный и психологический. Его основная идея состоит в том, что технологии делают обыденные процессы (транспорт, средства коммуникации, производство) гораздо быстрее, чем если бы человек делал всё самостоятельно [5]. К таким технологиям относятся: мобильные платформы как средства коммуникации и получения информации; роботизированные устройства, запрограммированные на выполнение конкретных задач (например, робот-пылесос); искусственный интеллект, который практически полностью освобождает человека от рутинных задач.

Внедрение современной техники – это не неизбежное зло; напротив, оно является результатом развития общества, науки и права. Человек всегда стремится к получению новых знаний, чтобы использовать их для всеобщего блага. Но параллельно ускоряются социальные изменения: меняются система ценностей, профессии, государственное и общественное устройство. Современный человек находится в постоянной спешке, преследуемый мыслью, что не успевает, и потому старается сделать больше за меньшее время. В психологии этот феномен называется «темпоральной тревожностью» или «синдромом ускоренной жизни» – чувством внутреннего напряжения, возникающим из-за ощущения нехватки времени и постоянной необходимости всегда преуспевать. Парадокс заключается в том, что чем быстрее всё происходит, тем меньше у нас времени – происходит сжатие времени, в котором мы живём, а будущее, прошлое и настоящее теряют свой смысл.

Если Кант описывал время как априорную величину, а Хайдеггер – как структуру человеческого бытия, то Роза демонстрирует, что в эпоху технического прогресса это бытие искажается под давлением ускорения.

Современный человек теряет способность к подлинному переживанию времени, превращая жизнь в бесконечный цикл деятельности и обновления. Техника перестала быть нейтральным инструментом: она навязывает ритм жизни, создавая системное давление ускорения [5].

Об ускорении времени писал не только Хартмут Роза. Например, испанский социолог Мануэль Кастельс развивает эту тему, рассматривая ускорение как архитектуру цифровой эпохи. Учёный показывает, что с конца XX века человечество резко ускорило своё развитие и вступило в новую эпоху – сетевую, где главным ресурсом становится информация, а главным фактором организации общества – технологические сети: коммуникационные, экономические, политические, культурные. Эта эпоха формирует новое пространство и новое время: а) пространство потоков, где отношения, события и власть подчинены сетевому измерению; б) вневременное время, где традиционные формы последовательности, причинности и другие антропологические категории размываются под воздействием цифровых процессов. «Сетевые технологии создают режим вневременного времени, где последовательность заменяется одновременностью, а продолжительность – мгновением», – писал М. Кастельс [3].

Но как выйти из «кризиса современности»? Первый шаг, по Хайдеггеру, – осознание. Философ призывает вернуться к подлинному мышлению, к осознанию того, что мы – не просто шестерёнки в большом механизме. Важно научиться возвращаться в тихий и умиротворённый поток своих мыслей, освоить философскую рефлексию, развить медитативные практики, а также вернуть в обыденную жизнь печатные книги и культуру чтения в тишине и уединении.

Вторым шагом, по Розе, является не борьба с ускорением, а установление связи с миром: важно откликнуться на него и быть услышанным. Концепция резонанса у Розы – это ситуация, когда человек чувствует, что жизнь «звучит», что его действия, переживания и усилия находят отклик

в настоящем и окружающем мире – в людях, природе, искусстве и труде. «Чем быстрее мы живём, тем меньше чувствуем. Чем больше времени экономим, тем меньше времени переживаем» [6], – отмечал социолог.

Третий, заключительный, этап, по Кастельсу, – движение в ногу с технологиями. Мыслитель описывает «вневременное время» сетей, но не считает его приговором. Он видит шанс в осмысленном использовании технологий, при котором человек становится не рабом, а архитектором цифрового ритма. Для этого необходимо сформировать культуру цифровой ответственности, критического мышления и умения отключаться от цифрового потока. Если человек сумел развести огонь, построить дом и создать правовое государство, он способен преодолеть и современный социально-техногенный кризис. Преодоление ускоренного настоящего требует не отказа от техники, а нового культурного и этического отношения ко времени. Современность нуждается в балансе – между действием и созерцанием, скоростью и глубиной, коммуникацией и тишиной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Артамонов Д.С. Время в цифровой истории // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Саратов: СГУ, 2021.

2. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. Москва: Мысль, 1994. – 735 с.

3 Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Т. 1: Возвышение сетевого общества. Москва: ГУ ВШЭ, 2000. С. 465-470.

4. Хайдеггер М. Вопрос о технике // М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Бибихина. Москва: Республика, 1993. С. 221-238.

5. Роза Х. Ускорение. Изменение временных структур в современной жизни / пер. с нем. А.Б. Григорьева. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. – 536 с.

6. Роза Х. Резонанс: социология отношения к миру / пер. с нем. М.С. Касавиной. Москва: Издательство ГУ ВШЭ, 2023. С. 45-62.

Научный руководитель: к. филос. н. Комлев Алексей Евгеньевич.

УДК 364.4

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНЕ: СЛУЧАЙ САРАТОВА

Кобзева Виктория Сергеевна,
студент направления «Социальная работа»
социологического факультета Саратовского национального
исследовательского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского., Россия, Саратов
E-mail: vkobzeva25@gmail.com

Садчикова Анна Евгеньевна,
студент направления «Социальная работа»
социологического факультета Саратовского национального
исследовательского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского., Россия, Саратов
E-mail: anna-sadchikova06@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – зафиксировать структурные сдвиги ценностей молодежи в Саратовской области в условиях глобализации и региональных факторов. Используются данные анкетирования 776 молодых саратовцев в возрасте 15-30 лет, проведенного в Саратовском государственном университете. Патриотизм занимает заметное место в ценностной карте, но его проявления варьируются по возрасту и полу. Трансформация ценностей саратовской студенческой молодежи

носит дуалистический характер: сохранение историко-культурной идентичности соседствует с индивидуализированной жизненной стратегией.

***Ключевые слова:** ценности; студенты; трансформация; патриотизм; региональная идентичность*

TRANSFORMATION OF VALUES OF STUDENT YOUTH IN THE REGION: THE SARATOV CASE

Victoria Kobzeva,

student of the «Social Work» program, Faculty of Sociology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Russian Federation, Saratov

Anna Sadchikova,

student of the «Social Work» program, Faculty of Sociology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Russian Federation, Saratov

Abstract. *The aim of the research is to identify the structural shifts in the values of young people in the Saratov region within the context of globalization and regional factors. The study used data from a survey of 776 young Saratov residents aged 15-30, conducted at Saratov State University. Patriotism holds a notable position on the value map, but its manifestations vary by age and gender. The transformation of values among the student youth of Saratov is dualistic in nature: the preservation of historical and cultural identity coexists with increasingly individualized life strategies.*

Keywords: *values; students; transformation; patriotism; regional identity*

Актуальность исследования трансформации ценностей студенческой молодежи обусловлена стремительными социокультурными изменениями, происходящими в современном российском обществе. Изучение ценностных ориентаций молодежи в конкретном регионе позволяет не только диагностировать текущее состояние общества, но и прогнозировать его будущую траекторию, а также разрабатывать адресные стра-

тегии в сфере образования, молодежной и культурной политики. Понимание специфики ценностных трансформаций в конкретном регионе, таком как Саратовская область, приобретает особую научную и практическую значимость.

Фундаментальный вклад в развитие этого направления внес американский социолог Рональд Инглхарт, создатель международной исследовательской программы «Всемирное исследование ценностей» (World Values Survey) [4]. Разработанная им теория постулирует, что ценности людей не являются неизменными и смещаются от материалистических (физическая и экономическая безопасность) к постматериалистическим (самовыражение, качество жизни, участие в принятии решений) по мере того, как общества достигают высокого уровня экономического благосостояния и безопасности [3]. Ключевым механизмом этой трансформации является смена поколений: младшие поколения, выросшие в условиях послевоенного «экономического чуда», стали носителями ценностей постматериализма, таких как права человека, терпимость, защита окружающей среды и гендерное равенство.

Российские исследователи, такие как А.Н. Покида, Н.В. Зыбуновская и другие, фиксируют динамику жизненных приоритетов студенческой молодежи на протяжении последних десятилетий, отмечая усиление ориентации на личную жизнь, здоровье и материальную обеспеченность при относительном снижении значимости ценностей профессиональной самореализации и общественного признания [2]. Таким образом, для анализа саратовского кейса мы опираемся на солидный теоретический и эмпирический фундамент, созданный как зарубежными, так и российскими учеными.

Эмпирической основой послужили результаты анкетирования 776 молодых саратовцев в возрасте от 15 до 30 лет, проведенного учеными Саратовского государственного университета [1, с. 110-114]. Анализ данных позволяет выявить структуру и специфику ценностных ориентаций,

в которой переплетаются как общероссийские тенденции, так и региональные особенности.

Исследование демонстрирует, что патриотизм занимает важное место в мировоззрении саратовской молодежи, однако его содержание носит многогранный и личностно-окрашенный характер.

Для трети опрошенных (33 %) патриотизм – это абстрактная «любовь к Родине», причем такое понимание особенно свойственно зрелой молодежи 25-30 лет (36,7 %). Второй по популярности трактовкой (17,3 %) стало «уважение к своей Родине, гордость за свою страну», что более характерно для девушек и подростков. Значительная часть молодежи связывает патриотизм с культурной и локальной идентичностью («любовь к национальной культуре», «любовь к родному городу, деревне, дому» – по 9,3 %).

Наиболее значимым объектом гордости для саратовской молодежи является победа в Великой Отечественной войне (38,7 %). Этот выбор объединяет все возрастные и гендерные группы, что указывает на историческую память как на ключевой элемент коллективной идентичности. Далее следует культурное наследие (35,3 %), история страны в целом (32,7 %) и природные богатства (29,8 %). При этом 16 % респондентов, преимущественно самой молодой группы, категорично заявили, что нашей стране гордиться нечем, что отражает наличие определенной критической позиции.

Таким образом, спецификой саратовского случая является парадоксальное сочетание сильной исторической памяти и гордости за коллективные достижения прошлого с ярко выраженной индивидуализацией жизненных стратегий в настоящем. Эта особенность должна учитываться при разработке любых региональных программ, направленных на работу с молодежью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ивченков С.Г., Сайганова Е.В. Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодёжи // Вестник Института

социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 106-125. [URL: <https://www.vestnik-isras.ru/article/643>].

2. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 98-107.

3. Inglehart R.F. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies Princeton: Princeton University Press, 1997.

4. World Values Survey. Wave 7 Russia Data [URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>] (дата обращения: 27.10.25).

УДК 316.4

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕХАНИЗМОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ: ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Константинова Лариса Владимировна
доктор социологических наук, профессор, директор НИИ
развития образования Российского экономического
университета им. Г.В. Плеханова, Россия, Москва
E-mail: kostkas@yandex.ru

Петров Антон Маркович
кандидат экономических наук, доцент, ведущий
научный сотрудник Российского экономического
университета им. Г.В. Плеханова, Россия, Москва
E-mail: Petnov.AM@rea.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс институциональной трансформации механизмов финансирования вузовской науки в постсоветский период. Показывается, что эволюция моделей финансирования научно-исследовательской деятельности российских университетов демонстрирует качественный переход от затратной модели финансирования НИОКР вузов к инвестиционной модели, где финансовый успех университета увязы-

вается с его способностью генерировать добавленную стоимость от вложений в научные исследования, привлекать внебюджетные средства, коммерциализировать результаты интеллектуальной деятельности и одновременно выступать драйвером технологического развития страны.

Ключевые слова: институциональные трансформации; вузовская наука; модели финансирования вузовской науки

INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS OF FINANCING MECHANISMS OF UNIVERSITY RESEARCH ACTIVITIES: A TIME OF CHANGES

Larisa Konstantinova,

*Dr. Sci. Sociol., Professor, Director of the
Research Institute of Education Development of the Plekhanov
Russian University of Economics, Russia, Moscow*

Anton Petrov,

*PhD (Economics), Associate Professor, Leading
Researcher Plekhanov Russian University of Economics, Russia, Moscow*

Abstract. *This article examines the institutional transformation of university research funding mechanisms in the post-Soviet period. It demonstrates that the evolution of research funding models at Russian universities demonstrates a qualitative transition from a cost-based model of university R&D funding to an investment-based model, where a university's financial success is linked to its ability to generate added value from investments in research, attract extra-budgetary funds, commercialize the results of intellectual activity, and simultaneously act as a driver of the country's technological development.*

Keywords: *institutional transformations; university research; university research funding models*

В настоящее время российские вузы активно включаются в реализацию национальной цели, связанной с обеспечением технологического лидерства, путем внедрения новых подходов к организации и финанси-

нию научно-исследовательской деятельности. В ведущих отечественных вузах происходит переход от затратной модели финансирования научных исследований к инвестиционной, предполагающей трансформацию институциональных механизмов в направлении все большей оценки реализуемых проектов с точки зрения возможной коммерциализации их результатов и рентабельности затрат. Данные трансформации детерминированы последовательной сменой финансовых моделей отечественных университетов в целом и подходов к финансированию НИОКР, которые происходили на протяжении постсоветского периода.

В первые годы после распада СССР основные меры государственного регулирования развития науки в российских вузах в основном были направлены на организационные оптимизации, а также на поощрение кооперации научных секторов. Федеральная целевая программа «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997-2000 годы» стала триггером развития концепции «исследовательского университета» в РФ [5].

До 2005 года система государственной поддержки научной деятельности в вузах основывалась на сметном принципе. Поворотным моментом стала реформа бюджетной классификации 2005 года, которая была направлена на установление корреляции между целями государственной научно-технической политики и фактическими направлениями расходования средств. Это привело к кардинальному сдвигу парадигмы финансирования от инерционного базового к программно-целевому. Произошла структурная оптимизация ФЦП, было введено новое требование по обязательному привлечению внебюджетного софинансирования для реализации НИОКР. Данные трансформации стали частью реформы государственного сектора науки, в рамках которой с 2006 года началось создание федеральных университетов. К 2007 г. был осуществлён переход к модели финансирования, ориентированной на результат, призванной стимулировать конкурентоспо-

собные научные коллективы и исследования в высшей школе [1, с. 1122, 1126-1131, 1141-1142].

С 2008 года началась реализация проекта по созданию национальных исследовательских университетов. Им было выделено дополнительное государственное финансирование, что удвоило их бюджеты. В результате в национальных исследовательских университетах был сформирован необходимый задел для дальнейшего развития вузовской науки.

Период 2008-2018 годов связан с усилением государственного патернализма в научной политике и реализации стратегии концентрированной поддержки ограниченного числа элитных вузов (Проект «5-100»). Модель селективного государственного финансирования существенно обострила конкуренцию за ресурсы между университетами. Хотя избранный подход государственной поддержки лидеров представлялся рациональным в условиях ограниченности ресурсов, ожидаемого эффекта он в полной мере не принес, что потребовало дальнейшей коррекции государственной политики и поиска механизмов вовлечения бизнеса в финансирование вузовских исследований.

Государственная научно-техническая политика с 2019 года демонстрирует смещение акцентов от базовой поддержки к проектному финансированию. Одним из инструментов стало создание научно-образовательных центров мирового уровня, предполагающих сложную модель консолидации финансовых и административных ресурсов федерального центра, региональных властей и реального сектора экономики [3].

Государственный курс с 2020 года, трансформировавшийся от антикризисного реагирования к парадигме технологического суверенитета и далее к мобилизационной модели достижения лидерства, декларировал возрастание значимости науки для развития страны. Были запущены инструменты государственного стимулирования вузовской научной деятельности, такие как программа «Приоритет 2030», федеральные проекты по созданию в вузах Передовых инженерных школ, Центров трансфе-

ра технологий, сети НОЦ мирового уровня, эффективной системы коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности вузов, Платформы университетского технологического предпринимательства.

Данные проекты были призваны активизировать прикладные исследования в университетах в кооперации с реальным сектором экономики. В их рамках произошли сдвиги в показателях оценки вузовской науки, ведены количественные индикаторы финансовой эффективности НИОКР, что стало шагом к диверсификации источников доходов вузов. В результате в последние годы началось постепенное оживление спроса на вузовские НИОКР со стороны бизнеса, что формирует для университетов потенциальный, хотя пока и несистемный, канал привлечения внебюджетных средств.

Анализ практик ведущих отечественных российских вузов показывает, что в настоящее время в них проходит трансформация организации научной деятельности: внедряются обновлённые модели управления наукой и результатами интеллектуальной деятельности; осуществляется переориентация на междисциплинарные исследования в соответствии с технологическими вызовами; осуществляется цифровизация научной деятельности; расширяются долгосрочные партнёрские связи с научными учреждениями, предприятиями, организациями. Университеты-участники программы «Приоритет 2030» демонстрируют рост внебюджетных средств на исследования и разработки, что позволяет говорить об имеющемся потенциале отечественных вузов для развития научного знания и решения задач социально-экономического развития [2; 4].

Таким образом, можно видеть, что подходы к финансированию вузовской науки в постсоветский период находились в состоянии постоянной институциональной трансформации, связанной с изменяющимися условиям государственной политики, а также с необходимостью адаптироваться к высокой конкуренции и выстраивать взаимоотношения с индустриальными партнерами [6]. В целом эволюция моделей финансирования научно-исследовательской деятельности российских университетов демонстрирует

качественный переход от инерционной системы, основанной на формальном освоении сократившегося бюджетного финансирования, к более сложным гибридным конструкциям.

На современном этапе доминирует парадигма технологического предпринимательства, при которой государственное финансирование, в том числе через масштабные программы/проекты развития, играет роль катализатора для привлечения частных инвестиций от индустриальных партнеров. Идет сдвиг от затратной модели финансирования НИОКР вузов к инвестиционной модели, где финансовый успех университета увязывается с его способностью генерировать добавленную стоимость от вложений в научные исследования, привлекать внебюджетные средства, коммерциализировать результаты интеллектуальной деятельности и одновременно выступать драйвером технологического развития страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. Экономический рост 2000-2007: коллективная монография / Е. Апевалова, А. Абрамов, Н. Воловик, М. Дамбровски, П. Дробышев, И. Дежина и др.. Москва: Дело, АНХ, 2008. 1328 с. URL: <https://www.iep.ru/ru/doc/36048/ekonomika-perekhodnogo-perioda-ocherki-ekonomicheskoy-politiki-postkommunisticheskoy-rossii-ekonomicheskiiy-rost-2000-2007.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).

2. Анализ показателей эффективности университетов-участников исследовательского трека программы «Приоритет-2030» / А.И. Гусева, В.М. Калашник, В.И. Каминский, С.В. Киреев // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 3. С. 49-63. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-3-49-63.

3. Дежина И.Г. Государственная политика по развитию науки в российских вузах: уроки 90-х // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 10. С. 76-90. DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-10-76-90.

4. О некоторых позитивных тенденциях развития вузовской науки в России на современном этапе / Л.В. Константинова, Е.С. Титова, А.М. Петров, Д.А. Штышно // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 4. С. 101-122. DOI 10.31992/0869-3617-2024-33-4-101-122.

5. Российская экономика в 2019 году. Тенденции и перспективы. Вып. 41. Москва, 2020. 632 с. URL: https://www.iep.ru/files/text/trends/2019/2019_2.pdf (дата обращения: 20.06.2025).

6. Российская экономика в 2024 году. Тенденции и перспективы. Вып. 46. Москва: 2025. 504 с. URL: https://www.iep.ru/files/text/trends/2025/RosEcon_2024.pdf (дата обращения: 20.06.2025).

УДК 316.6

**ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ
НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ СИМПТОМОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО
ВЫГОРАНИЯ У МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ
РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА**

Королёва Юлия Романовна

*студент кафедры социальной работы Института клинической
психологии и социальной работы Российского национального
исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова
Министерства здравоохранения Российской Федерации, Россия, Москва
E-mail: juliefrommoscow@inbox.ru*

***Аннотация.** В современном мире эмоциональное выгорание получает большое распространение среди работников тех профессий, которые тесно связаны со взаимодействием с людьми, в частности медицинские специалисты. В статье при помощи анкетирования изучается влияние профессиональной мотивации на возникновение эмоционального выгорания у медицинских работников реабилитационного центра «Царицыно». В результате были установлены корреляционные связи между двумя понятиями, и разработаны методические рекомендации по повышению мотивации и профилактике выгорания среди медицинских специалистов.*

Ключевые слова: эмоциональное выгорание; профессиональная мотивация; медицинские специалисты; реабилитационный центр; взаимосвязь

**THE IMPACT OF PROFESSIONAL MOTIVATION
ON THE OCCURRENCE OF SYMPTOMS OF EMOTIONAL
BURNOUT IN THE MEDICAL SPECIALISTS
OF THE REHABILITATION CENTER**

Julia Korolyova,
*Student of the Department of Social Work at the Institute
of Clinical Psychology and Social Work of the Pirogov
Russian National Research Medical University of the Ministry
of Health of the Russian Federation, Moscow*

Abstract. *In the modern world, emotional burnout is widespread among workers in professions that are closely related to interacting with people, in particular medical professionals. The article uses questionnaires to study the influence of professional motivation on the occurrence of emotional burnout among medical workers at the Tsaritsyn rehabilitation center. As a result, correlations between the two concepts were established, and methodological recommendations were developed to increase motivation and prevent burnout among medical professionals.*

Keywords: *emotional burnout; professional motivation; medical specialists; rehabilitation center; relationship*

Эмоциональное выгорание является одной из ключевых проблем современного медицинского сообщества, в частности в условиях интенсивной загруженности в рамках деятельности реабилитационных центров. Как показывает практика, наибольшее распространение данный феномен получается именно у сотрудников медицинской сферы, поскольку их деятельности напрямую связана с работой с людьми, и от их действий зачастую зависят жизнь и здоровье пациентов.

Термин «эмоциональное выгорание» впервые был выдвинут Гербертом Фрейденбергером в 1974 году, который определил его следующим образом:

«состояние профессионального истощения, сопровождающегося снижением энергии и мотивации». Его труды дополнила американский психолог К. Маслач – ей удалось выделить ключевые стадии выгорания, среди которых:

- эмоциональное истощение;
- деперсонализация (цинизм);
- редукция профессиональных [1].

Изучение синдрома эмоционального выгорания (далее – СЭВ) также получило распространение и в отечественной литературе. Так, В. Бойко разработал **методику диагностики эмоционального выгорания** – личностный опросник, предназначенный для диагностики синдрома эмоционального выгорания, а также психодиагностический инструментарий для изучения выгорания [2].

Инструментарий изучения эмоционального выгорания

Компоненты	Шкалы
В.В. Бойко	
Напряжение	– переживание психотравмирующих обстоятельств – неудовлетворенность собой – «загнанность» – тревога и депрессия
Резистенция	– неадекватное избирательное эмоциональное реагирование – эмоционально-нравственная дезориентация – расширение сферы экономии эмоций – редукция профессиональных обязанностей
Истощение	– эмоциональный дефицит – эмоциональная отстранённость – личная отстранённость (деперсонализация) – психосоматические и психовегетативные нарушения

Данное исследование имело целью изучить взаимосвязь мотивации к труду и риском возникновения эмоционального выгорания среди медицинских сотрудников реабилитационного центра «Царицыно», а также на основании полученных данных выдвинуть перечень методических рекомендаций по профилактике выгорания и повышению мотивационного потенциала специалистов. Исследование проводилось методом анкетирова-

ния, респондентами выступили 104 медицинских специалиста (младший медицинский персонал, врачи-реабилитологи, специалисты ЛФК, заведующие отделениями и пр.). Анкета содержала вопросы о мотивации профессиональной деятельности, степени удовлетворенности работой, симптомах выгорания и факторов, снижающих производительность труда, и состояла из трех блоков:

1. Блок общих вопросов.
2. Блок мотивации.
3. Блок выгорания.

В качестве респондентов выступили 73 женщины и 31 мужчина соответственно, возрастной диапазон составлял в среднем старше 30 лет, стаж сотрудников – более 5 лет.

В качестве ключевых мотивационных факторов респонденты выделили главным образом возможность помогать людям и общий интерес к работе (рис. 1).

Что мотивирует Вас работать в реабилитационном центре?

Рис. 1. Диаграмма мотивационных факторов

Помимо этого, были также установлены «сдерживающие» факторы, среди которых наибольшее внимание респонденты уделили благоприятный коллектив (60 %) и хорошее отношение руководства (50 %). Полученные данные свидетельствуют о достаточно высоком уровне мотивации среди респондентов, однако, несмотря на это, удалось выявить также фак-

торы, которые, напротив, снижали трудовую мотивацию (рис. 2). Среди них главным фактором является чрезмерная нагрузка (40 %).

Какие факторы чаще всего снижают вашу рабочую активность и желание трудиться эффективно?

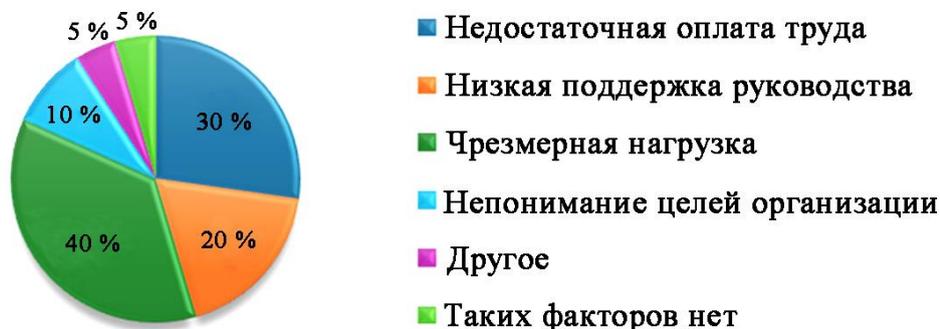

Рис. 2. Диаграмма факторов, снижающих мотивацию к труду

Что касается симптомов эмоционального выгорания (рис. 3), то удалось установить наличие данных симптомов у большинства опрошенных (20 % постоянно и 30 % часто). Это свидетельствует о том, что феномен СЭВ получил широкое распространение среди сотрудников.

Как часто вы испытываете чувство усталости даже после полноценного отдыха?

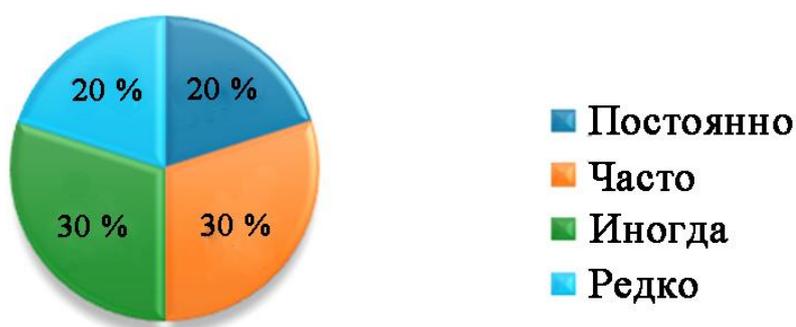

Рис. 3. Диаграмма частоты возникновения симптомов усталости

Помимо непосредственного выявления наличия симптомов выгорания, респондентам было предложено оценить уровень их интенсивности (рис. 4). Анализ показал, что показатели в среднем схожи, однако значи-

тельная часть опрошенных испытывают ярко выраженную симптоматику. Эти данные подчеркивают необходимость разработки мер по профилактике СЭВ и снижению риска возникновения данных симптомов ввиду их прямого влияния как на профессиональную деятельность и её эффективность, так и на эмоциональное благополучие.

Насколько выражены у вас признаки раздражительности или агрессии в течение рабочего дня?

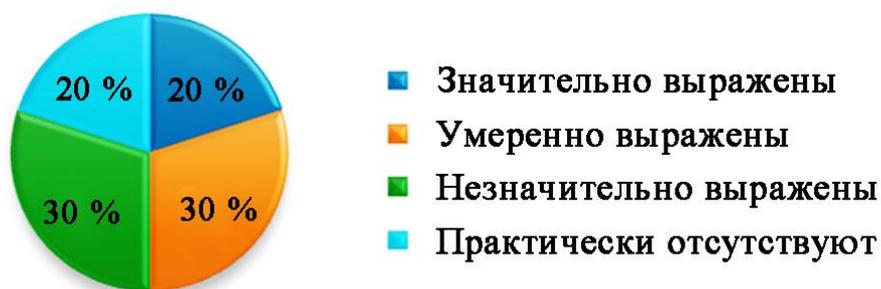

Рис. 4. Диаграмма интенсивности симптомов раздражения

Далее следовал вопрос о перспективах снижения загруженности на рабочем месте (рис. 5). Анализ выявил **периодическое** желание отказаться от исполнения профессиональных обязанностей в пользу отдыха, что говорит о наличии у данной категории респондентов чрезмерной профессиональной нагрузки, которая вызывает выгорание и снижает продуктивность.

Бывают ли у вас мысли отказаться от профессиональных обязанностей или сократить рабочую нагрузку?

Рис. 5. Диаграмма мнений респондентов о возможности снижения загруженности

Далее респондентам было предложено оценить их общий уровень загруженности на рабочем месте (рис. 6). Из полученных данных видно, что абсолютное большинство респондентов выделяют преимущественно высокий уровень, что позволяет сделать заключение о том, что загруженность – один из ключевых факторов возникновения симптомов СЭВ.

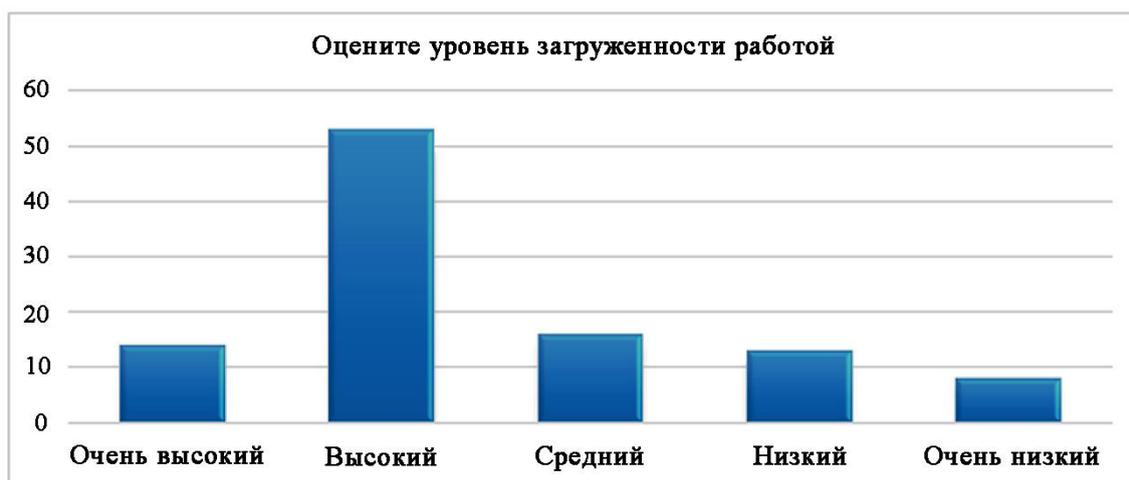

Рис. 6. Оценка уровня загруженности на рабочем месте

Что касается уровня стресса (рис. 7), то в данном случае отметка колеблется на уровне средних значений – отсюда вывод, что стресс также является одной из детерминант выгорания в профессиональной деятельности.

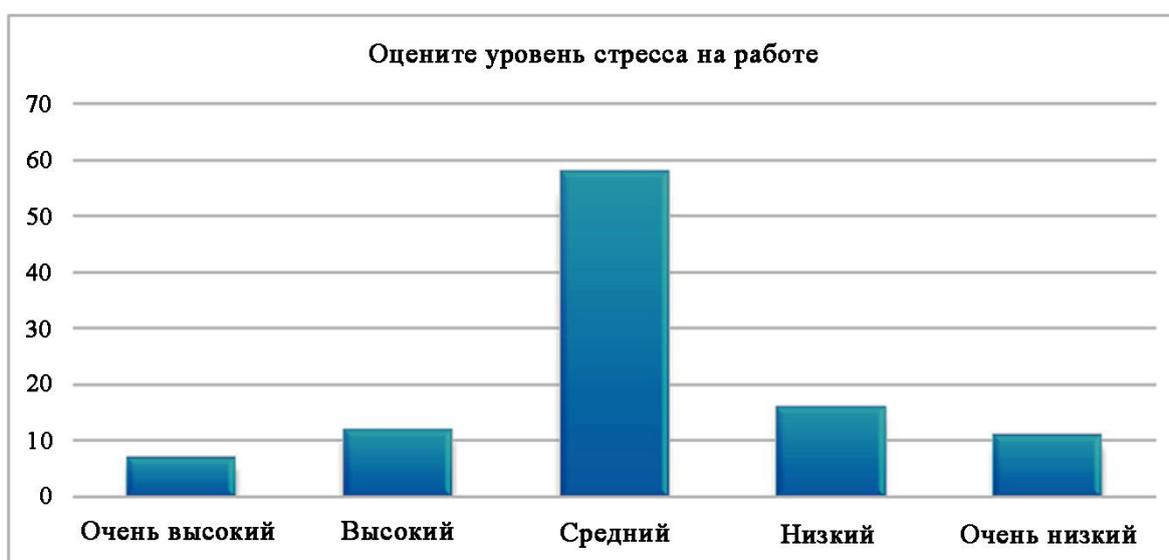

Рис. 7. Оценка уровня стресса

Далее опрошенным предстояло обозначить мнение относительно утверждения о том, влияет ли повышение уровня профессиональной мотивации на снижение риска развития СЭВ (рис. 8). Диаграмма показала полное согласие абсолютного большинства респондентов, что позволило наиболее грамотно подойти к разработке методических рекомендаций.

Согласны ли вы с утверждением, что повышение уровня профессиональной мотивации снижает риск развития эмоционального выгорания?

Рис. 8. Диаграмма мнения респондентов о взаимосвязи мотивации труда и эмоционального выгорания

Акцентируя внимание на разработке мер повышения мотивации и профилактике СЭВ, респондентам было предложено выбрать наиболее актуальные из таких мер (рис. 9). Большинство опрошенных выделили психологическую помощь (40 %), а также программы отдыха (30 %).

Какие меры, направленные на улучшение вашей профессиональной мотивации и предотвращение эмоционального выгорания, вы считаете самыми эффективными лично для себя?

Рис. 9. Диаграмма мнения респондентов о мерах повышения мотивации и профилактики выгорания

Подводя итоги, можно сказать, что главной предпосылкой развития симптомов эмоционального выгорания является расхождение между внутренними ожиданиями сотрудников и реальными условиями труда. Важнейшими факторами сохранения мотивации выступают профессиональная поддержка и перспективы дальнейшего обучения.

В качестве методических рекомендаций наиболее актуальными являются следующие меры:

1. Проведение регулярных тренингов и семинаров по предупреждению эмоционального выгорания.
2. Повышение комфортности условий труда и улучшение материального стимулирования.
3. Организация психологической помощи и диагностик сотрудниками-консультантами.

Таким образом, повышенная мотивация способствует снижению риска выгорания, однако стресс и чрезмерная рабочая нагрузка остаются критическими факторами, способными спровоцировать синдром даже при высоких уровнях вовлечённости.

Полученные результаты необходимы для построения эффективной системы профилактики выгорания и поддержания благоприятного микроклимата коллектива, что позитивно отразится на качестве выполняемых работ и минимизирует возможные отрицательные последствия выгорания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Maslach C., Jackson S.E. The measurement of experienced burnout // *Journal of Occupational Behavior*. 1981. Vol. 2. P. 99-113.
2. Бойко В.В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. СПб.: Сударыня, 1999. 32 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ ПРИ СИНДРОМЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

Кремнева Олеся Денисовна

*магистрант кафедры «Политология и социология»
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
E-mail: tikhonova.lawyer@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены современные и базисные подходы к определению синдрома эмоционального выгорания. Уделяется внимание дискуссии о принадлежности данного синдрома к психологии труда или личности и роли внешних и внутренних факторов. Подчеркивается значимость личностных детерминант, в особенности нейротизма, и необходимость системного подхода, объединяющего условия труда и психопрофилактику. Делается вывод о комплексности синдрома эмоционального выгорания и междисциплинарной профилактике.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания; индивидуально-психологические особенности; личностные детерминанты; нейротизм; профессиональный стресс

THEORETICAL ASPECTS OF STUDYING INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PERSONALITY IN BURNOUT SYNDROME

Olesya Kremneva,

*Master's Student, Department of «Political Science and Sociology»
of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov*

Abstract. The article examines contemporary and foundational approaches to defining burnout syndrome. It draws attention to the discussion about whether BS belongs to occupational psychology or personality psychology, and to the role of external and internal factors. It emphasizes the

significance of personality determinants, especially neuroticism, and the need for a systemic approach that combines working conditions with psychoprophylaxis. It concludes that burnout syndrome is complex and that interdisciplinary prevention is needed.

Keywords: *burnout syndrome; individual psychological characteristics; personal determinants; neuroticism; occupational stress*

Синдром эмоционального выгорания (далее по тексту – СЭВ) широко представлен как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе, по данной теме вместе с фундаментальными исследованиями имеются и современные научные работы. Однако, несмотря на большое количество исследований по заявленной теме, своей актуальности она не теряет. Так, СЭВ продолжает оставаться проблемой, которая касается работников различных сфер, направлений и организаций, а отрицательные последствия данного синдрома оказывают большое влияние как на личность профессионала, так и на организацию, в которой он трудится [1, с. 9]. Также ряд теоретических вопросов, касающихся синдрома эмоционального выгорания, остаются дискуссионными. Например, не ясно к какому разделу психологии следует относить рассматриваемое явление – к психологии труда или к психологии личности? Не разрешенным остается вопрос, касающийся основополагающих причин возникновения и развития СЭВ, внутренние или внешние факторы, провоцирующие эмоциональное выгорание, играют ведущую роль? К ответам на эти вопросы старается приблизиться автор настоящего исследования.

Понятие эмоционального выгорания закрепилось в научной лексике в 1974 году благодаря американскому психиатру Герберту Фройденбергеру. В его ранних наблюдениях феномен фиксировался в первую очередь у представителей помогающих профессий – врачей, психологов и учителей – и характеризовался как всепоглощающее истощение на физическом,

эмоциональном и интеллектуальном уровнях. По мнению Г. Фройденберга причиной возникновения данного феномена является хронический профессиональный стресс [3, с. 86].

Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, одиннадцатого пересмотра, утвержденная Всемирной организацией здравоохранения (далее по тексту – МКБ-11) закрепила подход Г. Фройденбергера, определив выгорание как синдром, концептуализированный как результат хронического стресса на рабочем месте, с которым не удалось справиться. МКБ-11 были определены три характеристики СЭВ: чувство истощения энергии или изнеможения, возрастание эмоциональной отстраненности от работы, негативное или циничное отношение к работе и чувство неэффективности и недостатка достижений [4, с. 1]. Данный документ четко ограничивает контекст СЭВ профессиональной сферой и прямо указывает на недопустимость применения выгорания к описанию опыта в других сферах жизни человека.

В.Е. Орел определяет выгорание как «сложное интегральное образование», которое объединяет эмоциональные, мотивационные, когнитивные и поведенческие симптомы в три базовых симптомокомплекса. Он формулирует идею о том, что выгорание является реакцией на дезадаптацию к профессиональной среде, где личностным детерминантам отводится ведущая роль. Автор считает, что в общем методологическом плане выгорание не имеет однозначного места среди базовых психологических понятий – деятельность, личность, психические свойства и процессы [5, с. 118].

Ряд исследователей, в том числе и в отечественной науке, рассматривают синдром эмоционального выгорания в более широком смысле, а именно, как явление применительно к психологии личности в целом, а не исключительно к психологии труда. Для такого подхода характерно определение синдрома эмоционального выгорания как нарушения ценностно-смысловой регуляции личности, при котором происходит нарушение про-

живания жизненных ценностей высшего порядка, ведущее за собой разрушение смыслов практического уровня и трудовой деятельности [2, 37].

Исходя из анализа разных определений и подходов к феномену синдрома эмоционального выгорания, можно сделать следующий вывод. Синдром эмоционального выгорания следует рассматривать как комплексное и динамичное состояние, появляющееся как реакция на хронический стресс, связанный с профессиональной деятельностью. Вместе с тем личностные особенности профессионала играют ведущую роль в формировании СЭВ и его течения у конкретного субъекта. Совместно с однозначной позицией Всемирной организации здравоохранения о недопустимости применения выгорания к описанию опыта в иных сферах жизни человека, кроме профессиональной, важно учитывать тот факт, что последствия СЭВ совсем не ограничиваются профессиональной сферой, а сказываются на различных аспектах жизни человека. Следовательно, для объяснения специфичной природы этого синдрома, а также для его эффективной профилактики при исследовании СЭВ нельзя ограничиваться лишь психологией труда, целесообразно рассматривать эмоциональное выгорание в неразрывной связи с психологией личности.

Ни в зарубежной, ни в отечественной науке нет единого мнения относительно причин возникновения и развития синдрома эмоционального выгорания. Вместе с тем исследователи единообразны в их классификации, выделяют внешние и внутренние (иногда также их называют личностными и организационными) факторы, обуславливающие эмоциональное выгорание [6, с. 44].

При этом с точки зрения системного подхода ведущую роль в формировании синдрома эмоционального выгорания отводят личностным детерминантам. Эту позицию разделяет В.Е. Орел: как провоцирующий, так и стабилизирующий характер влияния личностных особенностей на выгорание обусловлен спецификой профессиональной деятельности. В качестве ключевого

фактора структуры личности выделяется нейротизм: выраженность этого свойства и характер вовлеченности в профессиональную деятельность определяют, будет ли влияние нейротизма носить стабилизирующий или провоцирующий характер по отношению к выгоранию [5, с. 85]. В поддержку данной точки зрения также говорит позиция исследователей, которые считают, что решающая роль в работе с эмоциональным выгоранием принадлежит самой личности, ее собственным возможностям и ресурсам [8, с. 340]. Данную точку зрения также разделяет автор настоящего исследования.

Подводя итог данному исследованию, можно сделать вывод о ключевой роли системного подхода, поскольку личностные детерминанты и условия профессии взаимно влияют на возникновение и динамику СЭВ. Практическая значимость выводов состоит в том, что эффективная профилактика и коррекция СЭВ требует междисциплинарного подхода: сочетания мер по оптимизации условий труда с индивидуализированными программами психопрофилактики и психотерапии, ориентированными на личностные ресурсы сотрудника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
2. Ермакова Е.В. Изучение синдрома эмоционального выгорания как нарушения ценностно-смысловой сферы личности (теоретический аспект) // Культурно-историческая психология. 2010. Т. 6. № 1. С. 27-39.
3. Куваева И.О. История изучения «синдрома выгорания» в американской психологии // Проблемы исследования «синдрома выгорания» и пути его коррекции у специалистов «помогающих» профессий (в медицинской, психологической и педагогической практике): сб. науч. ст. / под ред. В.В. Лукьянова, С.А. Подсадного. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. С. 85-88.

4. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, одиннадцатого пересмотра. URL: <https://mkb11.online/129350#exclusion> (дата обращения: 20.10.2025).

5. Орел В.Е. Синдром психического выгорания. Мифы и реальность. Москва, 2014. 296 с.

6. Пименова Е.А. Особенности обучения взрослых в процессе дополнительного профессионального образования // Формирование инновационного мышления и профессиональной ответственности в вузе: материалы Всерос. науч.-метод. конф. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2009. С. 43-49.

7. Скугаревская М.М. Синдром эмоционального выгорания: личностные особенности у работников сферы психического здоровья // Белорусский медицинский журнал. 2002. №. 2. С. 93-96.

8. Управление персоналом: учебник для вузов / под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. Москва: Юнити, 2006. 560 с.

Научный руководитель: к. социол. н., доцент кафедры «Политология и социология» СГТУ имени Гагарина Ю.А. Фоменко Наталья Леонидовна.

УДК 316.4

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ В УРБАНИЗИРОВАННОЙ СРЕДЕ

Наберушкина Эльмира Кямаловна,
д. социол. н., доцент, профессор кафедры социологии Финансового университета, Директор Центра общественного здоровья и социальной инклюзии Научно-исследовательского института государственной политики и управления отраслевой экономикой, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», Россия, Москва
E-mail: eknaberushkina@fa.ru

Аннотация. Статья акцентирует актуальность вопросов общественного здоровья и способов достижения его более благополучных показателей. Раскрыта роль инклюзивной городской среды и инклюзивных практик для повышения уровня социального благополучия горожан.

Ключевые слова: город; инклюзия; общественное здоровье

SOCIAL HEALTH IN AN URBAN ENVIRONMENT

Elmira Naberushkina,

Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor in the Department of Sociology at the Financial University, Director of the Center for Public Health and Social Inclusion at the Research Institute for Public Policy and Management of Industrial Economics, State University of Management, Moscow, Russia

Abstract. *This article highlights the relevance of public health issues and ways to achieve better outcomes. It explores the role of an inclusive urban environment and inclusive practices in improving the social well-being of city residents.*

Keywords: *city; inclusion; public health*

Исследования в области социального здоровья характеризуются междисциплинарным подходом, включающим социологический, медико-социальный, урбанистический и психологический аспекты. В условиях современной урбанизации наблюдается сложная и многослойная динамика, оказывающая значительное влияние на социальное здоровье и интеграцию индивидов в общество. Городская среда, с одной стороны, предоставляет широкие возможности для социальной мобильности, культурной диффузии и профессионального развития. С другой стороны, она генерирует новые формы социального неравенства, отчуждения и сегрегации. Эти противоречия особенно ярко проявляются в крупных мегаполисах, где высокая интенсивность жизни, сложность социальных взаимодействий и необходимость постоянного адаптационного процесса создают значительные вызовы для поддержания социального здоровья. Социальное здоровье, определяемое как способность индивида эффективно функционировать в социуме, участвовать в коллективных практиках и иметь доступ к необходимым ресурсам, подвергается угрозе из-за неравномерного распределения возможностей.

Несмотря на существование государственных программ и общественных инициатив, направленных на поддержку социального здоровья,

их реализация часто ограничивается индивидуальными стратегиями, зависящими от личных ресурсов и социального статуса. Это приводит к фундаментальному противоречию между декларированным потенциалом городской среды как пространства социального благополучия и реальной сегментированностью доступа к необходимым ресурсам и практикам. Урбанизированная среда, с одной стороны, способствует развитию социальных взаимодействий и культурной активности, с другой – порождает анонимность, стресс, информационную перегрузку и ускоренный ритм жизни, что препятствует формированию устойчивых социальных связей.

В контексте урбанистики социальное здоровье тесно связано с характеристиками городской среды. В теоретической рамке Чикагской школы установлена взаимосвязь между пространственными и культурными особенностями города и динамикой социальных взаимодействий, урбанистическая среда оказывает значительное влияние на общественные процессы и формирование социального здоровья. Современные исследования подтверждают значимость таких факторов, как плотность населения, организация городского пространства, доступность общественных мест и культурных учреждений, которые способствуют созданию условий для социального взаимодействия и ощущения принадлежности к сообществу.

Концепция инклюзивного города внесла значительный вклад в понимание социального здоровья. Акцентируется способность урбанистической среды обеспечивать базовые условия для социального участия, включая доступ к образовательным, медицинским, культурным ресурсам и возможностям самореализации. Инклюзивный город создает условия для равноправного участия всех членов общества, что способствует укреплению социального здоровья и социальной справедливости. Этот подход получил развитие в исследованиях Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (UN-Habitat) и других международных

организаций (UN-Habitat, 2020). Параллельно развивались идеи о здоровье как способности, где социальное здоровье определяется через возможности индивида реализовывать свой потенциал в социуме. В отечественном научном поле Гидлевский В.А., Рябова Л.Н. изучают социальные вызовы урбанизации здоровью населения [1, с. 32].

Феноменологический и антропологический подходы внесли значимый вклад в понимание социального здоровья через призму повседневных практик, телесного опыта, ритмов городской жизни и эмоциональной привязанности к пространственной среде. Антонова Н.Л. Рассматривает социальное здоровье как социокультурный феномен, а инфраструктуру городов как ресурс социального здоровья в повседневных практиках [2, с. 63].

Сегодня в мире реализуются разнообразные практики, направленные на преодоление социальных барьеров и улучшение показателей социального здоровья. В Мехико был запущен масштабный проект «Утопии», охватывающий беднейшие районы города. Проект включает строительство культурных и спортивных центров, парков, библиотек и пространств для отдыха. Эти «утопии» создаются в районах с высоким уровнем преступности и маргинализации. По мнению городской администрации, такие центры служат точками притяжения, укрепляют горизонтальные связи и формируют локальное сообщество, способное к самоорганизации. Инициатива не только стимулирует участие граждан в социальной жизни, но и повышает их психоэмоциональное благополучие за счёт доступа к культурному и образовательному капиталу.

В США значительную роль играют программы, ориентированные на местные сообщества. Например, инициатива «HeartSmiles» в Балтиморе работает с молодёжью из социально неблагополучных районов, помогая им развивать лидерские качества, эмоциональный интеллект и навыки самопрезентации. Такая работа позволяет выстраивать устойчи-

вую идентичность и способствует интеграции в социум. По мнению исследователей, подобные программы существенно снижают риски девиантного поведения среди молодёжи и укрепляют их чувство сопричастности.

В Жироне, Испания, была запущена программа «Dipsalut», ориентированная на популяризацию физической активности как формы социального взаимодействия. В рамках программы были созданы так называемые «парки здоровья» – оборудованные пространства, где проводятся занятия для пожилых и взрослых жителей. Это одновременно снижает риски изоляции, особенно среди пожилых, и формирует пространство для межпоколенческого общения. Важным аспектом является то, что занятия проводятся бесплатно и в шаговой доступности, что делает участие максимально инклюзивным.

Американская инициатива «Denver Urban Gardens» также заслуживает внимания как пример развития городского земледелия. Она содействует не только продовольственной безопасности, но и социальной консолидации. Общественные сады становятся местом встреч, обмена опытом, межкультурного и межклассового взаимодействия. Исследования показали, что такие проекты способствуют снижению уровня депрессии и одиночества у участников, а также способствуют экологическому воспитанию детей и подростков [3]. В российском контексте аналогичные практики находятся на стадии формирования, однако некоторые города уже демонстрируют положительные примеры. В Ставрополе реализуется программа, нацеленная на профилактику неинфекционных заболеваний путём популяризации здорового образа жизни и формированию благоприятной городской среды. Программа включает культурно-просветительские мероприятия, уличные фестивали, а также образовательные кампании, направленные на борьбу с курением, малоподвижным образом жизни и нездоровым питанием.

Современные российские социокультурные инициативы часто направлены на формирование городского культурного капитала. Примером может служить проект «Московские дворики», направленный на

восстановление дворовой культуры через организацию соседских встреч, совместных субботников, лекций и культурных мероприятий. Подобные инициативы помогают преодолеть отчуждение, характерное для больших городов, и способствуют созданию горизонтальных социальных связей.

Особенность зарубежных практик заключается в высоком уровне межсекторного взаимодействия: НКО, муниципалитеты, гражданские инициативы и академическое сообщество совместно разрабатывают программы, тестируют их эффективность и тиражируют успешные кейсы. В России, несмотря на активное участие волонтерских и общественных движений, взаимодействие с государственными структурами зачастую фрагментарно. Однако развитие городских стратегий устойчивого развития и внедрение концепции «умных городов» открывает новые возможности для интеграции социального здоровья в систему городского управления.

В целом, как зарубежный, так и российский опыт демонстрируют, что укрепление социального здоровья возможно через создание культурно-насыщенной, открытой, инклюзивной городской среды. Социокультурные практики, такие как участие в общественных мероприятиях, доступ к культурным ресурсам, совместная деятельность и локальная самоорганизация оказывают значимое влияние на субъективное благополучие и уровень социальной вовлеченности граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонова Н.Л. Социальное здоровье как социокультурный феномен // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 62-67.

2. Гидлевский В.А., Рябова Л.Н. Урбанизация и здоровье населения: социальные вызовы // Здравоохранение Российской Федерации. 2020. № 2. С. 32-37.

3. Европейский социальный обзор (ESS). Данные о социальной включённости, здоровье и культурных практиках. URL: <https://www.euro-peansocialsurvey.org> (дата обращения: 19.09.2025).

УДК 005.96

ТРЕНДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СРЕДИ КУРСАНТОВ ЛЕТНЫХ ВУЗОВ

Панченко Ирина Михайловна,
к. социол. н., старший преподаватель 43 кафедры
4 факультет авиационный (дальней и военно-транспортной авиации)
Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков имени
Героя Советского Союза А.К. Серова, Россия, Ульяновск
E-mail: panirm@gmail.com

Панченко Дмитрий Иванович,
старший преподаватель 42 кафедры
4 факультет авиационный (дальней и военно-транспортной авиации)
Краснодарского высшего военного авиационного
училища летчиков имени Героя Советского
Союза А.К. Серова, Россия, Ульяновск
E-mail: DIN_68@mail.ru

Теплоухов Леонид Сергеевич,
преподаватель 43 кафедры
4 факультет авиационный (дальней и военно-транспортной авиации)
Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков имени
Героя Советского Союза А.К. Серова, Россия, Ульяновск
E-mail: teploukhov00@mail.ru

Аннотация. В статье акцентируется внимание на трендах ЗОЖ. Авторы считают, что у курсантов необходимо формировать внутреннюю мотивацию вести здоровый образ жизни, чтобы они понимали, что быть здоровым для летчика не просто обязанность, а осознанный выбор, часть его мировоззрения, которая дает возможность летному долголетию.

Ключевые слова: здоровый образ жизни; курсанты летных вузов; физическая подготовка

TRENDS IN THE FORMATION OF A HEALTHY LIFESTYLE AMONG CADETS OF FLIGHT UNIVERSITIES

Irina Panchenko,

*PhD (Social Sciences), Senior Lecturer at 43 Department,
4th Aviation Faculty (Long-Range and Military Transport Aviation),
Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after
Hero of the Soviet Union A.K. Serov, Russia, Ulyanovsk*

Dmitry Panchenko,

*Senior Lecturer at 42 Department,
4th Aviation Faculty (Long-Range and Military Transport Aviation),
Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after
Hero of the Soviet Union A.K. Serov, Russia, Ulyanovsk*

Leonid Teploukhov,

*Lecturer of 43 Department,
4th Faculty of Aviation (Long-Range and Military Transport Aviation),
Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after
Hero of the Soviet Union A.K. Serov, Russia, Ulyanovsk*

Abstract. *The article focuses on healthy lifestyle trends. The authors believe that cadets need to form an internal motivation to lead a healthy lifestyle so that they understand that being healthy for a pilot is not just an obligation, but an informed choice, part of his worldview, which enables flight longevity.*

Keywords: *healthy lifestyle; cadets of flight schools; physical training*

Здоровый образ жизни является основным принципом для обеспечения высокого уровня работоспособности, стрессоустойчивости и профессиональной эффективности курсантов летных вузов. Профессиональные особенности летной профессии, обусловленные высокими психоэмоциональными и физическими нагрузками, требуют от будущих пилотов пристального внимания к своему здоровью. В данной статье мы рассмотрим ключевые тренды, определяющие формирование ЗОЖ среди курсантов летных вузов.

1. Повышение осведомленности и мотивации к ЗОЖ

Во-первых, профессиональные стандарты в авиации четко указывают, что безупречное здоровье является неотъемлемым критерием для успешной реализации карьеры летчика. Это осознание превращается в мощный мотивационный фактор, который, по мнению И.Ю. Сурковой, помогает курсан-

там понять, что забота о своём здоровье, формирование и поддержание ЗОЖ является долгосрочной инвестицией в их профессиональное будущее [6].

Во-вторых, курсанты, получая обширную информацию о здоровом образе жизни не только на лекциях и семинарах, проводимых в образовательных организациях, но и через различные специализированные издания, более осознано относятся к своему здоровью.

В-третьих, курсовые офицеры и преподаватели ФП, действуя как наставники, не только пропагандирует ЗОЖ, но и мотивируют курсантов к формированию и закреплению здоровых привычек [2, с. 8].

2. Осознанное питание и контроль веса

Правильное питание имеет немаловажное значение для поддержания физической и умственной работоспособности будущих лётчиков. В столовых военного вуза отмечена тенденция к расширению выбора сбалансированного питания, ограничению количества жиров и сахара, увеличению доли овощей и фруктов [8]. Для будущих пилотов очень важно следить за своим весом. Это не просто формальность, а критически важный фактор для всех, кто работает в авиации.

3. Осознанное отношение к здоровью и профилактика заболеваний

Как отмечает И.Ю. Суркова, в процессе подготовки будущих лётчиков большое внимание уделяется их физическому и ментальному благополучию. Для этого используется комплексная система, состоящая из несколько ключевых направлений [7, с. 134].

Во-первых, курсанты получают необходимые знания и умения, помогающие контролировать своё самочувствие, их учат подмечать реакцию организма на различные нагрузки для предотвращения негативных последствий или проблем со здоровьем.

Во-вторых, при составлении рекомендаций по питанию и физической активности анализируются индивидуальные особенности каждого курсанта (наследственность, физиологические характеристики, образ жизни).

В-третьих, особое внимание уделяется формированию психологической устойчивости и обучению навыкам управления стрессом [7, с. 134-135].

Все курсанты дважды в год проходят медицинское обследование, что позволяет своевременно диагностировать и предотвращать возможные заболевания [4].

4. Отказ от вредных привычек

Проведение лекций, семинаров и тренингов о вреде курения, алкоголя и наркотиков становится неотъемлемой частью образовательных программ в военных вузах [1, с. 26]. Формирование здоровьесберегающего пространства в военном вузе играет ключевую роль в борьбе с вредными привычками.

Организация мероприятий, направленных на популяризацию ЗОЖ, способствует формированию атмосферы, нетерпимой к курению и алкоголю. Привлечение к спорту и активному отдыху становится важным инструментом в борьбе с зависимостями. Занятия спортом не только отвлекают от вредных привычек, но и помогают найти здоровые альтернативы [5].

5. Физическая активность и спорт

Высокий уровень физической подготовки – это требование к каждому военнослужащему. Как указано в «Наставлении по физической подготовке в Вооруженных Силах РФ Российской Федерации», ключевую роль в этом играют систематические занятия физическими упражнениями и военно-прикладными видами спорта [3, с. 13].

Физическая подготовка является одной из профилирующих дисциплин в летном вузе, на которую в учебном плане выделяется большое количество часов. Постоянно проводятся мониторинги уровня физической подготовленности курсантов в ходе промежуточной (зачеты, экзамены) и государственной аттестации по ФП.

Уровень физической подготовленности курсантов оценивается не только по пятибалльной системе оценивания, но и по четырем квалификационным уровням физической подготовки [3, с. 123]. Оценку «отлично» имеют 85 % курсантов мужского пола, среди них только у 78,1 % высший квалификационный уровень физической подготовленности. У 96,6 % курсантов женского пола оценка «отлично» и у всех высший квалификационный уровень физической подготовленности.

В лётных вузах существует мощная спортивная база, которая используется как для проведения занятий по физической подготовке, так и для самостоятельных занятий курсантов. В выходные и праздничные дни проводятся спортивно-массовые мероприятия по различным видам спорта: легкая атлетика, мини футбол, волейбол, различные эстафеты.

Курсанты нашего училища входят в состав сборной ВКС, вооруженных сил, принимающих участие не только в российских состязаниях, но и в международных соревнованиях.

В составе сборной команды Вооружённых Сил РФ наши спортсмены заняли призовые места на Всемирных кадетских играх, проходивших в 2024 году в Венесуэле; 2 место на международных соревнованиях по легкой атлетике среди военнослужащих, проводившихся в 2025 году в Сербии.

Формирование здорового образа жизни – это не только модный тренд, а жизненный императив, особенно для тех, кто выбрал профессию, требующую особых физических и психологических качеств.

Здоровье будущих летчиков, обучающихся в военных вузах, является краеугольным камнем безопасности полетов и сохранности жизни экипажей, следовательно, формирование у курсантов устойчивых паттернов здорового образа жизни определяется как приоритетная задача образовательных учреждений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беликова М.Ш., Захарова М.А., Сартаков П.Г. Оценка риска, связанного с воздействием табакокурения и алкоголя, для здоровья курсантов военного института и методика профилактики // Анализ риска здоровью. 2015. № 2. С. 24-30.

2. Герчак Я.М., Митьков Д.Ю. Здоровье как фактор и условие формирования у курсантов военного вуза готовности к профессиональной деятельности // ЦИТИСЭ. 2018. № 1 (14). С. 8. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35217401_60363747.pdf (дата обращения: 09.10.2025).

3. Наставление по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации. (НФП-2023). Москва, 2023. 145 с.

4. Приказ Министра обороны РФ от 20 мая 2021 г. № 285 «Об установлении Порядка прохождения военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации медицинских осмотров и диспансеризации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401309474/> (дата обращения: 09.10.2025).

5. Роль физической культуры в жизни студентов и курсантов Академии ФСИН России / Р.В. Пузыревский, В.Н. Пожималин, О.В. Крапивин, П.О. Паршутина // Столыпинский вестник. 2022. № 3. Т. 4.

6. Суркова И.Ю. Социальная политика в системе гражданско-военных отношений. Москва: ООО Вариант, 2013. 376 с. ISBN 978-5-903360-84-0.

7. Суркова И.Ю. «Фасад» и «закулисы» военной профессии: социокультурный анализ // Социологические исследования. 2015. № 6 (374). С. 13133-13.

8. Якунин Н.И. Формирование здорового образа жизни у курсантов средствами физической культуры // E-Scio. 2019. № 9 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-zdorovogo-obraza-zhizni-u-kursantov-sredstvami-fizicheskoy-kultury> (дата обращения: 08.10.2025).

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ

Пашинина Екатерина Игоревна

*к. социол.н., доцент, магистрант кафедры «Политология и социология»
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
E-mail: pashininaei@mail.ru*

***Аннотация.** Методология исследования организационной лояльности как научной проблемы имеет междисциплинарную природу, отражая приверженность и благожелательное отношение к организации целого комплекса субъектов – персонала, потребителей, деловых и социокультурных агентов.*

***Ключевые слова:** организационная лояльность; психология управления*

METHODOLOGY AND METHODS OF ORGANIZATIONAL COMMITMENT RESEARCH

Ekaterina Pashinina,

PhD (Social Sciences), Associate Professor, Master's student of the «Political Science and Sociology» Department of Yuri Gagarin Saratov State Technical University, Russia, Saratov

***Abstract.** The methodology of organizational commitment research as a scientific problem has an interdisciplinary nature, reflecting the commitment and benevolent attitude to the organization of a complex of actors – personnel, consumers, business and socio-cultural agents.*

***Keywords:** organizational commitment; psychology of management*

Методология научного исследования организационной лояльности определяет основополагающие теоретические конструкты, раскрывающие

проблемное поле изучаемого явления, представления о структуре, факторах, типологии, методах и методиках исследования.

В психологии управления исследования организационной лояльности, по нашему мнению, можно условно разграничить на изучение 1) внутриорганизационных явлений, факторов и процессов, влияющих на приверженность работников, и 2) формирования положительного отношения внешних по отношению к организации субъектов посредством позиционирования организации в рыночном и социокультурном пространстве.

Распространена интерпретация лояльности персонала как приверженности, верности и благонадежности работников, соблюдающих регламенты и действующих в интересах организации, рассматриваемых в связи с соответствием ценностей, особенностями мотивации и удовлетворенности трудом, а также испытывающих эмоциональную привязанность и желание оставаться в организации.

Согласно теории мотивации Л. Портера и Э. Лоулера, работник достигает результатов, учитывая затраченные усилия, личные особенности и способности, осознавая собственную роль в бизнес-процессе. Опросная методика Л. Портера (OCQ) состоит из 15 утверждений о текущей трудовой деятельности, выявляя отношение к выполнению поставленных рабочих задач и отношение к организации, критерии возможного ухода, степень готовности к смене работы, где оценка осуществляется по 7-балльной шкале [7].

Трехкомпонентная модель организационной приверженности Дж. Мейера и Н. Аллен на основе опросной методики (OCS) выявляет аффективный (на основе организационной поддержки, справедливости, личной значимости, компетентности), продолженный (через осознание своего вклада в компанию, понимания альтернатив), нормативный (вследствие интериоризации социокультурных и организационных норм и правил, чув-

ства долга перед организацией (обучение, льготная ипотека и т. п.) компоненты лояльности [6].

Одним из распространенных инструментов проведения исследований отношения работников к организации является определение индекса лояльности персонала – Employee Net Promoter Score (eNPS), при использовании которого сотрудников просят оценить по шкале от 0 до 10 вероятность того, что они порекомендуют компанию как работодателя своим знакомым. По итогам формируются три группы работников по уровню лояльности: критики, скептики и промоутеры, соотношение которых показывает удовлетворенность работников и готовность поддержать изменения в компании.

Методика исследования Л.Г. Почебут и О.Е. Королёвой «Шкала организационной лояльности» содержит 36 карточек с утверждениями, по которым оценивается лояльность. Она основана на модификации метода равно оцениваемых интервалов Л. Терстоуна, **измеряющего отношение работника к организационным процессам, выявляя** у персонала организации удовлетворенность работой, вовлеченность и желание достичь значительных результатов [4].

Модель предпосылок организационной лояльности В.И. Доминьяка учитывает соответствие целей и ценностей организации, заботу, справедливость, возможность реализации мотивов. На основе методики «Возможность реализации мотивов», учитывающей 15 мотивов профессиональной деятельности, формируются профили личного индекса ожиданий и возможностей реализации мотивов для респондентов, а также общеорганизационный профиль реализации ожиданий и индекс мотивационной привлекательности [3].

С.С. Баранская определяет следующие типы лояльности – организационная лояльность, лояльность профессии, труду. Предложенная ею ме-

тодика измерения лояльности представлена пятифакторной моделью, где организационная лояльность раскрывается тремя подшкалами: гордость сотрудников за свою организацию, вовлеченность в ее дела и проявления нелояльного поведения [2].

При изучении предприятий нефтегазохимического комплекса А.Е. Сережкина делает вывод о возможно номинальном или атрибутивном проявлении организационной лояльности, когда соблюдается дисциплина, стандарты с интегрированной демонстрацией корпоративной символики на спецодежде, что воспринимается как данность, а не эмоционально окрашенная идентичность и гордость.

Одновременно на предприятиях НГХК отмечается тенденция сохранения династичности работников, участия в традиционных мероприятиях, развития благоприятной корпоративной культуры, способностей, потенциала и благополучия работников [5].

На материалах исследования учреждений социальной сферы О.В. Андрющенко, Н.В. Моисеенко, И.Ю. Сурковой был оценен ряд показателей в качестве факторов организационной лояльности, таких как категория персонала, стаж, функционал сотрудников, оплата труда; характеристики профессионального выгорания и потенциальная текучесть кадров [1].

В заключение подчеркнем актуальность исследования феномена организационной лояльности в психологии управления. Она связана с потребностью компаний в выявлении ключевых механизмов поддержания стабильности и управляемости процессов привлечения и удержания кадров, их готовности развиваться вместе с организацией, разделять ее ценности, быть эффективными и производительными, наращивая ценность человеческих ресурсов организации, а также с потребностью

формирования позитивного образа компании для работников, клиентов, партнеров и инвесторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андрющенко О.В., Моисеенко Н.В., Суркова И.Ю. Организационные эффекты лояльности персонала в учреждениях социальной сферы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. № 2. С. 176-182.

2. Баранская С.С. Методика измерения лояльности // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 1 (15). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.10.2025).

3. Доминяк В.И. Возможность реализации мотивов как предпосылка организационной лояльности // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 2. С. 105-108.

4. Почебут Л.Г. Оценка лояльности сотрудника к организации. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / под ред. Никифорова Г.С., Дмитриевой М.А., Снеткова В.М. СПб.: Речь, 2001. С. 283-287.

5. СЕРЕЖКИНА А.Е. Организационная лояльность сотрудников предприятий НГХК// Управление устойчивым развитием. 2021. № 5 (36). С. 113-119.

6. Meyer J.P., Allen N.J., Smith C.A. Commitment to organizations and occupations: Extension and Test of a Three-Component Conceptualization // Journal of Applied Psychology. 1993. Vol. 78. P. 538-551.

7. Porter L.W., Steers R.M., Mowday R.T., Boulian P.V. Organizational commitment, job satisfaction, and turnover among psychiatric technicians // Journal of Applied Psychology. 1974. Vol. 59. P. 603-609.

**ГЕРМЕНЕВТИКО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ АНАЛИТИКА
УРБАНИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
КАК ПРАКТИКИ СУБЪЕКТИВАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ**

*Ромашенко Александр Александрович,
к.филос.н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Саратовского высшего артиллерийского командного училища
E-mail: romaschenko.al@gmail.com*

***Аннотация.** Статья осуществляет герменевтико-феноменологический анализ городского пространства как практики субъективации в рамках современного философского дискурса. Исследуется противоречие между модернизацией городской среды, создающей безопасное, но обезличенное пространство потребления, и экзистенциальной памятью, воплощенной в артефактах прошлого (руины, старинные вещи). Через концепции *Dasein* и события показывается, что город является ареной конфликта между «присутствием-как-потреблением», ведущим к фрагментации индивида, и «присутствием-как-событием-памяти», открывающим путь к целостности и подлинности бытия-в-мире.*

***Ключевые слова:** городское пространство; экзистенциальная форма памяти; модернизация; руина*

**A HERMENEUTIC-PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS OF URBAN
SPACE AS A PRACTICE OF SUBJECTIVATION IN
CONTEMPORARY PHILOSOPHICAL DISCOURSE**

*Alexander Romashchenko
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines,
Saratov Higher Artillery Command School*

***Abstract.** The article conducts a hermeneutic-phenomenological analysis of urban space as a practice of subjectivation within contemporary philosophi-*

cal discourse. It explores the contradiction between urban modernization, which creates a safe yet impersonal space of consumption, and existential memory, embodied in artifacts of the past (ruins, antique objects). Through the concepts of Dasein and event, the city is presented as an arena of conflict between «presence-as-consumption», leading to the fragmentation of the individual, and «presence-as-memory-event», which offers a path to the integrity and authenticity of Being-in-the-world.

Keywords: *urban space; existential form of memory; modernization; ruin*

Городская среда представляет собой продукт целенаправленной организации, изначально противопоставивший себя внешним и внутренним угрозам. К внешним угрозам относятся природные стихии, а к внутренним – собственная аффективная природа человека, его спонтанность и непредсказуемость.

Ответом на эти вызовы становится, с одной стороны, эстетизация пространства-поверхности, подчиняющая естественное начало нормам облагороженного и безопасного ландшафта, а с другой – внедрение системы дисциплинарных практик. Эти практики, включающие регламентацию перемещений, визуальные маркеры правил и всепроникающее видеонаблюдение, реализуют модель паноптического контроля. Примечательно, что организующая город власть в данном случае носит сугубо рациональный, внеэстетический характер, будучи имплицитно присутствующей в самих правилах, а не в персонифицированном образе. Результатом такой организации является формирование безопасного и функционального публичного пространства, однако платой за эту безопасность становится утрата индивидом экзистенциальной целостности. Городское пространство превращается в объект потребления, а сам человек, находясь в нем, подвергается фрагментации, расщепляясь на частного субъекта своих поступков и публичного актора, выполняющего предписанные роли.

В противовес этой тенденции к обезличиванию в городском пространстве сохраняется возможность экзистенциального самообнаружения человека через феномен личностной памяти. Носителями этой памяти выступают артефакты прошлого – старинные вещи, элементы исторической застройки, руины, – которые связаны с индивидуальными переживаниями, ностальгией и личной историей. Эти объекты принципиально не встраиваются в логику модернизации, поскольку их ценность лежит вне плоскости утилитарной функциональности и потребительского отношения. Как убедительно демонстрирует Жан Бодрийяр в «Системе вещей» [1], функциональная вещь (к которой можно отнести результат реконструирующего городского пространства усилий) существует исключительно в актуальном настоящем, исчерпываясь своим непосредственным применением. В противоположность ей, вещь мифологическая, старинная (имеющая историческое значение), существует в модусе перфективного императива [1, с. 85], то есть совершенного и завершенного времени. Она обладает не эффективностью, а завершенностью, отсылая своего обладателя к мифическим истокам, «рождению» и подлинности, тем самым конституируя целостность его бытия-в-мире. Такая вещь не может быть полноценно потреблена, даже будучи музейным экспонатом, поскольку ее подлинная событийность раскрывается только в контексте личного становления.

Особый статус в этом ряду занимает руина, анализ которой, вслед за Георгом Зиммелем [2], позволяет выявить парадоксальную природу экзистенциальной памяти. Руина представляет собой зримое свидетельство победы сил природы и времени над духом, воплощенным в архитектурной форме. Однако именно это разрушение, эта «ветхость» и наделяет руину ее уникальной эстетической привлекательностью. Время, запечатленное в руине, придает ей бодрийяровскую перфективность, делая прошлое наглядно присутствующим. Переживание руины – это событие, в котором человек обретает чувство целостности, объеди-

няющее прошлое и настоящее. Однако это событие возможно лишь при определенном модусе отношения к миру, который С. Лишаев определяет как «эстетику существования» [3]. Эта эстетика основана на созерцательном, не-утилитарном отношении к становящемуся присутствию, в котором стирается дистанция между наблюдателем и наблюдаемым. Она противостоит «эйдетической эстетике», подчиненной целеполаганию, функциональности и потреблению, которая является доминирующей в логике модернизированного города.

Таким образом, событийность человеческого присутствия в урбанизированной среде раскрывается в напряжении между двумя фундаментальными векторами. С одной стороны, это вектор модернизации, нацеленный на создание безопасного, эффективного и функционального пространства, который порождает фрагментированного индивида, включенного в отношения потребления. С другой стороны, это вектор экзистенциальной памяти, воплощенный в артефактах прошлого, который открывает путь к восстановлению личностной целостности и подлинности через не-утилитарное, событийное отношение к миру. Современный город, таким образом, предстает не просто как физическая локация, но как экзистенциальный ландшафт, где разыгрывается ключевой конфликт человеческого существования: конфликт между «присутствием-как-потреблением» и «присутствием-как-событием-памяти», между императивом функциональности и стремлением к подлинному бытию-в-мире.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. Москва: Рудомино, 2001. 220 с.
2. Зиммель Г. Руина // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. Москва: Юристъ, 1996. С. 226-233.
3. Лишаев С.А. Эстетика руин // Ежегодник по феноменологической философии. Москва: Издательский центр РГГУ, 2015. С. 87-114.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Савельева Елизавета Михайловна
студент направления «Социальная работа»
Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
E-mail: saveliewaliza@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс профессионализации специалистов по социальной работе как особый вид практической деятельности в современном обществе. Анализируются ключевые аспекты становления профессии социального работника, уделяя особое внимание критериям профессионализма и специфике профессионального образования.

Ключевые слова: социальная работа; профессионализация; профессиональная компетентность; высшее образование

FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF SOCIAL SERVICES SPECIALISTS

Elizaveta Savelieva,
Student of the Social Work Department,
Yuri Gagarin Saratov State Technical University, Russia, Saratov

Abstract. The article examines the process of professionalization of social work specialists as a special type of practical activity in modern society. The key aspects of the formation of the profession of a social worker are analyzed, with special attention paid to the criteria of professionalism and the specifics of professional education.

Keywords: social work; professionalization; professional competence; higher education

Профессионализация рассматривается как процесс становления работника профессионалом, в совершенстве владеющим навыками, знаниями, умениями, необходимыми для определённого вида деятельности. А. Флекснер рассуждал на тему «является ли социальная работа профессией?» [2], применяя различные критерии к понятию «профессия». По его мнению, любая профессия должна отвечать следующим требованиям и включать в себя: интеллектуальный характер деятельности; личную ответственность специалиста; научность – основополагающую характеристику профессии, способствующую ее развитию; целенаправленный характер; существование обучения данной профессии. Проводя аналогию между медициной и слесарным делом, Флекснер склонен полагать, что слесарь является ремесленником, нежели профессионалом, так как его труд опирается на жизненный опыт, а не на научные данные. Его труд более рутинный, монотонный и механический (работа производится с помощью специальных инструментов), не является интеллектуальным, деятельность осуществляется сугубо в личных целях для получения дохода. Хотя и в медицине используются инструменты для проведения операций, однако Флекснер утверждает, что врач – это профессия. Доказательными аргументами в этом случае являются научность, альтруизм, гуманность, помощь людям. Таким образом, врач – это социальная, благородная профессия, а слесарь – ремесленник, выполняющий работу ради собственной выгоды.

Значит ли это, что в современном мире человеческий труд может делиться на профессии и ремесло? «Мера всех наук» – это выражение, которое использовал советский и русский философ, академик АН СССР Иван Тимофеевич Фролов в своём труде «О человеке и гуманизме». По его мнению, наука должна быть направлена на человека, и человек – «мера всех наук» [6]. Является ли профессией «дворник», «ведущий», «продавец», «хореограф» и главное, «социальный работник»? Мой ответ: однозначно да. В глобальном смысле любая профессия направлена на благо человека,

на обеспечение его благополучия, медицина – на укрепление и поддержание здоровья; юриспруденция – на защиту прав человека; благоустройство – на поддержание комфортной окружающей среды и т. д. Есть ли в наше время настоящие альтруисты? Вряд ли, современные городские реалии не дают нам возможности в полной мере отдавать себя помощи людям безвозмездно. Да, люди гуманных профессий приходят в них по зову сердца, но не забывая о себе и своем материальном положении. Не все люди склонны к изучению сложных наук, научным открытиям, но они способны делать этот мир лучше так же профессионально, как и представители «научных» профессий.

А. Флекснер утверждает: «...профессионал должен быть ученым, интеллектуалом, но не менее важно, чтобы он применял свои знания на практике. Никакая профессия не может быть чисто академической, каждый специалист должен стремиться к практической реализации профессиональных целей» [2].

Профессиональная компетентность является неотъемлемой частью рабочего процесса, которая важна как для сотрудников, так и для организации в целом. Развитие компетенций сотрудников способствует их карьерному росту, повышает эффективность работы, помогает адаптироваться к новым реалиям современного общества, что в целом положительно сказывается на имидже профессии.

Уровень профессиональной компетентности специалиста социальной работы на сегодняшний день имеет особую актуальность. Специфика деятельности социальной сферы обязывает специалистов владеть знаниями в обширной области: начиная с организации системы социального обслуживания населения и соответствующего законодательства, заканчивая прикладными знаниями социологии, психологии и даже экономики. Исходя из того, что получателями социальных услуг являются люди разных категорий, в данной профессии сформировалось «идейное единство», в кото-

ром отражаются общие ценности и цели на пути к достижению поставленной задачи.

Высшее образование играет ключевую роль в управлении профессионализацией социальной работы, обеспечивая специалистов необходимыми знаниями, навыками и компетенциями для эффективного выполнения своих обязанностей. В условиях быстро меняющегося социального контекста и растущих требований к качеству социальных услуг, профессионализация социальной работы становится особенно актуальной.

Профессионализм начинается со специального образования, которое дает индивиду определенный набор знаний и навыков, необходимых для реализации практической деятельности. Практика социальной работы с одной стороны формируется в повседневном опыте специалистов, а с другой – в рамках административно-правовых регламентов [5] и специфики рынка социальных услуг. Наличие диплома служит подтверждением профессионального статуса и легитимирует профессионала как обладателя экспертного знания. Внедрение новых профессиональных норм, ролей и ценностей происходит посредством институтов профессионализации, т. е. социальными службами и образовательными учреждениями. Формируемые в стенах этих организаций профессиональные компетенции напрямую влияют на специфику оказания социальных услуг на практике, на то, каким образом оформится компетентное знание и профессиональный взгляд специалиста на социальные проблемы.

Высшее образование в контексте профессионализации представляется важнейшим стратегическим элементом, влияя на который, можно управлять становлением, развитием и статусом социальной работы в современном обществе. Учитывая, что вуз представляет собой социальную организацию с формальной структурой, процессы осуществления требуемых преобразований вполне поддаются контролю и необходимому управлению. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. об изменяющихся принципах

и понятиях социальной работы в современном обществе говорят: «Процессы, происходящие сегодня в социальной работе как академической дисциплине и профессиональной практике, свидетельствуют о том, что характер этой профессии в современном мире меняется. Из специфической деятельности с четкими границами между теорией и опытом, образованием и практикой, между ролями специалиста и клиента она эволюционирует в направлении признания равных, партнерских отношений преподавателя, специалиста и клиента, где практический опыт приобретает все больший вес наряду с академической подготовкой. Эти изменения, в частности, выражаются в замене термина «клиент» понятиями «пользователь услуг», «потребитель услуг», «участник», «член группы поддержки» [4].

Социологический подход к профессионализации (профессиональной стратификации) в теории П. Сорокина включает идеи о структуре профессиональных групп, мобильности и факторах, влияющих на профессионализацию. Учёный рассматривал профессию как индикатор элементарной группы, возникающей на основе одного признака, и анализировал роль профессий в дифференциации общества [1]. В рамках социологического подхода в процесс профессионализации включаются несколько ступеней роста организации труда:

- Повышение эффективности труда. С приобретением новых знаний и навыков специалист стремится работать эффективнее. Он допускает меньше ошибок, подходит к работе нестандартно, вследствие чего качество оказываемых услуг и количество клиентов организации растет.

- Рост вовлечённости и мотивации персонала. Сотрудники, которые видят перспективы роста в компании, более преданы своему делу и мотивированы работать на общий успех.

- Улучшение адаптации к изменениям. Обучение помогает работникам быть готовыми к любым ситуациям и использовать их как возможности для роста и развития в разных условиях.

- Снижение текучки кадров. Инвестиции в развитие персонала помогают не только сохранить квалифицированных специалистов, но и сэкономить на наборе и обучении новых.

- Привлечение новых кадров. Организация, в которой поощряется обучение, привлекает талантливых и амбициозных сотрудников.

- Укрепление репутации компании. Когда организация активно вкладывается в обучение персонала, это повышает доверие клиентов [1].

Т. Парсонс выделил характерные черты профессии: профессиональное образование; профессиональные умения и компетентность; институциональные механизмы, которые гарантируют, что данная компетентность и умения будут использованы социально значимым способом [3].

Функционалистский подход к профессионализации подчеркивает важность профессии как структурирующего элемента общества, а профессиональные группы, с этой точки зрения, являются не просто объединениями людей, занятых определенным видом деятельности, но и ключевыми институтами, обеспечивающими социальную стабильность и интеграцию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // П. Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. Москва: Политиздат, 1992. 543 с.

2. Флекснер А. Является ли социальная работа профессией? // Мера всех наук. 2012. № 2. С. 79-90.

3. Парсонс Т. Система современных обществ. Москва: Аспект-Пресс, 1998. 270 с.

4. Романов П.В., Ярская–Смирнова Е.Р. Три типа знания в социологии профессий // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе / под ред. В.А. Мансурова. Москва: Изд-во института социологии РАН, 2007. С. 12-32.

5. Сорокина Н.В. Трансформация практик социальной работы в контексте пандемических вызовов // Темпоральность социальной заботы: история, современность, перспективы: сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической онлайн конференции, Саратов, 24-25.09.2021. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2022. С. 340-346.

6. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. Работы разных лет. Москва: Политиздат, 1989. 559 с.

Научный руководитель: к. социол. н., доцент СГТУ имени Гагарина Ю.А. Сорокина Наталья Викторовна.

УДК 314.335.044

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ДЕТЕРМИНАНТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Саидов Евгений Сергеевич,
*студент направления «Демография» кафедры «Социология регионов»
Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
E-mail: ewgbibs@yandex.ru*

Аннотация. В рамках данной статьи были проанализированы изменения демографических мер, направленных на повышение рождаемости. Особое внимание в данной статье уделяется программе «материнского капитала» как основной доминанте реализуемой политики.

Ключевые слова: социальная политика; материнский капитал; рождаемость, демография

DEMOGRAPHIC POLICY IN MODERN RUSSIA: DETERMINANTS AND PROSPECTS

Evgeny Saidov,
*student of the direction «Demography», Department «Sociology of Regions»,
Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky*

***Abstract.** Within the framework of this article, changes in demographic measures aimed at increasing the birth rate were analyzed. Special attention in this article is paid to the «maternity capital» program as the main dominant of the implemented policy.*

***Keywords:** social policy; maternity capital; fertility; demography*

Рождаемость является одной из главных демографических проблем России начиная с 1990-х годов. После распада СССР мы пережили значительный спад рождаемости, что привело к явлению, называемым «Русский крест». Это означало резкий спад численности населения, увеличение доли числа пожилых граждан, неполных семей и сирот. Подобный процесс значительно ударил по эффективности мер в данной сфере которые предпринимало правительство СССР в 1980-е года. Подобный процесс нельзя было игнорировать, поэтому предпринимались различные меры по способствованию разрешения данной ситуации. Однако к окончательной и целостной политике по вопросам демографии мы пришли лишь в 2007 году, чётко определив направления, цели и сроки их реализации.

Итак, прежде чем анализировать актуальные меры, стоит обратиться к опыту последнего десятилетия существования Советского Союза, так как он во многом является основополагающим для нашей преемственной политики. К основным принятым мерам в тот период можно отнести «антиалкогольную кампанию», всесоюзную диспансеризацию населения, расширение сети детских садов и увеличение отпуска для матерей по уходу за ребёнком, особое внимание уделялось улучшению условий жизни детей-сирот [1, с. 100].

Во многом данная внутренняя политика хоть и являлась противоречивой, однако дала значительные результаты в вопросе уменьшения числа смертности. Она, безусловно, была нацелена на укрепление эко-

номики путём увеличения трудовых ресурсов и была адаптирована под специфические условия системы управления и культуры внутри государства.

Распад СССР является ключевым событием при анализе демографической ситуации, последствия которых мы пытаемся до сих пор исправить. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) начиная с 1990-х годов не поднимался выше двух, что означает естественную убыль населения. Подобная проблема коснулась и показателя ожидаемой продолжительности жизни, которые упали до 57.5 лет для мужчин и 71 года для женщин соответственно [2, с. 16].

Данный беспрецедентный кризис во многом был обусловлен комплексными и глубокими изменениями внутри государства, коснувшимися политического устройства, экономики, культуры.

Отдельно стоит обратить внимание именно на новую культуру и социальные отношения, возникшие под значительным давлением новых экономических условий.

Становится очевидной общая направленность людей на индивидуальные достижения, а главным показателем успеха стал уровень экономических благ, который во многом сформировал новую для наших граждан культуру потребления [3, с. 47]. Из-за подобных трансформаций стала более популярной идея «пожить для себя» и общее нежелание рожать детей из-за, например, неподходящих экономических условий в семье.

Подобные условия до середины 2000-х решались рядом мер, которые не были качественно согласованы, а сама стратегия в данной сфере носила скорее декларативный характер, не включая в себя конкретные инструменты и сроки решения поставленных задач.

Все изменилось после принятия в 2007 году новой концепции демографической политики. Она стала более структурированной, четко

определив цели, основные угрозы и риски [1, с. 103]. Так, в качестве угрозы национальной безопасности из-за демографического кризиса были обозначены угрозы потенциальной слабости армии, нехватки трудовых ресурсов, нагрузка на пенсионную среду и геополитический риск миграции. В качестве главной принятой меры принято считать программу «материнского капитала». Она предполагала систему выплат для женщин, родивших или усыновивших второго и последующих детей с 1 января 2007 года.

Первоначально это была сумма в 250 тыс. рублей, однако сейчас она может составлять 912 тыс., если первый ребёнок родился или усыновлён до 2020 года, а второй – в 2020 году и позже [4].

Помимо индексации и увеличения размера выплат, на неё действуют различные ограничения. Данную сумму можно использовать для приобретения жилья, образования, покупки товаров, услуг для детей-инвалидов и т. д.

Подобный перечень предполагает защиту федеральных средств и гарантию того, что данные деньги не будут участвовать в финансовых махинациях. Последнее становится особенно острым и находится под пристальным контролем органов правопорядка. Перечень же выплат и их условия значительно расширились после 2007 года и предполагают выплаты уже за первого и последующих детей.

Введение данной меры, безусловно, дало положительный эффект, так как после её введения рождаемость заметно начала расти. Ежегодный прирост составлял в среднем 60 тыс. человек, в 2013 году около 6% семей решились на второго ребёнка [5, с. 4].

Наиболее благоприятным периодом можно считать 2012-2015 годы, когда рождаемость достигла и превышала 1,9 млн детей в год. Во многом это связано с благоприятной экономической ситуацией и вхождением в репродуктивный возраст поколения, родившегося в период

1980-1990-х годов. Сейчас же, согласно прогнозам Росстата, СКР на 2026 год составит по среднему варианту 1,352 [6].

Подобные результаты говорят о том, что выбранная доминанта материнского капитала в текущей демографической стратегии показывает значительные результаты в условиях, актуальных для конца 2000-х и первой половины 2010-х.

Однако сейчас это раскрывает нам главную задачу для сегодняшней демографической политики, а именно адаптацию мер и улучшение текущей стратегии, которые будут соответствовать текущим потребностям в обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Илишева Н.К. Особенности демографической политики в России: история и современность // Вестник ЧелГУ. 2011. № 12. С. 99-105.

2. Политика по контролю кризисной смертности в России в переходный период / ред. В.М. Школьников, В.В. Червяков. Москва, 2000. С. 193.

3. Ильин В.И. Потребление как дискурс: учебное пособие. СПб.: Интерсоцис, 2008. 446 с.

4. Материнский капитал. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/maternal_capital (дата обращения: 20.10.2024).

5. Федченко В.М., Блохина И.М. Материнский капитал: история развития и современный этап // Экономика и социум. 2016. № 6-2. С. 5.

6. Федеральная служба государственной статистики. Демография. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.10.2024).

Научный руководитель: д. социол. н., профессор кафедры «Социология регионов» Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Никифоров Ярослав Александрович.

**ГИБРИДНЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ:
ПРОИЗВОДСТВО НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СУБЪЕКТНОСТИ ЧЕРЕЗ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ СЕТИ
МОЛОДЕЖНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ**

Сергиенко Олеся Юрьевна
*студент «Государственное и муниципальное управление»
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина –
филиал РАНХиГС, Россия, Саратов
E-mail: lesia.sergienko@gmail.com*

***Аннотация.** Статья предлагает ревизию традиционного понимания молодежного парламентаризма через призму теории акторно-сетевых взаимодействий (ANT). Межрегиональное взаимодействие молодежных парламентов конституирует не просто канал коммуникации, а гибридное пространство («трансрегиональный этос»), где производится новая форма социальной активности, характеризующаяся сетевым этосом и проектным типом рациональности. Эмпирической основой выступает компаративный анализ кейсов и дискурс-анализ медиа-репрезентаций.*

***Ключевые слова:** гибридный парламентаризм; акторно-сетевая теория (ANT), трансрегиональный этос; производство социальности; гетеротопия; политизация повседневности; сетевой капитал*

**SUBJECTIVITY THROUGH INTERREGIONAL
NETWORKS OF YOUTH PARLIAMENTS**

Olesya Sergienko,
*student of the Department of Public Administration
and Management, P.A. Stolypin
Volga Region Institute of Administration – branch RANEPА, Saratov, Russia*

***Abstract.** The article proposes a revision of the traditional understanding of youth parliamentarism through the lens of the theory of actor-network inter-*

actions (ANT). The interregional interaction of youth parliaments constitutes not just a communication channel, but a hybrid space («transregional ethos») where a new form of social activity is produced, characterized by a network ethos and a project-based type of rationality. The empirical basis is a comparative analysis of cases and a discourse analysis of media representations.

Keywords: *hybrid parliamentarism; actor-network theory (ANT); transregional ethos; production of sociality; heterotopia; politicization of everyday life; and network capital*

Традиционные подходы, описывающие межрегиональное взаимодействие молодежных парламентов (МП) в парадигме «обмена опытом», представляются достаточно исчерпывающими, о чем свидетельствует снижение исследовательской публикационной активности по данной проблематике за последние пять лет. Данное исследование – это попытка рассмотрения данного феномена не как его анализа в виде статичного «фактора», а изучить его в динамике его *производительного процесса*. Центральная гипотеза заключается в том, что в ходе этого взаимодействия конституируется «гибридная» политическая субъектность, способная преодолевать ограничения локальных институциональных ландшафтов. Цель работы – концептуализировать данное взаимодействие как форму «гетеротопии» (М. Фуко) – социального пространства, функционирующего по иным правилам, нежели окружающая среда, и производящего новые практики [6, с. 193].

В качестве методологического каркаса избрана акторно-сетевая теория (АНТ) [4, с. 17-46; 2, с. 137-158], позволяющая пересмотреть устоявшиеся конструкции в виде бинарных оппозиций: «структура-действие» и «человеческое-не-человеческое». В фокусе анализа – процесс *трансляции*, в ходе которого происходит переопределение интересов, целей и идентичностей участников, а также создание новых сущностей – от меж-

региональных стандартов до особой «сетевой субъектности» молодых парламентариев. Рассмотрение молодежного парламентаризма как межрегионального феномена, позволяет увидеть новые субъектно-объектные отношения в политике, возникающие в связи с распространением сетевых структур способных формировать новый корпоративный интерес [3, с. 64] и тем самым становится технологической основой, воспроизводящей новые ценности и смыслы.

Ключевые концепты АНТ были операционализированы следующим образом: анализ политического процесса, включающего стадии выявления актуальных проблем, интересующей «повестки», вовлечения и мобилизации, в результате чего разнородные участники коммуникационного процесса начинают действовать согласованно.

Цифровые платформы (Telegram-каналы, Trello, Zoom), внутренние регламенты и методические документы рассматриваются не как пассивные инструменты, а как полноправные силы, активно формирующие саму возможность, характер и интенсивность взаимодействия, диктующие скорость коммуникации и порождающие новые практики. А появление и активное использование технологии искусственного интеллекта способного самостоятельно действовать в какой-либо сфере, проявлять исследовательскую активность и принимать самостоятельные решения обуславливает необходимость учета его субъектности [3, с. 38], что еще больше расширяет нечеловеческие актанты ключевых концептов акторно-сетевой теории.

Межрегиональные мероприятия (например, форум «Парламентарии поколения Z») анализируются как «сборки», неразрывно связывающие лекции (дискурсы), неформальное общение, культурные коды и цифровые коммуникации в единое целое.

Для эмпирического наполнения этой рамки применялся комплекс качественных методов: digital-этнография в чатах и сообществах МП; глубинные биографические интервью для реконструкции траекторий станов-

ления «сетевой субъектности»; дискурс-анализ медиатекстов и внутренних документов для выявления конструируемых смыслов и ценностей («общая миссия», «единое пространство»).

Производство «трансрегионального этоса» как системы поведенческих норм, формирующихся в процессе межрегионального взаимодействия, происходит на основе трансформации идентичности: от локальной принадлежности к парламенту конкретного региона к формированию солидарной сетевой идентичности «продвинутых молодых парламентариев». Формируется новый стратификационный принцип, где символический капитал аккумулируется не через формальный статус, а через демонстрацию социальной активности, экспертной компетентности и способности к установлению сетевых связей. Параллельно производится корпус *неявного знания* (М. Полани) [5, с. 95-117] – общих когнитивных карт, профессионального жаргона и практических навыков, недоступных «аутсайдерам».

Частные, локальные проблемы (например, благоустройство парка в городе N) через механизм трансляции на межрегиональных площадках переосмысливаются и превращаются в тиражируемые кейсы (например, «общественное соучаствующее проектирование»). Этот процесс позволяет перевести стихийный протест в структурированный дискурс, насыщенный профессиональными терминами, и трансформировать бытовой конфликт в легитимное политическое требование, понятное органам власти разного уровня.

«Гибридный парламентаризм» порождает системные противоречия: «цифровой фетишизм» через подмену реального социального воздействия симулякрами цифровой активности (ритуализация онлайн-совещаний, ориентация на метрики охвата в соцсетях); производство «новой элиты» через формально открытые сетевые сообщества, воспроизводя механизмы символического исключения на основе нефор-

мальных критериев («недостаточно проактивный», «не в тренде»), что приводит к элитизации и закрытости. Это порождает конфликт легитимностей в виде противоречия между легитимностью «сверху» (от учредителя-органа власти, основанной на соблюдении регламентов) и легитимностью «изнутри» (от сетевого сообщества, основанной на признании и соответствии нормам трансрегионального этоса).

В рамках проведенного анализа феномен межрегионального взаимодействия МП интерпретируется диалектически. С одной стороны, в хабермасианской перспективе эти пространства можно рассматривать как возникающие «публичные сферы», где возможна эмансипаторная коммуникация, направленная на выработку общего блага [7, с. 52-58]. С другой стороны, фукианский анализ раскрывает эти же пространства как «гетеротопии» – поля производства «власти-знания», где формируются дисциплинарные практики и техники управления собой. Синтез двух подходов позволяет определить «гибридный парламентаризм» как амбивалентное пространство, производящее не просто «активного молодого человека», а *рефлексирующего сетевого субъекта*, обладающего компетенцией навигации между коммуникативной рациональностью и механизмами власти.

Таким образом, можно сделать вывод, что межрегиональное взаимодействие МП представляет собой не просто инструмент повышения социальной активности, а *сложный социотехнический аппарат по производству новой политической субъектности*, характеризующейся гибкостью, сетцентричностью, проектным мышлением и рефлексивностью. Использование научного инструментария «гибридного парламентаризма», демонстрации эвристической ценности АНТ для анализа молодежных политических институтов позволяет выявлять двойственные эффекты производимой ими социальной реальности, сочетающей человеческий потенциал участников коммуникационного взаимодействия и дисциплинарные механизмы, побуждающие к коллективному действию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Брянцева О.В., Брянцев И.И. Проблема субъектности искусственного интеллекта в системе общественных отношений // Вестник Поволжского института управления. 2023. Т. 23. № 3. С. 37-50.

2. Денисова Г.С., Полонская И.Н., Сусименко Е.В. Акторно-сетевая теория: инновационные аспекты социологической методологии // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 137-158. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.797).

3. Сетевые структуры третьего сектора в системе взаимодействия власти и гражданского общества: монография / А.Г. Заббаров, О.Н. Фомин, М.В. Мамонов, И.И. Брянцев. Саратов, 2009. 176 с.

4. Латур Б. Пересобирая социальное: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. под ред. С. Гавриленко. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

5. Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии: пер. с англ. / под ред. В.А. Лекторского и В.И. Аршинова. Москва: Прогресс, 1985. 344 с.

6. Фуко М. О других пространствах // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. Москва: Праксис, 2002. С. 191-204.

7. Хабермас Ю. Структурное преобразование публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / пер. с нем. под ред. Д.В. Ефременко. Москва: Весь Мир, 2016. 344 с.

Научный руководитель: к. социол. н., доцент, доцент Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС, Россия, Саратов, Брянцев Иван Иванович.

**ЦЕННОСТНО-ВРЕМЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
ОБЩЕСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ К ДЕТЯМ С РАС
(НА ПРИМЕРЕ Г. САРАТОВА)**

Склярова Татьяна Валентиновна,
*к. социол. н., доцент кафедры «Политология и социология»
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
социолог ГУЗ «Саратовский областной центр общественного
здоровья и медицинской профилактики», Россия, Саратов
E-mail: skliarovatv@gmail.com*

Натарова Александра Ивановна,
*студент направления «Социальная работа»
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
E-mail: natarovaleksandra1204@gmail.com*

***Аннотация.** Статья посвящена анализу трансформации отношения социума к детям с расстройствами аутистического спектра. Авторы, опираясь на различные источники информации, предприняли попытку изучить темпоральные изменения ценностных установок в обществе в вопросах социализации и реабилитации детей с расстройствами аутистического спектра.*

***Ключевые слова:** расстройство аутистического спектра; толерантность; общественное отношение; социальная реабилитация*

**VALUE-TIME TRANSFORMATION OF PUBLIC ATTITUDE
TO CHILDREN WITH ASD (ON THE EXAMPLE OF SARATOV)**

Tatiana Skliarova,
*PhD (Social Sciences), Associate Professor,
Department of Political Science and Sociology,
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
Sociologist of State Health Institution
«Saratov Regional Center public health and
medical prevention», Russia, Saratov*

Aleksandra Natarova,
student of the «Social Work» direction, Yuri Gagarin State
Technical University of Saratov, Russia, Saratov

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of the transformation of society's attitude to children with autism spectrum disorders. The authors, relying on various sources of information, made an attempt to study temporal changes in values in society in matters of socialisation and rehabilitation of children with autism spectrum disorders.*

***Keywords:** Autism spectrum disorder; tolerance; public attitude; social rehabilitation*

В настоящее время расстройство аутистического спектра (далее – РАС), несмотря на включенность в МКБ-11, классифицируется не как тип заболевания, а как тип психической аномалии. Исследованиям такого состояния человека посвящено достаточное количество работ в медицине, психологии, социологии, педагогике [1, 3, 6]. Известно, что для данного расстройства характерны нарушения в работе и формировании нейронных связей. В результате чего у ребенка потеряны способность формировать новые нейронные пути, возникающие при осваивании нового и получении опыта.

В силу восприимчивости ребенка с РАС к множеству окружающих его факторов – звуки, свет, движения – появляется хронический стресс, который деструктивно влияет на когнитивные функции мозга. В целом подобное расстройство влияет на работу всех функциональных систем организма ребенка, а в частности речь идет о сбое в системе коммуникаций [1]. Ребенок с РАС теряет связь с окружением и выполняет действия скорее рефлекторно, инстинктивно, нежели социально.

К сожалению, расстройство такого типа связано с врожденной особенностью развития нейронных связей, при которых мозг развивается по атипичной траектории.

Нарушения возникают в самом раннем возрасте и способствуют даже изменениям в размерах участков коры головного мозга, височной коры и миндалевидного тела [6]. Ближе к подростковому возрасту у детей с РАС проявляется нейродегенерация (процесс отмирания нейронов), что негативно влияет на работу когнитивных, силовых и моторных функций, а также снижается чувствительность и восприимчивость, несмотря на характерную для детей с РАС сензитивность (повышенную чувствительность).

В силу вышеназванных факторов реабилитационная работа с ребенком с РАС имеет сохраняющую направленность, основанную на закреплении и, при возможности, развитии навыков и умений [4, 7].

Постоянное формирование навыков и умения необходимо для планомерного включения ребенка с подобным расстройством в социальную среду, так как это способствует налаживанию его взаимодействия с окружающим миром и, как следствие, более гармоничному функционированию в обществе.

Теоретическая база статьи основана на научных трудах и теориях ведущих социологов, что позволило объяснить как особенности процессов социализации и адаптации детей с РАС, так и восприятие этого диагноза в общественном сознании.

Теория стигматизации девиантного поведения Г. Беккера, позволила описать структуру и систематику формирования отклоняющегося поведения детей с РАС, а так же интерпретировать его оценки обществом [2]. Принцип формирования стигмы накладыванием ярлыков (И. Гофман) раскрыла причины стереотипизации. Концепция социальной идентичности А. Шюца помогла проиллюстрировать понимание смыслов, которые люди передают действиям и восприятия социальной реальности. Теория социального действия М. Вебера рассматривалась в ключе взаимодействия членов общества с детьми с РАС. Концепция ситуационной этики Дж. Флетчера позволила проанализировать формирование норм поведения и его проявлений в зависимости от факторов окружения.

В статье предпринята попытка предложить ряд инструментов, помогающих в изменении современного общественного отношения к детям с РАС, а также формирующих толерантное восприятие детей с расстройством аутистического спектра.

Так, в ходе исследования мы основывались на суждении о том, что современное общество демонстрирует значительную терпимость и готовность взаимодействовать с детьми с РАС. Это объясняется доступностью широкого спектра информации о проблемах детей и семей с РАС в обществе (профессиональные сайты психологов, медиков, общественных организаций и др.) [10]. Подобная ситуация приводит к благоприятным изменениям в общественном мнении и положительно влияет на процесс реабилитации и интеграции детей с расстройством аутистического спектра.

Для подтверждения гипотезы в качестве маркера было использовано исследование особенностей социального окружения детей с аутизмом, проведенное и опубликованное в 2010-х годах в журнале «Аутизм и нарушения развития» [5].

Исследователями было зафиксировано, что в обществе (на тот момент) наиболее распространенной реакцией на ребенка с РАС являлась стигматизация и дискриминация. Это выражалось тем, что восприятие человеком ребенка с РАС носило сравнительный характер – «он хуже, чем я». Семья, воспитывающая ребенка с нарушениями, не имела достаточной поддержки, что, по мнению авторов исследования, было связано с недостаточной информированностью общества об этой проблеме [8]. Кроме того, было отмечено пассивное поведение самих родителей: *зачастую они не пытаются объяснить окружающим, что с ребенком, а молча уходят* [5]. В целом было установлено, что отсутствие в обществе адекватной информации о данном заболевании сказывается на формировании мнения о детях с РАС. Зачастую негативные стереотипы и представления складывались на основе домыслов и/или вопросов, на которые не был получен ответ.

Проводился также авторский социологический опрос среди людей молодого возраста (N=138, из них 126 женщин в возрасте от 18 до 29 лет и 12 мужчин в возрасте от 18 до 29 лет), живущих и обучающихся в вузах города Саратова, использовались вопросы открытого и закрытого типов. Это позволило сформировать более полную картину проблемы исследования. В ходе исследования были использованы статистические материалы и вторичный анализ данных. При разработке инструментария предполагалось, что целевую аудиторию составит респондентская группа, не имеющая непосредственного отношения к проблеме (не имеющая знания относительно клинических, нейропсихологических и прочих аспектов нарушения у детей с расстройством).

Ключевым направлением в формулировке вопросов являлись социальные и интерактивные аспекты, позволяющие оценить уровень лояльности и отношение выбранной группы общества к детям с расстройством аутистического спектра. Из 138 респондентов о самом расстройстве «имели представление» больше половины – 58,7 % опрошенных респондентов, из которых 28,3 % четко понимают симптоматику диагноза; остальные 13 % ранее не слышали о подобном расстройстве. В связи с этим оценивалось отношение респондентов к целесообразности отнесения детей с РАС к категории «инвалид». Так, более 1/2 респондентов (54,3 %) уверены, что данный статус должен быть априори присвоен ребенку с РАС; 43,5 % считают, что статус должен быть подтвержден только в случае признания ребенка полностью недееспособным, а 2,2 % респондентов выступают против установления ребенку с РАС статуса «инвалид». Оценивая степень лояльности респондентов к информации о РАС, ее количестве, качестве и местах появления, было установлено, что 67,4 % респондентов относятся к этому «с пониманием»; 23,9 % респондентов воспринимают информирование позитивно и считают, что данную тему освещать необходимо; 8,0 % респондентов высказали негативное отношение. Опрос показал, что подавляющее большинство опрошенных ре-

спондентов (93,5 %) уверены, что ребенок с подобным расстройством – это часть общества и его не нужно скрывать или изолировать. Это говорит о повышении лояльности и толерантности в отношении детей с РАС у современной молодежи.

Результаты исследования показали, что общественные настроения и отношение общества к детям с РАС активно меняется. Эти изменения носят социальный характер. Основным фактором, оказывающим влияние на подобные изменения, является «легализация проблем РАС» в публичном (в том числе медиа) пространстве, что способствует просвещению населения и нормализации жизни «особенного» человека [9]. Кроме того, важно отметить роль государства в данном вопросе.

На данный момент государственные структуры активно следят за положением семей с детьми с ОВЗ и развивают необходимые для помощи и поддержки каналы. Активно включены в процесс реабилитации и адаптации некоммерческие организации и благотворительные фонды, иницирующие и проводящие различные мероприятия (форумы, конференции, семинары, школы, круглые столы), направленные на реабилитацию и адаптацию детей с РАС в обществе. Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день в обществе активно формируются необходимые для адаптации и реабилитации детей с расстройством аутистического спектра структуры и условия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аппе Ф. Введение в психологическую теорию аутизма. Москва: Теревинф, 2006. 217 с.
2. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. Москва: Элементарные формы, 2018. 273 с.
3. Гилберг К., Питерс Т. Аутизм: медицинские педагогические аспекты. СПб.: ИСПиЦ, 1998. 124 с.

4. Грей К. Социальные Истории: Инновационная методика для развития социальной компетентности у детей с аутизмом. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2018. 432 с.

5. Керре Н.О. Особенности социального окружения детей с аутизмом // Аутизм и нарушения развития, 2010. С. 13-20.

6. Мэш Э. Детская патопсихология. Нарушения психики ребёнка. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОзнак, 2003. 249 с.

7. Дети и подростки с аутизмом. Психологическое сопровождение / О.С. Никольская, Е.Р. Баенская, М.М. Либлинг, И.А. Костин, М.Ю. Веденина, А.В. Аршатский, О.С. Аршатская. Москва: Теревинф, 2005. 220 с.

8. Селигман М. Обычные семьи, особые дети. Москва: Теревинф, 2007. 34 с.

9. Уполномоченные по правам ребенка в субъектах Российской Федерации. URL: <https://deti.gov.ru/Press-Centr/news/853?ysclid=mi5q2bah7u85369124> (дата обращения: 16.10.2025)

10. Федеральный ресурсный центр по организации комплексного сопровождения детей с расстройствами аутистического спектра МГППУ. URL: <https://autismfrc.ru/?ysclid=mi5qidyx5p351617826> (дата обращения: 16.10.2025).

УДК 316.334.56

СОЦИАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ В РЕАЛИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

*Сорокина Александра Павловна,
магистрант направления «Социология»
Саратовского государственного
технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
E-mail: mlnkv-vrr@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию муниципальных программ развития малых городов в приграничных регионах с аспектом на

социальные барьеры возникающие на пути их реализации. Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей ролью малых городов в социально-экономическом развитии регионов и страны в целом. Цель исследования – анализ ключевых социально-обусловленных препятствий, вызванных территориальной уязвимостью и ведущих к снижению эффективности программно-целевого планирования.

Ключевые слова: *малый город; приграничный регион; муниципальная программа; социальный барьер*

SOCIAL BARRIERS IN THE IMPLEMENTATION OF MUNICIPAL DEVELOPMENT PROGRAMS FOR SMALL CITIES IN BORDER REGIONS

*Alexandra Sorokina,
Master's student in Sociology
Yuri Gagarin Saratov State
Technical University, Saratov, Russia*

Abstract. *The article is devoted to the study of municipal programs for the development of small towns in border regions with an aspect on the social barriers that arise in the way of their implementation. The relevance of the research topic is due to the increasing role of small towns in the socio-economic development of regions and the country as a whole. The purpose of the study is to analyze the key socially determined obstacles caused by territorial vulnerability and leading to a decrease in the effectiveness of program-oriented planning.*

Keywords: *small town; border region; municipal program; social barrier*

Сегодня, в эпоху глобализации и интеграции, развитие малых городов в приграничных регионах становится особенно актуальным, поскольку их геополитическое положение формирует уникальную социально-экономическую среду, существенно отличающуюся от условий развития других муниципальных образований [4, с. 54]. В таких услови-

ях традиционные механизмы муниципального управления требуют значительной адаптации.

Под «малыми городами приграничных регионов» в данном исследовании понимаются муниципальные образования с численностью населения до 50 тыс. человек, расположенные в непосредственной близости к государственной границе. Анализ текущей ситуации показывает, что основные проблемы возникают уже на стадии стратегического планирования, которое значительно отстает от требований времени [2, с. 58]. Связано это прежде всего с социальными барьерами, влияющими на эффективность реализации муниципальных программ развития приграничных территорий.

Социальные барьеры представляют собой препятствия, возникающие на уровне общества, институтов и межличностных отношений и мешающие реализации структурных изменений и внедрению новых идей. В контексте малых городов приграничных регионов одним из основных социальных барьеров можно выделить **низкий уровень коммуникационных процессов**. Для малых городов характерно ослабление горизонтальных связей и зависимость от формальных каналов информации, что часто приводит к монологу власти. В свою очередь, неполное включение граждан в процессы принятия решений приводит к несоответствию целей программ и реальных потребностей населения.

Другим не менее значимым социальным барьером является **дефицит высококвалифицированных специалистов**. Причиной этому служит постоянный отток населения, в том числе и молодого. При этом даже наличие формально компетентных кадров не гарантирует успеха, т. к. зачастую их компетенции не соответствуют специфике локальной реальности.

И наконец, еще одним социальным барьером является **социокультурная и социально-экономическая дифференциация**. Особую роль

в приграничных регионах играют культурные и исторические факторы, напрямую определяющие отношение к инициированным программам, и зачастую вызывающие сопротивление изменениям, воспринимающимся как угроза самобытности и коренным традициям. Кроме этого, социальное и экономическое неравенство среди жителей оказывает значительное влияние на степень вовлеченности различных групп населения преследующих получение пользы от реализации муниципальных программ.

Помимо общих для большинства малых городов проблем, таких как: отток населения, падение естественного прироста, увеличение расходов на содержание инфраструктуры, низкая транспортная доступность и пр., «приграничье» сталкивается с дополнительными вызовами [5, с. 545]. Их особая геополитическая ситуация диктует необходимость проведения гибкой системы реализации муниципального управления с учетом особенностей каждого приграничного муниципального образования, полностью исключая универсальность подхода к проведению программно-целевого планирования. Таким образом, для успешной реализации муниципальных программ необходимо разрабатывать и внедрять механизмы, которые будут способствовать преодолению социальных барьеров. Важные шаги включают:

1. *Улучшение коммуникационных процессов.* Организация диалоговых площадок может стать основой активного и прозрачного информирования населения о целях и задачах муниципальных программ, а разработка цифровых платформ для диалога позволит населению участвовать в обсуждении муниципальных программ и получать обратную связь в условиях географической изоляции.

2. *Решение кадровых проблем.* Один из путей решения – организация системы наставничества: передача знаний от более опытных сотрудников новичкам ускорит адаптацию и поможет сохранить «память места» – те не-

гласные правила и практики, которые делают город уникальным. В то же время, необходимо наладить систему целевого обучения, чтобы дополнительно мотивировать выпускников возвращаться после обучения в родной город.

3. *Снижение социально-экономической дифференциации.* Для преодоления этого социального барьера необходима модель соучаствующего проектирования. Её суть заключается не в информировании об уже готовых решениях, а в совместном поиске ответов, с участием не только формальных лидеров, но и хранителей местной идентичности: краеведов, старейшин, мастеров народных промыслов. Таким образом, будет соблюдена и система социальной справедливости, подразумевающая адресность и дифференциацию поддержки.

Социальные барьеры в реализации муниципальных программ развития малых городов приграничных регионов представляют собой сложный и многоуровневый феномен, вызванный спецификой приграничного положения. Их преодоление требует комплексного подхода, включающего улучшение коммуникационных процессов, решение кадровых проблем и снижение социально-экономической дифференциации.

Преодоление существующих социальных барьеров откроет новые возможности и позволит достичь значительных результатов в улучшении качества жизни граждан территориально и экономически уязвимых муниципальных образований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.

2. Евсеева С.А. Развитие малых и средних городов: проблемы и инновационные пути решения // Управленческий учет. 2023. № 7. С. 58-65.

3. Бойко Н.А. Оценка эффективности муниципальных целевых программ // Colloquium-Journal. 2019. № 13-6 (37). С. 141-142.

4. Сорокина А.П. От малых городов к большим возможностям: особенности реализации муниципальных программ развития малых городов в приграничных регионах / А.П. Сорокина // Публичное управление в России: новые импульсы, векторы, возможности: сборник научных трудов IX Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 26-28 февраля 2025 года. Саратов: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2025. С. 54-58.

5. Ардольянова А.Ю., Бизюков П.В., Браславский Р.Г. Малые города в социальном пространстве России. Москва: ФНИСЦ РАН, 2019. 545 с.

Научный руководитель: к. социол. н., доцент, доцент кафедры «Политология и социология» Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А. Склярова Татьяна Валентиновна.

УДК 316.7

ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Сорокина Наталья Викторовна,
к. социол. н., доцент,
доцент кафедры «Политология и социология»,
директор Научно-образовательного регионального центра
мониторинговых исследований Саратовского государственного
технического университета имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
E-mail: sorokinanv@sstu.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению практического опыта социальной работы. Эмпирическая база основана на материалах

качественного опроса специалистов социальных учреждений. На основе анализа полученных данных определено, каким образом социальные переменные отражаются на содержании и идеологии профессиональной деятельности специалистов.

Ключевые слова: *социальная работа; практический опыт; социальные изменения*

SOCIAL WORK PRACTICE IN THE CONTEXT OF SOCIAL CHANGE

*Natalya Sorokina,
PhD in Sociology, Associate Professor, Department
of Political Science and Sociology, Director of the Scientific
and Educational Regional Center for Monitoring Research,
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov*

Abstract. *The article is devoted to the consideration of practical experience of social work. The empirical base is based on the materials of a qualitative survey of specialists of social institutions. Based on the analysis of the data obtained, it is determined how social changes affect the content and ideology of professional activity of specialists.*

Keywords: *social work; practical experience; social changes*

Социальные работники вынуждены адаптироваться к новым запросам в контексте происходящих социальных изменений, обладающих травматогенным характером [4], испытывая на себе новые профессиональные риски. По мнению П. Штомпки травматические социальные изменения обладают рядом существенных признаков: они происходят внезапно и протекают за короткое время; одновременно затрагивают многие сферы общественной жизни, а также групповые ценностные убеждения и правила. Травматический эффект таких изменений может иметь как негативные, так и позитивные последствия. Мы фокусируемся на следствиях подобных изменений, выражающихся в формировании практик социальной работы.

Статья базируется на анализе материалов постструктурированных интервью с социальными работниками (N=6, г. Саратов, 2025 г.), нацеленными на выявление того, каким образом социальные перемены отражаются на содержании и идеологии профессиональной деятельности специалистов. Социальные изменения связываются с прогрессом, который предполагает направленность процесса и наличие изменений, которые «ведут к формированию иного, нового состояния общества» [4] с эффектом приближения к его «идеальному состоянию». Пространство и время профессионального опыта упорядочивается, воплощаясь в социальной реальности, которая понимается как «взаимосвязь между микромиром человеческого опыта, межличностных отношений и интерпретаций субъективных смыслов, с одной стороны, и миром социальных фактов, воплощенных в социальных условиях и институтах, в которых протекает повседневная деятельность помогающих специалистов» [5].

К наиболее значимым недавним общественным изменениям, повлиявшим на содержание и организационные рамки труда, специалисты относят пандемию коронавирусной инфекции и начало СВО. Анализируя опыт пережитых пандемических вызовов [2], специалисты отмечают, что *«сейчас стало гораздо спокойнее, люди более стали эмоционально уравновешены»* (СР, И 2). В постпандемийный период закрепился формат обслуживания пожилых клиентов «до двери»: *«единственное вот изменение после ковида, сейчас же продолжают ковиды, различные инфекции, то есть если человек серьезно болен, то мы приносим продукты до двери, то есть я уже туда не прохожу»* (СР, И 1).

Индивидуальные переживания общественных кризисов сопровождаются страхом и тревогой: *«когда СВО началось, у нас бабушки же все пенсионного возраста, уже старенькие, естественно, у них переживания, морально им очень тяжело было, они беспокоились, посмотрят телевизор, что там говорят, и начинают переживать»* (СР, И 2). Кризис,

воспринимаемый как длительная хроническая ситуация, по-разному отражается на положении отдельных индивидов или групп, а способность «адаптации к трудным ситуациям, возможность справиться с возникающими проблемами и угрозами» [4] зависят от их финансового, социального и культурного капитала. Клиенты социальных служб находятся в уязвимом положении, ограничены в ресурсах и поэтому им сложнее адаптироваться к переменам. Например, изменения сопровождаются ухудшением финансовой ситуации, которая *«вот сейчас, после СВО она изменилась у всех <...> цены растут еженедельно, то есть очень заметно и для пожилых людей, и для нас, работников, что цена увеличивается, зарплаты, к сожалению, нет»* (СР, И 6). Социальная работа приобретает здесь особое значение в аспекте преодоления неблагополучия.

В среднем социальный работник обслуживает 8-12 человек. На фоне сложностей взаимодействия с представителями уязвимых групп (малоимущих, маломобильных, пожилых, зависимых, людей с инвалидностью), высокой загруженности, эмоциональности и бюрократизированности труда, специалисты, реализующие патронаж подопечных, отмечают такое выгодное условие своей работы, как гибкость графика и возможность влиять на режим своей работы: *«для меня в первую очередь значит это рациональное использование моего времени, да, то есть чтобы оказать как можно больше помощи нуждающимся <...> нужно распределять время так, чтобы у меня оставалось время ещё и на отдых, но для этого как бы я сама уже распределяю свой рабочий день»* (СР, И 2).

К закрепившимся практикам можно отнести применение онлайн-технологий для упрощения взаимодействия с коллегами и клиентами: *«существуют соцсети, по которым мы общаемся, через которые мы обмениваемся информацией со своими коллегами»* (СР, И 2). В цифровой среде происходит получение новых знаний на онлайн-платформах, прием запросов от подопечных в мессенджерах с последующим оформлением заказов

продуктов или медикаментов, онлайн-оплата коммунальных услуг, помощь специалистов в освоении смартфонов и др. гаджетов клиентами для применения в их обыденной жизни. Однако такой формат взаимодействия не закрывает потребность клиентов в живом общении, к примеру, для пожилых *«единственная радость, что придет человек живой пообщаться»* (СР, И 1). Несмотря на развитие цифровизации государственные социальные учреждения не инициируют внедрение цифровых сервисов для оптимизации труда (сдачи отчетности и т. п.). Наблюдается лишь низовая инициатива социальных работников по применению цифровых сервисов, применяемых людьми в своей повседневной жизни.

Особенность социальной работы заключается в высокой частоте контактов с людьми. В этом аспекте подчеркивается значимость человеческих качеств и характера межличностного общения: *«у нас хорошее отношение между коллегами. Я хочу сказать, что в этой сфере плохие люди не работают. Те, кто пришли и не могут справиться с этой работой, они буквально через месяц-два уходят. Остаются только те люди, которые работают очень долго в этой профессии, потому что эмоционально очень тяжело»* (СР, И 1). Таким образом, подчеркивается первостепенность практического опыта специалистов, профессионального знания, которое *«сугубо практическое, локально укорененное, локально вырабатываемое и локально передаваемое»* [1]. Так по договоренности разрешают ситуации со «сложными» клиентами: *если «сложный какой-то клиент. Каждый месяц обслуживает его разный социальный работник»* (СР, И 3). Работники отмечают устоявшуюся в коллективе практику взаимопомощи и поддержки.

В качестве организационной поддержки специалисты воспринимают такие меры, как ежегодное медицинское обследование и выдача сумок-тележек для транспортировки товаров, доставляемых подопечным: *«организация постоянно меня поддерживает. То есть вот, например, мы про-*

ходим ежегодно медицинское обследование. То есть моя организация следит за тем, чтобы соучастники были здоровыми (СР, И 5). Однако данные меры можно отнести к базовым минимальным способам поддержки, при том, что социальные работники отмечают тяжесть эмоциональной и физической стороны своего труда, а, значит, нуждаются в организационной поддержке по работе со стрессом и профессиональным выгоранием.

Из рассказов специалистов становится понятно, что ответственность за эмоциональное выгорание социальные работники привыкли брать на себя. В качестве самопомощи могут выбираться такие способы, как прослушивание музыки, занятия спортом, просмотр фильмов, прогулки, которыми *«каждый раз ты себя наполняешь и идёшь снова»* (СР, И 4). Данные обстоятельства указывают на назревшую необходимость изменений управленческих организационных механизмов, поскольку ответственность за профессиональное выгорание традиционно перекладывается на работников, тогда как роль организации и административные факторы остаются недооцененными [3], что свидетельствует о недостаточной эффективности современного социального менеджмента.

К современным востребованным практикам социальной работы относятся проектная деятельность, проведение патриотических мероприятий, организация сборов пожертвований, гуманитарной помощи и координация волонтерской деятельности.

В связи с началом СВО *«у нас есть мероприятия, которые именно направлены на вот эту работу именно патриотическую <...> сами ведём такую работу просветительскую, именно у нас это заложено, как бы, в планах <...> мы уже второй год занимаемся гуманитарной помощью»* (СР, И3). Так специалисты курируют проекты по созданию (изготовлению свечей и шитью госпитальных подушек, написанию писем для бойцов) и отправке гуманитарной помощи на фронт. Таким образом, социальные работники влияют на рост и развитие сети добровольцев, социальных движений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Профессиональная культура работников социальных служб: социально-антропологическое исследование / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой. Москва: ООО «Вариант», 2015. 270 с.
2. Сорокина Н.В. Профессиональная деятельность специалистов социальной сферы в условиях неопределенности // Социодинамика. 2023. № 11. С. 15151-162.
3. Суркова И.Ю., Андрющенко О.В., Сорокина Н.В. Профессиональное выгорание сотрудников социальных служб: организационные предикторы в условиях кризиса // Журнал исследований социальной политики, 2024. Т. 22. № 3. С. 449-462.
4. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С.М. Червонной. Москва: Логос, 2005. 664 с.
5. Ярская–Смирнова Е.Р., Ярская–Смирнова В.Н. Жизненный мир помогающей профессии в период пандемии: переосмысление символических границ // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 112-122.

УДК 316

ЭКОНОМИКА ЗДОРОВЬЯ И МЕГАПОЛИСЫ

Сударев Михаил Михайлович

*аспирант кафедры социологии и медиакоммуникаций, Российский государственный университет социальных технологий, Россия, Москва
killcoll12@yandex.ru*

Аннотация. *Статья акцентирует актуальность вопросов экономики здоровья и способов достижения более благополучных показателей в условиях глобального урбанизма. Раскрыта роль сохранения здоровья горожан в аспекте повышения показателей экономического благополучия урбанизированной среды.*

Ключевые слова: *город; экономика здоровья; общественное здоровье*

HEALTH ECONOMICS AND MEGACITIES

*Mikhail Sudarev,
Postgraduate Student, Department of Sociology
and Media Communications, Russian State University
of Social Technologies, Russia, Moscow*

***Abstract.** This article highlights the relevance of health economics and ways to achieve better outcomes in the context of global urbanism. It explores the role of maintaining the health of city residents in improving the economic well-being of urban environments.*

***Keywords:** city; health economics; public health*

Экономика здоровья (health economics) сформировалась как самостоятельная прикладная дисциплина в последней четверти XX века на стыке экономики, медицины и социологии. Ее методологической основой стала теория человеческого капитала Беккера, в рамках которой здоровье рассматривается не как потребляемое благо, а как ценный актив. В данной концепции «капитал здоровья» накапливается, амортизируется и требует инвестиций для своего поддержания и восстановления [1, с. 152].

Противоречивая роль мегаполиса заключается в том, что, с одной стороны, он предоставляет доступ к высококвалифицированной медицинской помощи, образованию и возможностям для самореализации, а с другой – сам генерирует комплекс факторов, подрывающих здоровье. Высокий темп жизни, хронический стресс, гиподинамия, нерациональное питание («фастфуд-культура»), социальное неравенство и атомизация общества формируют специфический «синдром большого города», проявляющийся в росте нервно-психических, сердечно-сосудистых заболеваний и аддиктивных расстройств [2, с. 10].

Экономический ущерб от преждевременной смертности, обусловленной загрязнением атмосферного воздуха, исчисляется триллионами долларов и достигает 11 % ВВП в таких быстрорастущих странах, как Китай. В России,

несмотря на менее интенсивный рост, сохраняется высокий уровень загрязнения в промышленных центрах, что негативно сказывается на здоровье населения и качестве жизни [3, с. 457].

В этих условиях здоровье населения перестает быть исключительно медицинской категорией и превращается в ключевой экономический ресурс и показатель эффективности городского управления. Формируется понимание, что устойчивое социально-экономическое развитие невозможно без инвестиций в человеческий капитал, основу которого составляет здоровье.

Согласно исследованиям, высокая трудовая занятость и потребительская активность горожан, особенно женщин, приводят к тому, что ценности здоровья и материнства отходят на второй план, что создает серьезные демографические и социальные риски для будущего развития. Городская среда с ее ускоренным ритмом, обилием стресса и нарушением естественных биоритмов становится катализатором роста невротических и психосоматических расстройств, которые часто маскируются под усталость или общее недомогание. Подобная тенденция свидетельствует о том, что экономический успех города, измеряемый традиционными показателями, может достигаться ценой истощения главного ресурса – здоровья его жителей.

В ответ на эти вызовы формируется новая философия городского развития, где понятие эффективности кардинально пересматривается. Эффективным считается уже не тот город, который быстрее растет финансово, а тот, который обеспечивает максимальное благополучие и здоровье своих граждан при минимальном давлении на экосистему. Этот подход, нашедший отражение в концепциях «здорового города», «оздоровления городской среды» и ESG-трансформации, предполагает принципиально иную систему приоритетов. Приоритетом становится не новое высотное здание или бизнес-центр, а доступный парк, чистота воздуха, безопасная улица и развитая социальная инфраструктура, которые напрямую влияют на физическое и ментальное состояние человека. Таким образом, инвестиции в человеко-

ориентированную городскую среду перестают быть лишь социальной статьей расходов, а становятся стратегическими инвестициями в человеческий капитал, производительность труда и, в конечном итоге, в устойчивую и конкурентоспособную экономику самого мегаполиса.

Для измерения факторов, обуславливающих экономику здоровья, были разработаны различные индексы, выходящие за рамки традиционного ВВП. Эти индексы пытаются измерить то, что делает жизнь в городе по-настоящему полноценной. Индекс качества жизни (Quality of Life Index) учитывает покупательную способность, безопасность, здравоохранение, стоимость жизни и экологию.

Индекс счастья (Happiness Index) отражает субъективную оценку гражданами уровня своей удовлетворенности жизнью. Индекс «здоровых городов» оценивает среду по критериям, способствующим здоровью: доступность качественного питания, возможности для физической активности и социальная сплоченность.

Таким образом, мегаполис представляет собой арену постоянного противоборства негативных и позитивных факторов. Задача современной градостроительной и социальной политики заключается в том, чтобы целенаправленно минимизировать риски через оздоровление среды и максимизировать возможности, обеспечивая равный и справедливый доступ к ресурсам здоровья для всех категорий населения.

Экономика здоровья, рассматривающая здоровье как ключевой компонент человеческого капитала, предоставляет системный инструментарий для оценки ущерба от этих рисков.

Анализ показал, что экономический ущерб от ухудшения здоровья населения, выраженный в потерях ВВП и производительности труда, достигает значительных величин, что подтверждает необходимость рассмотрения инвестиций в здоровье не как социальных расходов, а как стратегических вложений в устойчивое развитие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Киселева Л.С. Экономика здоровья: концептуальные положения нового научного направления // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-zdorovya-kontseptualnye-polozeniya-novogo-nauchnogo-napravleniya> (дата обращения: 08.09.2025).

2. Селезнев С.Б. Рецензия на сборник научных статей «Психическое здоровье мегаполиса. Вызовы и прогнозы» // Медицинская психология в России. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsenziya-na-sbornik-nauchnyh-statey-psiicheskoe-zdorovie-megapolisa-vyzovy-i-prognozy> (дата обращения: 08.09.2025).

3. Расходчиков А.Н. Оздоровление городской среды – новое качество жизни // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ozdorovlenie-gorodskoy-sredy-novoe-kachestvo-zhizni> (дата обращения: 08.09.2025).

УДК 316.35

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КОМБАТАНТОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ: ОПЫТ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Суркова Ирина Юрьевна

*д. социол. н., доцент, профессор кафедры «Управление персоналом»,
декан факультета государственного
и муниципального управления
Поволжского института управления –
филиал РАНХиГС, Россия, Саратов
E-mail: surkova-iy@ranepa.ru*

Аннотация. *Статья основана на анализе регионального опыта реализации кадрового потенциала участников СВО на государственной и му-*

ниципальной службе. Эмпирическую базу исследования составляют материалы качественного опроса экспертов, задействованных в программе «Наши герои». На основе анализа полученных данных определены основные этапы реинтеграции комбатантов в гражданском социуме через участие в образовательных программах.

Ключевые слова: социальная (ре)интеграция, комбатанты, государственное и муниципальное управление, социальная поддержка

SOCIAL INTEGRATION OF COMBATANTS IN THE STATE AND MUNICIPAL SERVICE: THE EXPERIENCE OF THE SARATOV REGION

Irina Surkova,
*Dr. Sci. Sociol., Professor, Department of Human
Resources Management, Head of the Faculty of State
and Municipal Administration, Volga Institute of Management –
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Saratov, Russia*

Abstract. *The article is based on an analysis of regional experiences in realizing the human resource potential of combat veterans in state and municipal service. The empirical basis of the research is a qualitative survey of experts involved in the «Our Heroes» program. Based on the analysis of the data obtained, the key stages of combatant reintegration into civilian society through participation in educational programs are identified.*

Keywords: *social (re)integration, combatants, state and municipal administration, social support*

Современная социально-политическая ситуация в Российской Федерации наполнена рисками и угрозами в связи с продолжающимся уже несколько лет военным конфликтом на сопредельной территории Украины. С каждым днем увеличивается количество комбатантов, т. е. граждан, непосред-

ственно принимающих участие в боевых действиях в составе вооруженных сил одной из противоборствующих сторон. Эта категория расширяется за счет привлечения к участию в зоне СВО (специальной военной операции) контрактников, добровольцев, мобилизованных, что зафиксировано в Федеральном законе «О ветеранах» [6], Указе Президента РФ «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» [5]. Очевидно, что в социальной структуре общества участники / ветераны боевых действий представляют собой дифференцированную социальную группу, при этом расслоение происходит даже в рамках конкретной военной операции [4, с. 223]. В данном контексте фиксируется и разница в направлениях социальной поддержки комбатантов, которая реализуется через материальные, информационные, организационные, нормативные механизмы [3, с. 78]. На регулярной основе проводится системная работа над созданием и реализацией новых гарантий для участников СВО и членов их семей, при этом координацией взаимодействия между государственными органами и общественными организациями занимается специально созданная рабочая группа.

Учитывая современный социальный контекст, важную миссию, которую взяли на себя российские военнослужащие, участвующие в СВО, не вызывает сомнения необходимость расширения мер социальной поддержки комбатантов и членов их семей. Эти меры достаточно разнообразны и включают в себя широкий спектр (улучшение жилищных условий, трудовую занятость после демобилизации, образование, медицинскую и социально-психологическую реабилитацию и т. д.).

На базе органов социальной защиты создаются специализированные координационные центры помощи комбатантам – в Приморском крае, Чувашской Республике созданы рабочие группы оперативного реагирования на заявления граждан в отношении лиц, принимающих участие в СВО, осуществляющие их социальное сопровождение [1, с. 23]. В Саратовской области также открыт региональный центр поддержки

участников СВО и членов их семей, который в настоящее время располагается рядом с филиалом Государственного фонда поддержки участников СВО «Защитники Отечества». Среди основных задач Центра создание единой региональной базы данных через ведение социальных паспортов членов семей мобилизованных, призванных на военную службу, консультирование и социальное сопровождение в решении возникающих межведомственных вопросов. Также в Саратовской области создана межведомственная комиссия по поддержке участников специальной военной операции и членов их семей, за время работы которой было налажено взаимодействие с правительством области, фондом «Защитники Отечества», образовательными организациями, работодателями по вопросам трудоустройства, реабилитации, оказания помощи в социальном и юридическом сопровождении, занятии адаптивным спортом и т. д. Так, за два года в филиал фонда «Защитники Отечества» обратились более 10 тысяч человек, а социальные координаторы взяли в работу более 14,5 тысячи обращений. В основном они касались оформления удостоверения ветерана боевых действий, получения мер социальной поддержки, выплат, связанных с участием в специальной военной операции, медицинской, психологической и юридической помощи.

Отдельным направлением социальной поддержки участников СВО является их трудоустройство после демобилизации, что зачастую реализуется в рамках нового национального проекта «Кадры». Как правило, демобилизованные военнослужащие обращаются в кадровые центры. Так за последнее время в Саратовской области ветераны СВО были трудоустроены на должности старшего мастера участка, газосварщика, монтажника, старшего инженера, водителя и т. д. На государственной и муниципальной службе, на предприятиях, в организациях будет уделяться повышенное внимание участникам СВО, формироваться резерв рабочих мест, осуществляться наставничество, реализовываться мониторинг трудоустройства.

На XXII съезде Всероссийской политической партии «Единая Россия» В.В. Путин акцентировал внимание на том, что «спрос на крепких, волевых, прошедших суровые испытания людей, готовых брать на себя ответственность, крайне высок, да и страна в этом нуждается» [2]. К участникам СВО российские граждане доверяют, рассчитывают на их порядочность и высокий профессионализм, что подтверждается результатами выборов, на которых более трехсот комбатантов получили поддержку избирателей.

В феврале 2025 года в Саратовской области был открыт набор на программу «Наши герои» – аналог российской программы «Время героев», благодаря которой ветераны СВО смогут пройти переподготовку в области государственного и муниципального управления, получить возможность трудоустройства в данной сфере или попасть в кадровый резерв. *«Программа помогает участникам СВО успешно адаптироваться к гражданской жизни, приобрести новые профессиональные компетенции и стать полноценными акторами гражданского общества. Через подготовку к госслужбе они могут реализовать себя в новых сферах деятельности, обрести уверенность в собственных силах и почувствовать свою значимость для общества»* (эксперт по оценке, Алена).

На участие в программе подали заявку около 700 человек, которые прошли серьезный отбор. Экспертами оценивались опыт, достижения, управленческий потенциал претендентов. *«Отбор на данную программу был сложным, многоэтапным, с использованием различных оценочных методик, что вполне оправдано, т.к. после окончания обучения участники попадут в структуры государственного и муниципального управления, фактически будут влиять на управленческие решения нашего региона, стараться изменить ситуацию в области в лучшую сторону»* (эксперт по оценке, Ирина). В результате 50 участников СВО были зачислены на курс, при этом дифференциации по категориям мобилизованный, доброволец, контрактник, кадровый военный не было, все претенденты находились в равных условиях.

Переход с военной на гражданскую сферу деятельности, безусловно, сопряжен с рядом трудностей. Во-первых, военные структуры имеют свою организационную культуру, нормы и правила организации работы, которые порой значительно отличаются от гражданского социума. Во-вторых, у многих участников нет опыта работы в гражданской сфере, слабые представления об особенностях государственного и муниципального управления. В-третьих, важна ориентация и готовность работать в гражданских органах власти, в муниципальных образованиях, и при этом часто ожидания от подобной работы сильно расходятся с реальностью. Однако, как отмечает руководитель образовательной программы «Наши герои» *«у многих есть управленческий опыт, наша задача за предстоящий год эти навыки отточить, адаптировать к соответствующей профессиональной предметной сфере... а потом ждать результатов, как жителей региона».*

Участники программы получают и консультации по личностно-профессиональному развитию (ЛПР), четко следуя плану «прокачки» собственных компетенций. *«Программа подготовки выстроена таким образом, что участники могут получить представления о нужных компетенциях и проработать способы их развития, в том числе под руководством опытных наставников. Таким образом, программа позволяет уже на этапе обучения максимально погрузиться во все процессы и активно в них участвовать»* (эксперт по оценке, Юлия). Консультанты по ЛПР оказывают помощь при реадaptации и реинтеграции комбатантов в гражданском социуме, способствуют формированию профессиональной идентичности в области государственной гражданской и муниципальной службы, способствуют развитию управленческих компетенций, умению работать в команде, моделировать собственные траектории профессионального развития.

Обучение победителей этапов отбора программы «Наши герои» и стажировка в исполнительных органах области, органах местного самоуправления области, подведомственных им организациях, иных организа-

циях позволит ветеранам получить необходимый набор компетенций для работы в данной сфере на благо региона, в частности, и нашей страны, в целом. Все участники закреплены за персональными наставниками со старта обучения и будут проходить стажировку по направлению, выбранном при регистрации. По окончании программы планируется трудоустроить не менее 20 % участников к 1 декабря 2025 года и не менее 80 % к 1 октября 2026 года. Во всех муниципальных районах и районах г. Саратова введены должности заместителей по патриотической работе. На настоящий момент времени 7 участников СВО уже замещают эти должности в Балаковском, Калининском, Пугачевском районах и в 4 районах г. Саратова.

Таким образом, на региональном уровне оказывается достаточно масштабная социальная поддержка участникам СВО и членам их семей посредством государственных социальных учреждений, общественных организаций, образовательных, медицинских / профилактических / реабилитационных центров. Расширяются возможности использования кадрового потенциала военнослужащих – участников СВО в различных направлениях, в том числе на государственной и муниципальной службе. Реализация программы «Наши герои» является одним из стартовых проектов использования управленческого опыта, личностных качеств военнослужащих в гражданской сфере, что позволит не только помочь комбатантам при реадaptации и реинтеграции в гражданскую жизнь, но и улучшить имидж государственных и муниципальных организаций, повысить качество жизни в регионе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ильин А.Ю., Красикова С.Т., Основина В.Ю. Льготы для участников специальной военной операции и членов их семей // Правовой альманах. 2025. № 4. С. 21-28.

2. Материалы XXII съезда Всероссийской политической партии «Единая Россия» // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75881> (обращение к ресурсу: 10.10.2025).

3. Нестеренко А.И. Механизм реализации социальной поддержки участников СВО и членов их семей // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 116-4. С. 75-78.

4. Суркова И.Ю. Социальная политика в системе гражданско-военных отношений: монография, Москва: ООО «Вариант», 2013. 376 с.

5. Указ Президента РФ от 21.09.2022 N 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // Консультант-плюс: справочно-правовая система // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426999/ (дата обращения: 17.09.2025).

6. Федеральный закон «О ветеранах» от 12.01.1995 N 5-ФЗ (последняя редакция) // Консультант-плюс: справочно-правовая система // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5490/ (дата обращения: 10.09.2025).

УДК 005.32

ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

*Суряпин Сергей Юрьевич,
к.и.н., доцент кафедры «Политология и социология»
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
E-mail: surypins@sstu.ru*

Аннотация. Проведен анализ личностных качеств преподавателя вуза, необходимых для профессиональной деятельности в условиях цифровизации образования. На основании качественного контент-анализа научной литературы предпринята попытка сближения объяснительного и интерпретационных подходов. Сделаны выводы, что для цифровой

трансформации преподавателя необходимо развитие, не только его профессионально значимых качеств, но и личностных качеств, отвечающих за принятие изменений и профессионально-личностное саморазвития.

***Ключевые слова:** цифровизация образования; преподаватель высшей школы; профессиональные качества; личностные качества; личностное развитие*

PERSONAL QUALITIES OF HIGHER EDUCATION TEACHER IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

*Sergey Suryapin,
PhD (Historical Sciences),
Associate Professor, Department of
Political Science and Sociology, Yuri Gagarin State Technical
University of Saratov, Russia, Saratov*

***Abstract.** The article analyzes the personal qualities of a university teacher that are necessary for professional activity in the context of digitalization of education. Based on a qualitative content analysis of scientific literature, the article attempts to bring together explanatory and interpretive approaches. The author concludes that in order to achieve digital transformation, teachers need to develop not only their professional skills, but also their personal qualities that enable them to adapt to change and engage in professional and personal self-development.*

***Keywords:** digitalization of education; higher schoolteacher; professional qualities; personal qualities; personal growth*

Цифровая трансформация экономики неизбежно ведет к цифровизации образования. Подобное изменение, безотносительно возможных дискуссий о его долгосрочных перспективах, является объективным ответом на вызовы цифровой реальности, как новой среды существования человечества. Учреждения высшей школы вынуждены оперативно адаптироваться к новым реалиям, как с целью сохранения собственных конкурентных

преимуществ, так и ввиду необходимости выполнения социального запроса государства.

Важной составляющей этой адаптации становится совершенствование личностных качеств преподавателей высшей школы, необходимое для эффективного выполнения новой функциональной нагрузки, связанной с особенностями учебного процесса в условиях цифровой образовательной среды. Современная ситуация требует от преподавателя освоения и применения цифровых образовательных технологий во всем их многообразии. Отказа от вертикальной модели взаимодействия со студентами в пользу горизонтальной, предполагающей преподавателя не транслятором знаний, а модератором учебного процесса и навигатором многочисленных баз знаний. Осуществления коммуникаций со студентами цифрового поколения через привычные им цифровые социальные пространства, интегрированные в цифровую образовательную среду [7, с. 95, 97]. При этом важно сохранить традиционную функцию преподавания – развитие самостоятельного критического мышления студента, позволяющего анализировать и делать выводы в процессе работы с информацией в цифровой среде.

Следует обратить внимание на то, что преподаватель не волен, а обязан совершенствоваться в своей предметной области и осваивать новые технологии и методы обучения, поскольку требования к его цифровым компетенциям закреплены как в современных образовательных стандартах, так в федеральных стратегических документах, поскольку качественная подготовка выпускников, способных к профессиональной деятельности в рамках цифровой экономики является важным инструментом обеспечения национальной безопасности страны [4, с. 145].

Преподаватели высшей школы неизбежно должны пройти через обязательную цифровую трансформацию и превратится в «киберпедагогов», опирающихся в своей деятельности на новую методологию цифровой педагогики и все инструменты цифровой среды [6, с. 38-40]. Подобная

трансформация предполагает значительное изменение профессионально значимых личных качеств преподавателя, требуемую конфигурацию которых обычно описывают с операциональной точки зрения как сумму актуальных педагогических функций [5, с. 31]. Для достижения результата к традиционным личностным качествам преподавателя предполагается добавить профессиональную мобильность, выражающуюся в готовности к переменам в профессиональной деятельности и новым требованиям системы образования, и цифровую социализацию, обеспечивающую личностную интеграцию в цифровое социальное пространство и эффективную коммуникацию на стыке реальной и виртуальной среды [2, с. 760, 763]. Однако для реального осуществления подобного изменения недостаточно только количественного суммирования функционально значимых качеств, гарантирующих эффективность в условиях цифровизации. Необходима качественная психологическая готовность к изменениям, основанная на личностном понимании и принятии нового содержания профессиональной деятельности.

Между тем на пути к этой готовности встает ряд организационных, коммуникационных, методических и мировоззренческих барьеров. Цифровизация значительно повышает трудоемкость учебного процесса за счет видов работ, не предусмотренных нагрузкой и игнорируемых университетским менеджментом. Нарушение правил культуры общения, временных и рабочих границ преподавателя в процессе коммуникаций в цифровой среде кратно увеличивает его психическую и эмоциональную нагрузку. Возникающая в результате внутренняя отчужденность от смыслов выполняемой деятельности, формирует устойчивое нежелание менять традиционные ментальные модели и компенсировать недостаток цифровых компетенций и актуальных для цифровой среды «мягких» навыков [1, с. 11]. Все это наряду с прочими стрессогенными факторами значительно повышает риск деструктивных изменений личности и эмоционального выгорания [3], что только усугубляет проблему неприятия цифровой трансформации образования.

Поэтому важнейшими личными качества преподавателя в условиях цифровизации становятся не функционально связанные с ней профессионально значимые качества, а глубоко индивидуальные качества личности, отвечающие за включенность преподавателя в систему непрерывного профессионально-личностного развития как самоцель. Готовность к изменениям в этом случае становится сопутствующим результатом личностного роста и профессиональной самореализации.

Эмоциональный интеллект, эмпатия, толерантность, осознанность, способность к целеполаганию и рефлексии станут защитой от эмоционального выгорания и обеспечат субъектность преподавателя [2, с. 759], которая позволит воспринимать цифровую трансформацию не как препятствие и угрозу, а как возможность для актуализации собственного профессионально-личностного потенциала и обогащения своей профессиональной деятельности через синтез традиционных подходов и цифровых технологий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Изменения педагогической деятельности преподавателя вуза в условиях цифровизации образования / И.С. Батракова, Е.Н. Глубокова, С.А. Писарева, А.П. Тряпицына // Высшее образование в России. 2021. Т. 9-19. № 8-9. С. 9-19.

2. Васютенкова И.В., Машарова В.А. Профессионально-личностное развитие педагога в условиях цифровизации современного общества // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2020. Вып. 3. С. 757-765.

3. Ибрагимова Л.А., Бухаров Д.С. Личностные компетенции педагога в период цифровизации // Мир науки. Педагогика и психология, 2023. Т. 11. № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/70PSMN523.pdf> (дата обращения: 20.09.2025).

4. Курина В.А. Цифровая компетентность современного преподавателя высшей школы // Образование в современном мире: ключевые тренды трансформации: сб. науч. трудов. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2022. С. 145-149.

5. Мисисян С. Портрет современного преподавателя высшей школы // Этнодиалоги: научно-информационный альманах. 2022. № 2. С. 30-39.

6. Стеблецова И.С., Гейтсман Л.Е. Цифровая трансформация преподавателя в условиях современного образовательного процесса // Технологии в образовании: сб. материалов Междунар. науч.-метод. конф. Новосибирск: СУПК, 2021. С. 38-42.

7. Шамсутдинова И.И. Трансформация статуса и роли преподавателя вуза в условиях цифровизации (на примере КФУ) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. № 1. С. 95-99.

УДК 316.6

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ КСЕНОФОБИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Фролова Анастасия Геннадьевна,
к.социол.н., доцент кафедры «Политология и социология»
Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
E-mail: frolovaag@sstu.ru

Богомолов Александр Владимирович,
магистрант направления «Строительство»
кафедры «Транспортное строительство»
Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
E-mail: sanekbog2003@gmail.com

Фролов Никита Сергеевич,
магистрант направления «Строительство» кафедры «Транспортное
строительство» Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
E-mail: boulevard1221@bk.ru

Аннотация. В данной статье проводится комплексный анализ ключевых детерминант ксенофобии как социально-психологического феномена

в контексте глобализационных процессов. Исследование фокусируется на взаимосвязи между уровнем ксенофобских настроений и комплексом экономических (уровень благосостояния, продолжительность рабочей недели), социальных (уровень образования) и демографических (доля мигрантов) факторов. Эмпирическая база исследования включает сравнительный анализ данных по пяти странам Европейского Союза (Болгария, Латвия, Франция, Швеция, Ирландия), репрезентирующим различные социально-экономические модели. Результаты подтверждают наличие устойчивой обратной корреляции между экономическим развитием, количеством свободного времени, уровнем образования и интенсивностью ксенофобских установок. В работе также поднимается проблема амбивалентности толерантности, анализируются негативные социальные последствия массовой миграции (рост преступности, этническое анклавирование) и рассматривается историческая парадигма на примере Римской империи. Делается вывод о многомерной и противоречивой природе ксенофобии, требующей сбалансированного подхода и дальнейших междисциплинарных изысканий.

Ключевые слова: ксенофобия; глобализация; социально-психологические детерминанты; экономические факторы; миграция; толерантность; образование; преступность; сравнительный анализ

SOCIO-PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF XENOPHOBIA DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Anastasia Frolova,
*PhD (Social Sciences), Associate Professor,
Department of Political Science and Sociology
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov*

Alexander Bogomolov,
*Master's student in the field of Construction
Department of Transport Construction
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov*

Nikita Frolov,
*Master's student in the field of Construction,
Department of Transport Construction,
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov*

Abstract. *This article provides a comprehensive analysis of the key determinants of xenophobia as a socio-psychological phenomenon in the context of globalization processes. The study focuses on the relationship between the level of xenophobic attitudes and a set of economic (wealth level, working week length), social (education level), and demographic (share of migrants) factors. The empirical basis of the study includes a comparative analysis of data from five European Union countries (Bulgaria, Latvia, France, Sweden, and Ireland), which represent different socio-economic models. The results confirm the existence of a stable inverse correlation between economic development, the amount of free time, the level of education, and the intensity of xenophobic attitudes. The paper also raises the issue of the ambivalence of tolerance, analyzes the negative social consequences of mass migration (increased crime rates and ethnic enclavization), and examines the historical paradigm through the example of the Roman Empire. The paper concludes that xenophobia is a multifaceted and contradictory phenomenon that requires a balanced approach and further interdisciplinary research.*

Keywords: *xenophobia; globalization; socio-psychological determinants; economic factors; migration; tolerance; education; crime; comparative analysis*

Введение

Актуальность исследования ксенофобии в современную эпоху глобализации, характеризующуюся интенсификацией трансграничных потоков, культурной гибридизацией и увеличением миграционной мобильности, не вызывает сомнений. Ксенофобия, понимаемая как устойчивый социально-психологический комплекс установок, проявляющийся в неприятии, страхе или агрессии по отношению к группам, воспринимаемым как «чужие» в этническом, культурном или религиозном аспектах, остается одним из наиболее деструктивных факторов общественной стабильности.

Традиционный научный дискурс в области психологии и социологии акцентирует внимание на таких детерминантах ксенофобии, как индивидуально-психологические особенности личности (склонность к авторитаризму, ригидность мышления, этноцентризм, нарциссические черты), влияние средств массовой информации, транслирующих стереотипы, а также роль исторического и современного политического контекстов, таких как, например, затяжные этнополитические конфликты [4, 9]. Вместе с тем представляется недостаточно изученным комплексное влияние макроэкономических и социальных условий, которые формируют объективный жизненный контекст и опосредованно влияют на формирование установок толерантности или неприятия.

Целью настоящего исследования является выявление и анализ взаимосвязи между уровнем ксенофобии и рядом экономико-социальных переменных: уровнем экономического благосостояния (ВВП по ППС), продолжительностью рабочей недели, уровнем образования населения и интенсивностью миграционных процессов. **Гипотеза** исследования заключается в предположении, что более высокий уровень экономического развития, сокращение рабочего времени, повышение уровня образованности и больший опыт взаимодействия с мигрантами выступают в качестве значимых факторов, снижающих уровень ксенофобских настроений в обществе.

Методология исследования

В качестве основного метода был избран сравнительный количественный анализ агрегированных статистических данных по странам Европейского Союза. Выборка была сформирована из пяти стран, целенаправленно отобранных для репрезентации различных социально-экономических моделей в рамках ЕС: Болгария и Латвия (страны с относительно низкими экономическими показателями), Франция (страна со средними показателями), Швеция и Ирландия (страны с высоким уровнем дохода и развития).

Для обеспечения полноты анализа были использованы данные из следующих источников:

1. Оценка уровня ксенофобии. В качестве операционализации понятия «уровень ксенофобии» использованы результаты специализированного опроса Eurobarometer 493, проведенного в 2019 году. Опрос измерял готовность респондентов принять представителя иной этнической группы на высшей политической должности в своей стране. Шкала оценок варьировалась от 1 («совсем некомфортно») до 10 («совершенно комфортно»). Для целей данного исследования индикатором ксенофобии была определена суммарная доля респондентов, ответивших вариантами, отражающими дискомфорт («Очень некомфортно» и «Умеренно некомфортно») [3].

2. Данные по миграции. Используются актуальные статистические данные на 2024 год от медиа-платформы Visual Capitalist, отражающие долю населения страны, рожденного за ее пределами [5].

3. Экономические показатели: Проанализированы два ключевых индикатора: средняя продолжительность рабочей недели в часах (данные Евростата) и валовой внутренний продукт по паритету покупательной способности (ППС) на душу населения за 2019 год в долларах США [1, 7].

4. Уровень образования. В анализ включены данные о проценте населения в возрасте 25-64 лет, имеющего высшее образование [8].

Результаты и их обсуждение

Сводные данные, систематизированные в таблице, наглядно демонстрируют устойчивую статистическую закономерность.

Прослеживается четкая картина: кластер стран с высокими экономическими показателями (Ирландия, Швеция), характеризующийся меньшей продолжительностью рабочей недели и более высоким процентом населения с высшим образованием, демонстрирует значительно более низкий уровень ксенофобии и одновременно является более привлекательным для мигрантов.

Сравнительный анализ уровня ксенофобии и социально-экономических показателей в выбранных странах ЕС*

Страна	ВВП по ППС, тыс. долл.	Рабочее время, часы/неделя	Мигрантов, % от населения	Уровень ксенофобии, %	Население с высшим образованием, %
Ирландия	83,001	36,2	23	16	49,1
Швеция	54,666	35,4	21	17	43,9
Франция	47,322	36	15	25	43,2
Латвия	31,211	38,1	13	39	34,7
Болгария	24,655	39,7	3	51	25,5

И наоборот, страны с менее развитой экономикой (Болгария, Латвия), где рабочая неделя длиннее, а уровень образования ниже, показывают высокий уровень неприятия «чужих».

Интерпретация выявленных корреляций

1. Экономическое благосостояние и свободное время. Выявленная зависимость может быть объяснена через призму теории человеческого капитала и социального психологического благополучия. Высокий ВВП и короткая рабочая неделя являются, как правило, следствием высокой производительности труда, автоматизации и роботизации производства. Это, в свою очередь, приводит к увеличению объема нерабочего времени, которое индивид может инвестировать в саморазвитие, культурное просвещение, получение дополнительного образования и потребление информации. Многочисленные исследования, включая классические работы Гордона Олпорта [6], подтверждают, что образование и расширение кругозора напрямую коррелируют с ростом толерантности и снижением предрассудков. Кроме того, в богатых обществах мигранты часто заполняют ниши низкоквалифицированного и низкооплачиваемого труда, не составляя прямой конкуренции коренному населению на рынке высокооплачиваемых профессий. Это снижает экономические страхи, связанные с потерей рабочих мест и снижением зарплат, которые являются мощным катализатором ксенофобских настроений в менее благополучных странах.

2. Образование как смягчающий фактор. Процент населения с высшим образованием выступает ключевым медиатором в данной цепи. Как видно из таблицы, в Ирландии и Швеции почти каждый второй житель имеет диплом о высшем образовании, тогда как в Болгарии – только каждый четвертый. Высшее образование не только обеспечивает доступ к более качественным рабочим местам, но и способствует развитию критического мышления, сложных когнитивных схем, пониманию глобальных процессов, что делает индивида менее восприимчивым к упрощенным стереотипам и манипулятивным политическим нарративам, эксплуатирующим тему «образа врага».

Обратная сторона толерантности: миграция и вызовы общественной безопасности

Парадоксальным образом снижение уровня ксенофобии и проведение либеральной миграционной политики в ряде стран ЕС сопровождаются рядом острых социальных проблем, что придает исследованию особую актуальность и сложность.

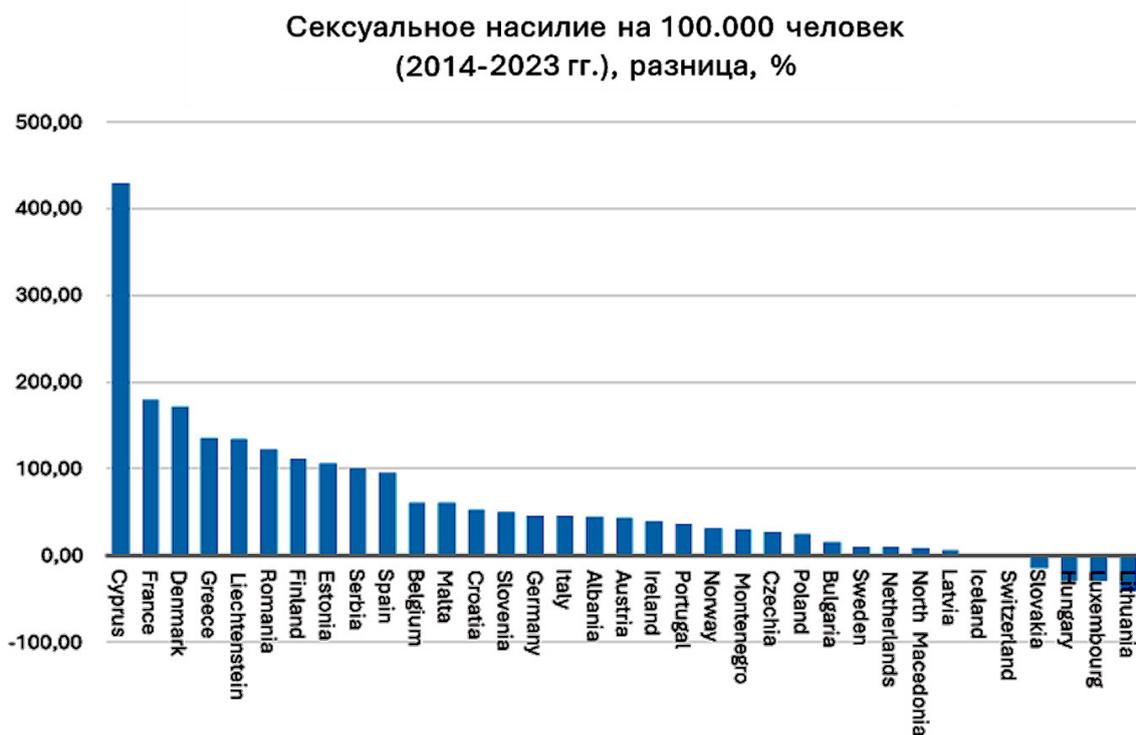

Рис. 1. Сексуальное насилие 2014-2023 гг.

Статистические данные по преступности в ЕС за период с 2014 по 2023 годы демонстрируют тревожные тенденции. Наблюдается значительный рост числа таких тяжких преступлений, как сексуальное насилие (средний рост по ЕС +60,35 %) и изнасилования (+86,12 %). Особенно показателен пример Франции, где количество грабежей возросло с 112885 в 2007 году до 1359102 в 2023 году, что соответствует росту на 2291,15 %.

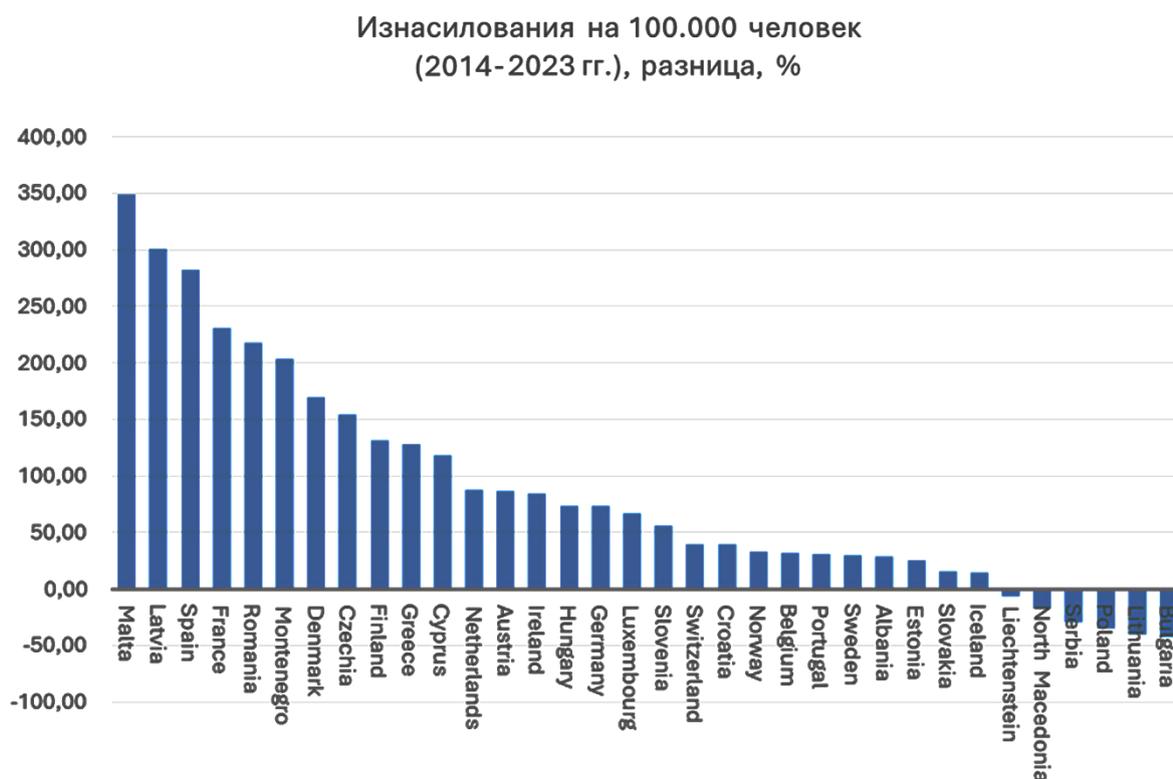

Рис. 2. Изнасилования 2014-2023 гг.

Эти данные указывают на серьезные проблемы, связанные с интеграцией мигрантов, формированием закрытых этнических анклавов, ростом социального неравенства и, как следствие, снижением субъективного чувства безопасности среди коренного населения. Это создает мощный контраргумент в дискуссии о плюсах и минусах мультикультурализма и ставит вопрос о необходимости эффективных интеграционных политик [2].

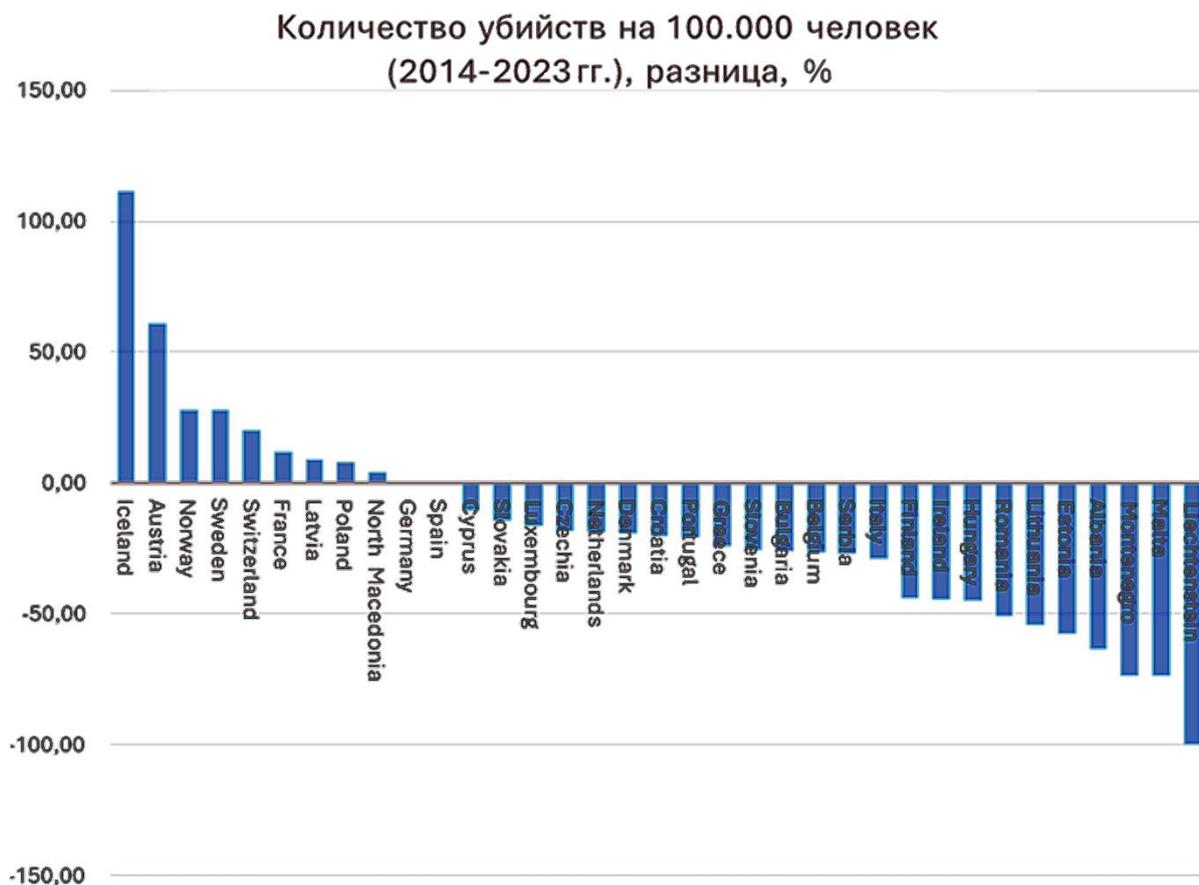

Рис. 3. Убийства 2014-2023 гг.

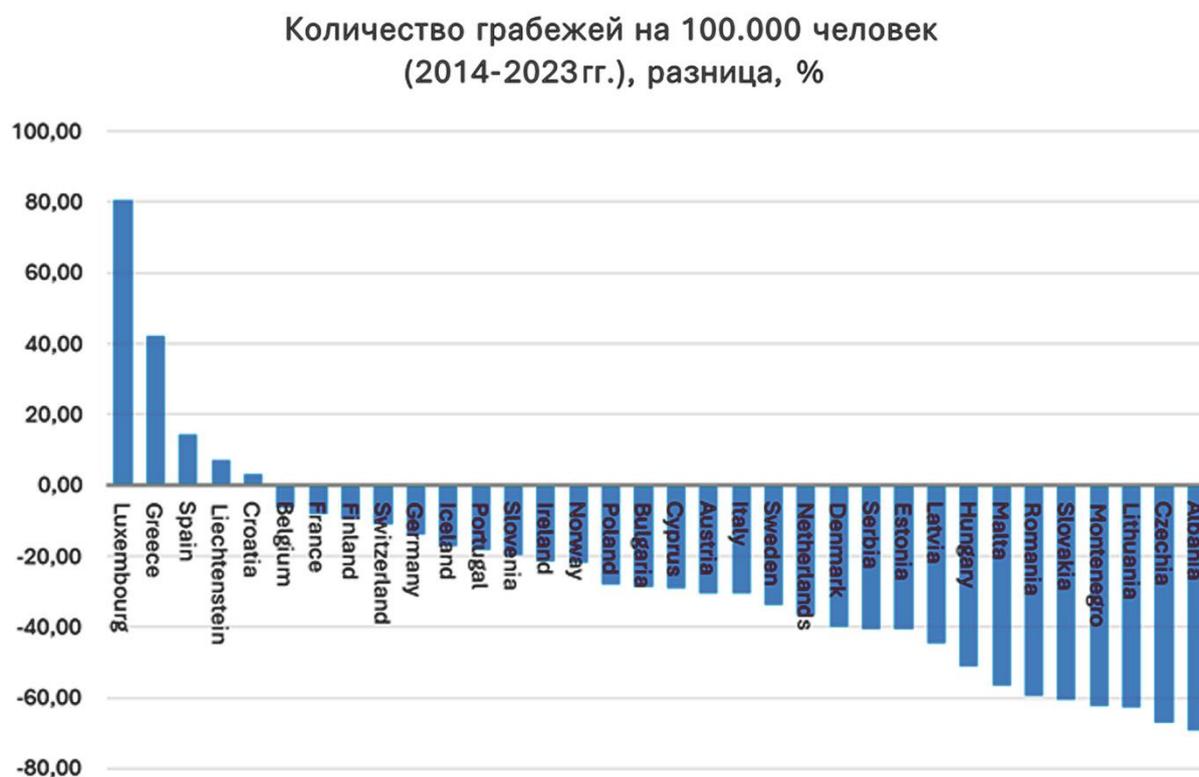

Рис. 4. Грабежи 2007-2023 гг. Общее количество грабежей

Историческая и современная парадигмы: амбивалентность ксенофобии

Для более глубокого понимания феномена полезно обратиться к историческим аналогиям. Ярким примером является Римская Империя, где постепенная утрата культурной идентичности, снижение патриотического духа и ксенофобного «иммунитета» у образованных римлян, их нежелание служить в армии, на фоне массового притока «варваров» и экономических трудностей, в конечном итоге способствовали краху государства. С другой стороны, история знает и противоположные примеры, когда ксенофобия и высокая степень национальной консолидации (часто искусственно подогреваемые) становились фактором мобилизации и экономического роста. Это наблюдалось в нацистской Германии, США в период Второй мировой войны, СССР в годы Великой Отечественной войны. В этих случаях ксенофобия, сопровождавшаяся подъемом национального сознания и зачастую использованием принудительного или рабского труда, способствовала резкой интенсификации производства, хотя и ценой чудовищного подавления базовых человеческих прав.

Интересен и современный контрастный пример – Польша, которая, проводя жесткую миграционную политику и отказываясь принимать квоты на мигрантов с Ближнего Востока и Африки, в наименьшей степени пострадала от миграционного кризиса 2015-х годов и сегодня демонстрирует одни из самых высоких темпов роста ВВП в Европе. Этот пример иллюстрирует, что контроль над миграционными процессами может коррелировать с экономической и социальной стабильностью.

Вопрос методологии: корректная интерпретация данных опросов

Отдельного внимания заслуживает проблема интерпретации данных социологических опросов. Так, результаты Eurobarometer 293 (2007)

показывают, что 85 % респондентов в Швеции считали дискриминацию по этническому признаку «очень распространенной». Поверхностный взгляд может трактовать это как показатель высокой ксенофобии в шведском обществе. Однако более глубокая интерпретация приводит к обратному выводу. Высокий процент осознания проблемы дискриминации, скорее, свидетельствует о высокой чувствительности общества к вопросам равенства и толерантности, о развитом правосознании. Более релевантным индикатором уровня ксенофобии является доля респондентов, отрицающих сам факт существования такой дискриминации. В Швеции этот показатель был равен 0 %, в то время как в Болгарии он составлял 21 %, а в Латвии, Румынии и Германии – около 13 %. Именно эта группа, не видящая проблемы там, где она объективно существует, и может считаться носителем наиболее устойчивых ксенофобских установок.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что гипотеза о значимом влиянии социально-экономических факторов на уровень ксенофобии подтверждается эмпирическими данными. Экономическое благосостояние, сокращение рабочего времени, повышение уровня образования и непосредственный опыт сосуществования с мигрантами в развитых обществах выступают в качестве значимых детерминант, способствующих формированию более толерантных установок.

Однако феномен ксенофобии оказывается гораздо более сложным и амбивалентным. Его снижение, являясь безусловным гуманистическим идеалом, на практике может порождать серьезные системные риски: рост преступности, перегрузку социальных систем, культурные конфликты и снижение общественной безопасности. Это создает своеобразный «парадокс толерантности» в условиях открытых обществ, требующий от политиков и общества в целом чрезвычайно сбалансированного

и взвешенного подхода, избегающего как крайностей изоляционизма и ксенофобии, так и наивной идеализации мультикультурализма без учета реальных интеграционных возможностей.

Перспективы дальнейших исследований видятся в проведении анализа для отслеживания динамики изучаемых показателей на протяжении XXI века, в применении более сложных статистических методов (таких как множественный регрессионный анализ) для выявления силы влияния каждого фактора, а также в углубленном качественном исследовании мотивационных и когнитивных структур, лежащих в основе ксенофобских установок в разных культурных контекстах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. База данных Евростата, рабочее время в сутки. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/lfsa_ewhais__custom_11614965/bookmark/table?lang=en&bookmarkId=a56b1b2f-2acf-458b-a9e4-94cdb6751c88 (дата обращения: 10.10.2025).

2. База данных Евростата, статистика преступлений. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Crime_statistics (дата обращения: 10.10.2025).

3. Евробарометр 493: Дискриминация в Европейском Союзе (2019) URL: <https://data.europa.eu/en> (дата обращения: 10.10.2025).

4. Исследование авторитарной личности / Теодор Адорно [и др.; ред. В.П. Култыгина]. Москва: Академия исследования культуры: Серебряные нити, 2001. 412 с.

5. Медиа-платформа Visual Capitalist, долю населения страны, рожденного за ее пределами. URL: <https://www.visualcapitalist.com/ranked-european-countries-with-the-most-immigrants/> (дата обращения: 10.10.2025).

6. Олпорт Г. Природа предрассудков / пер. с англ. Е. Карманова. СПб: Питер, 2025. 560 с.

7. Открытые данные Всемирного банка: ВВП, ППС (текущие международные доллары). URL: <https://tradingeconomics.com/world/gdp-ppp-us-dollar-wb-data> (дата обращения: 10.10.2025).

8. Открытые данные Министерств образования: процент населения с высшим образованием: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_tertiary_education_attainment (дата обращения: 10.10.2025).

9. Pettigrew T.F., Meertens R.W. In defense of the subtle prejudice concept: a retort // European Journal of Social Psychology. 2001. Vol. 31.

УДК 316.454.7

СТАРТОВЫЕ ОЖИДАНИЯ ВОЕННЫХ МЕДИКОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ

*Хлыстова Виктория Александровна,
аспирант Поволжского института управления им. П.А. Столыпина –
филиала РАНХиГС, Россия, Саратов
E-mail: vkhlystova-24@ranepa.ru*

***Аннотация.** В условиях непрерывного реформирования Вооруженных Сил Российской Федерации обострился вопрос несоответствия профессиональных ожиданий представителей военно-медицинской фармации и реалий армейской службы. Цель автора – соотнесение экспектаций военных врачей с использованием метода глубинного интервью и биографического подхода в совокупности с методом включенного наблюдения в парадигме теории ожидания В. Врума. В результате проведенного исследования сформулирован вывод об успешном прохождении службы группой военных врачей, чье решение базировалось на прагматичной оценке стратификации будущей профессии.*

***Ключевые слова:** военные врачи; теория ожиданий; мотивация; валентность; профессиональная траектория; экспектации; военная медицина; военно-медицинская формация*

STARTING EXPECTATIONS OF MILITARY DOCTORS IN THE PROFESSIONAL SPHERE

Viktoriya Khlystova,

postgraduate student, Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANEPА, Russia, Saratov

Abstract. *In the context of ongoing reforms in the Russian Armed Forces, the issue of the discrepancy between the professional expectations of military medical pharmacy representatives and the realities of military service has become acute. The author's goal is to correlate the expectations of military doctors using in-depth interviews and a biographical approach, combined with participant observation within the paradigm of V. Vroom's expectancy theory. The study concluded that a group of military doctors successfully completed their service based on a pragmatic assessment of the stratification of their future profession.*

Keywords: *military doctors; expectancy theory; motivation; valence; professional trajectory; expectations; military medicine; military medical formation*

Военно-медицинская служба – особая структура в частях и соединениях Министерства обороны, в которой активно проходят процессы институализации. Социологическая оценка ожиданий в парадигме профессиональных траекторий военных медиков в настоящее время остается «за кулисами армейской службы» [5, с. 137] и активного научного поиска.

Обеспечение национальной безопасности в условиях проведения специальной военной операции инициировало динамическое увеличение контингента Вооруженных сил России до 1,5 миллионов военнослужащих [3]. При этом экспектации действующих военно-медицинских специалистов претерпевают значимые трансформации, в том числе с отрицательной тенденцией из-за конфликта стартовых ожиданий и текущих статусных компонентов.

В строю кадровых военных врачей по-прежнему сохраняются сложности профессионального становления, несмотря на активную реструкту-

ризацию института военной медицины. При этом детальный анализ кадрового «микроклимата» в военно-медицинской формации проводился почти двадцать лет назад [1, с. 66-70], а социологические компоненты проблематики не конкретизированы по настоящее время.

С целью определения наиболее рациональных исходных экспектаций военных медиков автором было выполнено интервьюирование действующих специалистов военно-медицинской службы с использованием биографического подхода через призму теории ожиданий В. Врума [7]. В выборку попали 28 респондентов в возрасте от 25 до 51 года, 14 из которых – младший офицерский состав, 13 человек – в званиях от майора до полковника медицинской службы, 1 респондент – из числа сержантского состава. Гендерная структура представлена 12 мужчинами и 16 военнослужащими женского пола с учетом того, что в настоящий момент наблюдается тенденция к увеличению количества женщин в войсках (более 37,5 тысяч по данным 2024 года) [2]. В интервью респонденты формулировали лично значимые преимущества специальности военного врача и факторы, которые инициировали выбор учебного заведения. Обсуждались профессиональные экспектации в динамике: при обучении и в настоящее время, а также удовлетворенность действующей профессиональной траекторией.

Абсолютное большинство – первая группа из 13 человек – потомственные военные или врачи, а также наследники обеих династий. Профессиональная экспектация в группе стала результатом полного закрытия вариативности на фоне положительного образа специальности, демонстрируемого в повседневности ближайшими родственниками.

Вторая группа респондентов из 7 опрошенных первично выбирала военно-медицинскую фармацию как наполненную глубокой жертвенностью и героизмом, идеализировали образ военного врача и лечение раненых. Эту категорию офицеров условно можно назвать «романтиками» [4, с. 114].

В третьей группе из 6 человек профессиональные экспектации базировались на социальных предпочтениях, которых в силу семейных обстоятельств респонденты были лишены. Их привлекали обучение на бюджетной основе и бесплатное проживание, достойное вещевое и продовольственное обеспечение, относительно высокие денежные выплаты и льготы, востребованность профессии – гарантированное распределение на должность после выпуска.

Четвертая группа респондентов – 2 человека – пришли в военную медицину в силу стечения обстоятельств, преодолеть которые не видели смысла. Аналогичный кластер «случайных людей» есть в любой армейской структуре [4, с. 114].

Рассматривая экспектации через призму теории В. Врума, в процессе получения образования среди опрошенных царил единство положительных ожиданий, высокие инструментальность и валентность. Но с началом войсковой деятельности оценочные суждения разделились. При этом оценка текущих условий службы и денежного довольствия у опрошенных значимо не различались.

Большинство опрошенных (15 из 28 респондентов) довольны текущей профессиональной траекторией, положительно соотносят стартовые ожидания и действительность. 8 опрошенных характеризуют ожидания в нейтральном ключе, по их мнению, строгость фреймов войсковой медицины и армейские отчуждения свобод уравниваются преимуществами. 5 респондентов оценивают свое служебное положение негативно.

Военнослужащие отмечали резкое несоответствие инструментальности и валентности стартовым ожиданиям. Амплитуду резонанса усиливали такие личностные факторы как: непомерно высокая служебная нагрузка, ежедневные неучтенные сверхурочные переработки, препятствия профессиональному и должностному росту ввиду неискоренения

«клановости» в армейской системе «на местах», эпизоды коррупционной составляющей. Респонденты крайне недовольны уровнем оплаты труда, в разы меньшей, чем на аналогичных должностях в системе коммерческого здравоохранения. Такая оценка была дана на фоне максимально возможного для своей квалификации уровня денежного довольствия, выслугу свыше 15 лет, при наличии жилья по программе военной ипотеки и льгот участников боевых действий. Но уровень несоответствия ожиданий субъективно так высок, что основное пожелание – увольнение из военно-медицинской фармации.

Ожидания успешного прохождения службы военными врачами, чье профессиональное становление происходило из прагматичной оценки стратификации будущей деятельности, имеют наивысшую валентность. По мнению автора, социальное благополучие в сфере военной медицины возможно только при отсутствии иллюзий и рациональном подходе к непростой служебной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Быков И.Ю., Давыдов В.М. Анализ проблем современной кадровой политики в военно-медицинской службе ВС РФ и направления ее совершенствования // Вестник Российской Военно-медицинской академии. 2006. № 1 (15). С. 66-70.

2. Названа численность женщин-военнослужащих в ВС России // РИА Новости Крым: сайт. М., 2024. URL: <https://crimea.ria.ru/20240305/nazvana-chislennost-zhenschin-voennosluzhaschikh-v-vs-rossii1135422056.html?ysclid=md095nv3p0933231126> (дата обращения: 30.09.2025).

3. Российская Федерация. Официальное опубликование правовых актов. Основы законодательства Российской Федерации об обороне: Указ Президента Российской Федерации от 16.09.2024 № 792 «Об установлении штатной численности Вооруженных Сил Российской Федерации» // сайт.

URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409160006> (дата обращения: 27.09.2025).

4. Суркова И.Ю. «Есть такая профессия Родину защищать»: мотивационные предпочтения выбора карьеры военного // Мир России. 2013. № 2. С. 107-125.

5. Суркова И.Ю. «Фасад» и «закулисы» военной профессии: социокультурный анализ // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 133-139. ISSN 0132-1625.

6. Vroom V.H. Work and motivation. New York [a. o.]: Wiley & sons, 1964. 331 с.

УДК 659.4

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Хорольцева Елена Борисовна

*к. филос. н., доцент, доцент кафедры социальных коммуникаций
Поволжского института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при президенте РФ,
Россия, Саратов
E-mail: elena.khoroltseva@mail.ru*

***Аннотация.** Социальные сети стали неотъемлемой частью современной жизни, оказывая значительное влияние на социальные изменения. Они позволяют людям общаться, обмениваться информацией и формировать сообщества. Однако их роль и воздействие постоянно меняются, отражая развитие технологий и изменение общественных потребностей. Настоящая статья посвящена исследованию трансформации социальных сетей и их влияния на процессы социальных изменений.*

***Ключевые слова:** социальные сети; социальный процесс; цифровизация; PR; реклама; целевая аудитория*

TRANSFORMATION OF SOCIAL NETWORKS AND THEIR IMPACT ON THE PROCESSES OF SOCIAL CHANGE

*Elena Khoroltseva,
PhD (Philosophy), Associate Professor,
Department of Social Sciences at the Volga Institute
of Management – a branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
Russia, Saratov*

***Abstract.** Social networks have become an integral part of modern life, exerting a significant impact on social change. They enable individuals to communicate, share information, and form communities. However, their role and influence are constantly evolving, reflecting technological advancements and changing societal needs. This article aims to explore the transformation of social networks and their impact on social change processes.*

***Keywords:** social networks; social processes; digitalization; PR; advertising; target audience*

Социальные сети кардинально поменяли привычное понимание и восприятие социальной структуры, представление о протекании социальных процессов и социальном пространстве в целом. Под влиянием социальных сетей изменяется не только характер взаимодействия людей друг с другом и характер человеческой деятельности, но и сами отношения в обществе. Преобразуются социальные связи, видоизменяется природа социальных коммуникаций, трансформируются организационные формы социального взаимодействия, радикальным образом меняя социальную среду.

Исследование и аналитика происходящих трансформационных процессов играют ключевую роль в своевременной реакции науки и являются одним из условий практического реагирования на преобразования социального пространства, становясь фактором его инновационного освоения. В целях улучшения системы социального управления очень важно выявить

изменения, происходящие в традиционной системе социальной организации, определить новые явления, дать прогноз и оценить открывающиеся перспективы и возникающие трудности.

В современном мире социальные сети представляют собой доминирующую площадку для взаимодействия людей онлайн. Кроме того, социальные сети играют ключевую роль не только в процессе социального взаимодействия, но и в развитии бизнеса, сферы развлечений, образования, используются в политической сфере и в качестве каналов коммуникаций органов власти с населением. Социальные сети оказывают значительное влияние на формирование общественного мнения. Через них распространяются идеи, ценности и убеждения, что способствует изменению культурных норм и стандартов поведения.

Несмотря на то, что социальные сети различаются по своим целям, принципам работы и другим характеристикам, большинство из них имеют несколько общих черт.

Социальные сети ориентированы на контент, создаваемый пользователями, то есть публикации в виде фотографий или видео, которые другие могут просматривать, комментировать, ставить лайки и делать репосты. Социальные сети позволяют общаться, создавать и распространять контент, продвигать товары и услуги, стирать социальные границы, объединяться в сообщества, влиять на вид получаемой информации посредством комментариев, лайков, репостов [1, с. 33].

Социальные сети выполняют значимую функцию в различных сферах человеческой жизни: распространение информации, образовательный процесс, взаимодействие между людьми, продвижение товаров и услуг. Особенно важно использование социальных сетей в современной рекламе и PR, поскольку они предоставляют разнообразие форматов и позволяют организациям эффективно взаимодействовать с целевой аудиторией в круглосуточном режиме [2, с. 114].

В социальных сетях взаимодействие с пользователями происходит в реальном времени, адаптируется под технологические изменения и доступно на разных устройствах, включая мобильные приложения и «умные дома». На сегодняшний день можно выделить следующие коммуникационные инструменты в социальных сетях: короткие вертикальные видео, рассылки сообщений, публикация контента, таргетированная реклама, активности для аудитории (прямые эфиры, игры, сбор мнений), система поиска при помощи ключевых слов [3, с. 37].

Основными факторами, влияющими на современный процесс медиапотребления, являются клиповое мышление и «визуальный поворот». По мнению Низомутдинова Б.А., Чугунова А.В., визуальность в мире становится не просто трендом или дополнением к тексту, а основным модусом существования современного социума и структурирования форм социальности. Использование визуальных форматов стало неотъемлемым элементом работы современных СМИ [4, с. 93]. В силу этого одним из самых эффективных инструментов в социальных сетях сегодня считается публикация видеоконтента, поскольку он позволяет визуально передавать информацию, выражая при этом эмоции и раскрывая мотивы. Видеоконтент способствует укреплению уровня доверия со стороны аудитории, поскольку современные пользователи предпочитают видеоконтент тексту из-за легкости восприятия. Современные визуальные форматы можно разделить на три основные категории: иллюстративные, видеоформаты и инфографику.

Сегодня в России среди самых популярных социальных сетей, которые предоставляют прямые каналы связи с аудиторией, позволяя собирать отзывы, вести обсуждения и общаться, можно назвать ВКонтакте и Телеграм [5, с. 23]. ВКонтакте представляет собой многофункциональную площадку, которая объединяет в себе социальную сеть, мессенджер и медиаплатформу. Социальная сеть предоставляет возможности создания профилей и сообществ, прослушивания музыки и просмотра видеороли-

ков, общения в мессенджере, а также игр в приложениях. Наиболее эффективным методом продвижения в социальной сети ВКонтакте считается развитие сообщества, которое включает в себя правильное заполнение информацией, регулярную публикацию контента, проведение опросов и использования других инструментов взаимодействия с аудиторией [6, с. 246].

В свою очередь, Телеграм является мессенджером, предоставляющим возможности отправки сообщений в личных и групповых чатах, создания публичных каналов для трансляции информации и чат-ботов для различных целей (проведения конкурсов, упрощения взаимодействия с пользователями, получения аналитических данных).

Коммуникация в социальных сетях должна быть представлена публикацией постов, а также вовлечением к ним с помощью опросов и различных реакций, получением обратной связи через личные сообщения и комментарии. Таким образом, многообразие коммуникационных инструментов в социальных сетях отражает необходимость их применения для эффективного взаимодействия с аудиторией. Все эти инструменты позволяют делиться информацией, дискутировать, собирать различные мнения, создавать контент, получать эмоциональный отклик, привлекать аудитории к активному обсуждению, а также анализировать эффективность коммуникации.

В современном цифровом мире социальные сети играют важнейшую роль в привлечении аудитории, формировании восприятия бренда и выстраивании отношений с пользователями [7, с. 102]. Ключевым показателем эффективности данных функций является вовлеченность, отражающая степень заинтересованности аудитории. В условиях цифровизации вовлеченность аудитории, как степень взаимодействия пользователей с контентом, приобретает особенно важное значение.

К показателям вовлеченности аудитории относятся: количество подписчиков, динамика реакций (лайков), активность комментариев; количество репостов и переходов по ссылкам; просмотры публикаций [8, с. 102].

Вовлеченность аудитории способствует улучшению видимости страницы в социальных сетях, повышает узнаваемость и уровень доверия, осуществляет сбор обратной связи для повышения эффективности коммуникаций.

Важно правильно сегментировать целевую аудиторию. Для этого используют несколько инструментов, таких как демографический анализ, изучающий возраст, пол, местоположение и интересы аудитории; психологический и психографический анализ, определяющий ценности, поведение и предпочтения аудитории; социальный мониторинг, анализирующий обсуждения и настроения аудитории. Контент также необходимо таргетировать по демографическим, географическим и поведенческим характеристикам.

Повышение вовлеченности аудитории в социальных сетях представляет собой комплексный процесс, основанный на следующих инструментах:

1. Создание и публикация качественного и актуального контента, способного заинтересовать аудиторию;
2. Регулярная публикация для поддержания интереса и напоминания о странице пользователям;
3. Понимание интересов целевой аудитории для создания контента, отвечающего ее предпочтениям;
4. Добавление в публикации четких и убедительных призывов к действию может значительно повысить вовлеченность.

Для успешной коммуникации в социальных сетях необходим постоянный мониторинг и оптимизация всех процессов. Так, ключевыми показателями для оценки эффективности являются: коэффициент вовлеченности (процент пользователей, взаимодействующих с контентом), охват и показы (количество людей, увидевших публикации), количество переходов по ссылке, коэффициент конверсии (процент вовлеченных пользователей, совершивших желаемое действие), время, проведенное на странице, которое отражает заинтересованность пользователей, участие в интерактивных форматах (опросы и конкурсы).

Для определения эффективности всех этих показателей используются встроенные инструменты аналитики в социальных сетях. На сегодняшний день достаточно развитой, с точки зрения аналитических инструментов, является социальная сеть ВКонтакте, позволяющая собирать обширную информацию о заинтересованной аудитории [9, с. 48]. В свою очередь, Telegram позволяет создавать и применять чат-боты для аналитики. Развитие методов оценки вовлечённости и сегментации аудитории помогает компаниям успешно интегрироваться в цифровую среду.

Однако помимо безусловных преимуществ, которыми обладают социальные сети, они также несут и значительное количество угроз, к которым относятся информационная перегрузка, наличие фальшивых новостей, фейков и дипфейков, психологическое воздействие социальных сетей, выражающееся, в том числе, в феномене лайков и зависимости от одобрения. Нельзя не сказать и о том, что одной из задач социальных сетей является максимальное удержание внимания пользователей так, чтобы индивид не покидал канал и как можно дольше прокручивал и обновлял ленты новостей, оставаясь в этом информационном пространстве.

Это приводит к увеличению времени, проводимому людьми в социальных сетях. И, как следствие, к очень серьезным проблемам, таким как потеря контроля над реальностью, снижению способности концентрировать свое внимание, постоянно переключаясь между различными источниками информации. При этом предпочтение отдается коротким видеороликам и заголовкам новостей, как правило, без прочтения самих текстов и попыток сделать хоть какой-нибудь анализ. А это, в свою очередь, может привести к ухудшению когнитивных функций, к трудностям с сосредоточением и глубоким анализом. Таким образом, социальные сети продолжают играть решающую роль в формировании и изменении общества. Их активное использование требует тщательного изучения и мониторинга для достижения наилучших результатов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Костякова Ю.Б., Геер Е.Ю. Социальные сети: терминологический аспект // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2024. № 3. С. 32-36.

2. Майорова К.А. Современные инструменты PR-деятельности организации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 7. С. 112-115.

3. Третьяк Т.А., Бженникова Д.Г., Паровичная Е.М. Инструменты продвижения в социальных сетях, их виды, методы исследования и подбора // Молодой исследователь Дона. 2024. № 6. С. 36-38.

4. Низомутдинов Б.А., Чугунов А.В. Стратегии цифрового поведения: сравнительный анализ активности в соцсетях и мессенджерах // International Journal of Open Information Technologies. 2025. № 12. С. 90-95.

5. Гук О.А., Кульчейко И.С. Социальные сети как инструмент взаимодействия с клиентами и продвижения товаров и услуг // МедиаВектор, 2023. № 7. С. 21-25.

6. Кмита Р.В., Медведева О.С. Социальные сети как инструмент продвижения и аналитики для развития бизнеса в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 5. С. 224-227.

7. Хорольцева Е.Б. Методологические подходы к управлению коммуникациями в эпоху цифровизации // Управление коммуникациями в эпоху цифровизации. Саратов: Саратовский источник, 2020. С. 59-117.

8. Ишимов Д.В. Методы повышения вовлеченности аудитории в рамках digital-маркетинговых кампаний // Символ науки. 2025. № 2. С. 99-106.

9. Москова А.Д. Методы продвижения брендов в социальной сети «ВКонтакте» // Медиасреда. 2024. № 2. С. 4646-50.

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Черемных Виктория Юльевна,

*к. п. н., доцент, доцент кафедры социологии и социальной политики
Поволжского института управления
имени П.А. Столыпина –
филиала РАНХиГС, Россия, Саратов
E-mail: viktoriiach2015@mail.ru*

***Аннотация.** Представлены результаты исследования семейно-брачных и репродуктивных установок студенческой молодежи, выявлены основные стратегии их демографического поведения. Показана актуальность поддержки студенческих семей.*

***Ключевые слова:** семейно-брачное поведение, репродуктивное поведение, студенческая молодежь*

FAMILY, MARRIAGE, AND REPRODUCTIVE STRATEGIES OF MODERN STUDENTS

Viktoriiia Cheremnykh,

*PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of
Sociology and Social Policy Volga Region Institute of Management
named after P.A. Stolypin – branch of the Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration, Russia, Saratov*

***Abstract.** This paper presents the results of a study of the family, marital, and reproductive attitudes of student youth, identifying the main strategies of their demographic behavior. The relevance of supporting student families is demonstrated.*

***Keywords:** family, marital, and reproductive behavior, student youth*

Одним из национальных приоритетов России является обеспечение высокого качества жизни человека, его семьи. Семья играет значительную

роль в формировании стабильности и развития всего общества, а значит, и самого государства. Семья – это важнейшая ячейка общества, где закладываются, формируются и укрепляются социальные отношения, воспитываются гражданственность и патриотизм. Ответственные родители создают прочные семьи, а прочная семья – это прочное государство.

Серьезной проблемой, стоящей в настоящее время перед российским обществом и перед мировой цивилизацией в целом, является кризис семьи как базового социального института [1]. Серьезная глубина кризиса семьи определяет снижение ее репродуктивных установок, отражается и на выполнении семьей других социально-значимых функций.

Разрушение традиционной многодетной семьи обусловлено переходом человеческого общества от аграрных к индустриальным и постиндустриальным формам существования. В постиндустриальном обществе семья постепенно утрачивает производственную функцию, а функция воспитания и социализации детей во многом переходит к учебным заведениям. Забота о представителях старшего поколения в значительной степени переходит от семьи к учреждениям системы социального обеспечения. В этой связи проблема рождения большого количества детей утрачивает свою актуальность.

Долгосрочное снижение показателей рождаемости отличает и российскую динамику демографических процессов. Согласно результатам опроса о репродуктивных установках россиян, проведенного ВЦИОМ в 2025 году, низкая рождаемость – долгосрочный тренд, и ситуация ухудшается, несмотря на все предпринимаемые усилия [2]. Распространенность малодетных (и особенно с одним ребенком) семей является негативным фактором демографического развития страны. Поэтому неслучайно, что в социальной политике государства сегодня обозначен приоритет поддержки семей с детьми.

Государство не обходит своим вниманием и студенческие семьи, в виду их значимого демографического и репродуктивного потенциала [3].

Студенческие семьи представляют собой особую форму молодой семьи, где оба супруга или один из них (являющийся единственным родителем) обучаются по программам среднего профессионального или высшего образования. Поддержка студенческих семей, например, через меры государственной поддержки и создание благоприятных условий для создания семьи и рождения детей, способствует формированию предпосылок к демографическому росту и стабилизации численности населения [4].

Согласно оценке Института изучения детства, семьи и воспитания, более чем из 4 млн российских студентов в браке состоят 3,3 %. Модели семейного и репродуктивного поведения студенческой молодежи могут выступать ресурсом повышения или снижения рождаемости. Многочисленные исследования репродуктивных установок молодёжи показывают, что на их формирование влияет комплекс факторов: ценностные установки родительской семьи, институты образования, различные средства массовой информации и прочие референтные группы [5].

Для выявления семейно-брачных установок у молодёжи было проведено исследование в форматах интернет-анкетирования и интервью в вузах Саратова. Исследуемая группа респондентов формировалась методом стихийной выборки, количество – 211 человек, опрос проводился в январе – феврале 2025 года. Выборочную совокупность составили молодые люди в возрасте от 16 до 29 лет, соотношение юношей и девушек составляет 43,2 % и 56,8 % соответственно. Респондентов высшего образования бакалавриата 71,1 %, специалитета – 18,9 %, магистратуры – 7,6 %, аспирантуры – 2,4 %. Респондентов, состоящих в браке – 13,3 %, из них имеют детей 4,4 % а вот тех, кто не состоит в браке, в разы больше – 86,7 %.

Индивидуальное интервью проводилось в городе Саратове в феврале 2025 года. Участниками стали студенты (от 18 до 26 лет) Поволжского института управления им. П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Проведенное исследование позволило вы-

явить некоторые особенности брачно-семейных и репродуктивных установок студенческой молодежи.

Большинство опрошенных считают оптимальным возрастом вступления в брак период 23-25 лет для женщин, 26-29 лет для мужчин, такое мнение выразили 78,7 % респондентов. Этот возрастной диапазон обычно связан с завершением образования, наличием стабильного дохода и финансовой независимости от родителей, а также более высоким уровнем осознанности, что способствует созданию семьи. При этом около 10 % готовы отложить заключение брака на более поздний период.

В целом характерной стратегией для студенческой молодёжи является откладывание вступления в брак, по крайней мере, на время после завершения обучения. При обсуждении вопросов о планировании для респондентов создания семьи до 30 лет были получены следующие ответы: «Не особо задавалась таким вопросом. Каждому человеку хочется чувствовать тепло и уют. После 25 лет, когда можно говорить о том, что я твердо «встану на ноги», тогда я задумаюсь о том, чтобы завести семью» (К., девушка, 19 лет). «Смотря для кого что является семьей. Для кого-то «семья» – это просто обручиться, а для кого-то завести детей. Не задумывалась о том, чтобы создавать семью, но в ближайшие лет семь – не планирую создавать семью. Может быть, гипотетически, могу выйти замуж, не более» (Ю., девушка, 20 лет). «Когда у меня уже, скорее всего, будет какая-то работа достаточно стабильная и у моей будущей супруги будет какой-то прочный фундамент, на котором мы сможем выстраивать настолько сложную структуру, как семья...» (А., молодой человек, 20 лет). «Возможно, до 30, но, желательно, 29-30» (К., девушка, 24 года).

Следует отметить, что в большинстве своем молодежь планирует создание семьи, отталкиваясь от такого фактора, как материальное состояние и благополучие. В исследовании мотивации вступления в брак были выявлены ведущие мотивы – для современных студентов таковыми являются

любовь, взаимопонимание, стабильность, защита, наличие человека, с которым тебе не будет скучно и одиноко. В ответах на вопрос «Для чего, по Вашему, люди вступают в брак?» почти все респонденты (80,3 %) отметили, как главную причину наличие поддержки и понимания. По мнению 75,4 % опрошенных, важным мотивом является продолжение рода. Также значительное количество участников (21,3 %) указали на такие причины, как стремление к благоустроенному быту и желание не быть одиноким.

Часть респондентов выделили причины, связанные с обретением независимости и самостоятельности от родителей, а также стремлением жить так, как принято в обществе. Среди других версий можно выделить жизненные принципы и укрепление отношений, которые также играют важную роль в принятии решения о вступлении в брак. Характерные ответы: «В первую очередь, что может подтолкнуть к созданию семьи, наверное, полная самореализация. Это успешная карьера... Только самореализованный человек может решить для себя, что мой этап самореализации пройден, теперь я готов жить ради других» (девушка, 20 лет); «Влияние родственников. Бабушек, дедушек, которые в раннем возрасте выходили замуж и женились, и подталкивают своих детей, к тому, что до 25 лет обязательно надо кого-то найти, иначе кто тебе подаст стакан воды» (девушка, 19 лет); «Длительные отношения, в которых партнеры понимают, что они готовы у такому ответственному шагу, как создание семьи и заключение брака» (парень, 18 лет).

Большинство молодых людей в той или форме упомянули материальную составляющую; в ответе вопрос: «Что является более приоритетным для личностного развития» практически все опрошенные выбрали карьеру, создание семьи же является второй по значимости целью в жизни опрошенных студентов. Большинство респондентов ответили, что для них наиболее приемлем зарегистрированный брак – 60 %, однако 33 % ответили, что они поддерживают обе формы брака. «Брак – это как ритуал того, что вы с человеком вместе. Вы создали какую-то новую «ячейку» обще-

ства. Вы прошли этап отношений, когда вы были поодиночке и стали принадлежать одной семье» (девушка, 20 лет); «Если два человека любят друг друга и не спешат с тем, чтобы пожениться, сожительство – тоже хороший вариант. Я не против» (девушка, 19 лет); «Не хотела бы жить с человеком, а потом не обручиться с ним. Я считаю, что сожительство не альтернатива браку, но это зависит от человека» (парень, 18 лет).

Желаемым типом семьи для студентов является «эгалитарный» – 76 %. За патриархальный (традиционный) высказались 21,5 % человек, а за матриархальный – 2,5 %. Молодёжь стала более рассудительной, готова слушать своего партнёра и принимать все решения вместе. По мнению респондентов, в браке должны быть у всех равные права, лишь один молодой человек ответил, что в браке должен быть главным мужчина, поскольку он является кормильцем в семье.

Всеми студентами было отмечено, что для каждого человека существует свой определённый образ «идеала семьи», большая часть (около 80 %) видит в составе такой «идеальной семьи» любящих друг друга супругов, половина – супругов с детьми.

Проведенное исследование позволяет выделить основную репродуктивную стратегию студенческой молодёжи – откладывание рождения первого ребенка на период после окончания образования. Причины включают необходимость получения качественного образования, нестабильное финансовое положение, материальные трудности, а также желание сначала «встать на ноги» и обеспечить материальное благополучие. Только 4 % студентов хотели бы иметь ребенка во время учебы, причем среди тех, кто уже состоит в браке, доля таковых выше (15 %).

Молодые люди ориентируются преимущественно на среднее желаемое число детей около двух (отметим, что 2,1 ребенка на женщину необходимо для обеспечения простого воспроизводства). На вопрос об идеальном количестве детей для семьи, большинство (57,4 %) указали, что два ребёнка – это

оптимальное количество. Также значительное число (32,8 %) считают, что идеально иметь троих детей. Лишь небольшая часть респондентов предпочли бы ограничиться одним ребёнком, а те, кто хотел бы четырёх и более детей, составляют совсем незначительный процент. Однако при благоприятных условиях допускают возможность многодетности около 12 % респондентов. При этом репродуктивные установки зависят от опыта родительской семьи: воспитанные в больших семьях склонны планировать больше детей.

Наиболее благоприятный возраст для рождения первого ребёнка, по мнению респондентов, варьируется. Большинство молодых людей (76 %) считает, что оптимальный возраст находится в диапазоне 25-28 лет. Это время, когда молодые люди чаще всего завершают образование, начинают строить карьеру и обретают финансовую стабильность, что создаёт основу для заботы о ребёнке. Примерно четверть респондентов (23 %) склоняются к тому, что рожать стоит после 28 лет, что может указывать на стремление к большей зрелости и уверенности в своих силах перед принятием ответственности за воспитание ребёнка. Лишь совсем незначительная часть опрошенных выбрала возрастной диапазон 16-18 лет; около 10 % возрастом рождения первого ребенка называют 19-20 лет. Возможно, это связано с тем, что в таком раннем возрасте люди редко обладают достаточными ресурсами и опытом для полноценного воспитания детей.

По результатам исследования дети имеют важную ценность лишь для 57 человек из 211 опрошенных, тогда как карьера важна для 167 респондентов. Здоровье оказалось очень ценным для 173 человек. Респондентов, считающих, что главной ценностью в жизни является семья, – 159 человек (причем отвечающие говорили о родительской семье, в которой они проживают), а вот брак является главной ценностью в жизни лишь для 1/4 части опрошенных. Таким образом, в динамике личностных ценностей студенческой молодежи на первое место выдвигается карьера и основополагающим фактором к созданию семьи становится материальное благополучие и стабильность.

В целом для студенческой молодежи характерны репродуктивные стратегии, включающие откладывание деторождения, доминируют установки на небольшое количество детей (два ребенка). Это обусловлено сложностями социальной и экономической ситуации, а также желанием молодежи реализоваться в профессиональной сфере.

Многие молодые люди допускают вступление в брак в студенческом возрасте, но откладывают рождение ребенка, что связано и с образовательными и карьерными планами. Половые различия в репродуктивных установках постепенно снижаются, молодежь обоих полов демонстрирует схожие подходы к планированию семьи и ответственному родителству. Немаловажную роль в формировании брачно-семейных установок студентов играют социальные и культурные факторы, такие как модель родительской семьи, уровень образования, влияние средств массовой информации и социальных сетей.

Для повышения эффективности реализации репродуктивных планов молодежи необходима системная просветительская работа в области поддержки семейных ценностей и развитие мер государственной поддержки студенческих семей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пашутко Д.С., Супрун А.Ю. Кризис института брака и семьи в современном российском обществе // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16-18 ноября 2023 года. Санкт-Петербург: ООО Издательский дом «Сциентиа», 2023. С. 1953-1954.

2. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnyye-plany-rossijan-dva-pishem-tri-v-ume> (дата обращения: 30.09.2025).

3. Гайдар К.М., Севергина М.А. Год семьи и поддержка студенческих семей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2024. № 1. С. 123-128.

4. Ростовская Т.К., Пачин А.В. Студенческая семья как ключевое направление нового национального проекта «Семья» // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5. № 1. С. 152-166. DOI 10.19181/demis.2025.5.1.9.

5. Репродуктивный потенциал молодой семьи: анализ социологического исследования / Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева, Н.А. Соловьева, Е.С. Азарова // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reproduktivnyy-potentsial-molodoy-semi-analiz-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 01.10.2025).

УДК 316.334.56

БЛАГОУСТРОЙСТВО УНИВЕРСИТЕТСКОГО КАМПУСА В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Чернецкая Анжела Альбертовна,
*к.социол.н., доцент кафедры «Политология и социология»
Саратовского государственного
технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
E-mail: acherneckaya@mail.ru*

Курочкина Марина Андреевна,
*магистрант 3 курса направления «Социология»,
профиль «Социальная урбанистика и социология города»
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
E-mail: mariakurochkina@bk.ru*

Аннотация. *Статья рассматривает университетский кампус с двух сторон: во-первых, в системе внешних связей в качестве субъекта устойчивого городского развития, во-вторых, как самостоятельную систему внут-*

ренных связей. Представлен план, отражающий концептуальную рамку исследовательского проекта, направленного на комплексное изучение формирования и функционирования кампусного пространства современного университета в контексте стратегического развития городской среды. Мы стремимся установить, как университетские кампусы могут стать центрами инноваций, социальных изменений и культурного взаимодействия, содействуя развитию как образовательной инфраструктуры, так и города в целом.

Ключевые слова: университетский кампус; регион; современный университет; стратегическое развитие

BEAUTIFICATION OF THE UNIVERSITY CAMPUS IN THE CONTEXT OF THE STRATEGIC DEVELOPMENT OF THE URBAN ENVIRONMENT

Angela Chernetskaya,

*PhD (Social Sciences), Associate Professor,
Department of Political Science and Sociology*

Saratov State Technical University

named after Yuri Gagarin, Russian Federation, Saratov

Marina Kurochkina,

2nd year Master's degree in Sociology, profile

«Social Urbanism and Urban Sociology»

Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin,

Russian Federation, Saratov

Abstract. *The article examines the main areas of influence of universities in the regions of Russia. A plan is presented reflecting the conceptual framework for the implementation of a research project aimed at a comprehensive study of the formation and functioning of the campus space of a modern university in the context of the strategic development of the urban environment. We aim to establish how university campuses can become centers of innovation, social change, and cultural interaction, contributing to the development of both educational institutions and cities in general.*

Keywords: *university campus; region; modern university; strategic development*

Город представляет собой динамичную структуру, сочетающую пространства разного типа и назначения. Классификация этих пространств подразделяется на типы по функциональности, масштабу, культурной и исторической значимости, пешеходной и транспортной проницаемости, а также доступности. Каждое из таких пространств играет свою важную роль в жизни и развитии города, обеспечивая комфорт и удобство для его жителей.

Одним из важных объектов городского пространства сегодня является университет в качестве высшего уровня образовательной инфраструктуры. Университет как градостроительная структура, может представлять собой единое здание, комплекс связанных или несвязанных между собой зданий на одной территории либо несколько зданий (корпусов), располагающихся на разных территориях в пределах одного города. В последние годы наблюдается тенденция симбиоза научной, социальной и спортивной инфраструктуры в высших учебных заведениях, которая способствует развитию не только университета, но и города, региона, страны.

Актуальность исследования данной темы обусловлена возрастающей ролью университетов как ключевых акторов социально-экономического и культурного развития городских пространств. Взаимодействие университетов с городской средой формирует устойчивые модели, способствующие решению локальных и глобальных проблем. Несмотря на это, тема исследования социального взаимодействия города и университета является относительно новой в отечественной научной литературе, что указывает на потребность в изучении университета и города в поле зрения социального взаимодействия. Объектом нашего исследования является университетский кампус как модель устойчивого взаимодействия университета и города. В качестве предмета исследования выступает социальное взаимодействие университета и города. Цель нашего исследования состоит в анализе структур и механизмов социального взаимодействия между университетом и городским пространством. Мы стремимся установить, как университет-

ские кампусы становятся центрами инноваций, социальных изменений и культурного взаимодействия, содействуя развитию как учебных заведений, так и городов в целом. В академических публикациях последних лет выделяются несколько основных направлений влияния университетов на региональное развитие. Рассмотрим их подробнее.

Экономическое развитие. Университетские кампусы привлекают студентов, преподавателей и исследователей, что способствует росту экономики региона. Это происходит за счёт следующих факторов:

- увеличение спроса на жильё: студенты нуждаются в местах для проживания, что стимулирует строительство жилья и аренду недвижимости;
- рост малого бизнеса: наличие большого числа студентов создаёт спрос на услуги кафе, магазинов, транспортных компаний и других предприятий сферы услуг;
- создание рабочих мест: университеты создают рабочие места не только для преподавателей и научных сотрудников, но также для обслуживающего персонала, строителей, IT-специалистов;
- развитие инновационных кластеров: многие университеты сотрудничают с бизнес-сообществом, создавая технопарки и инкубаторы стартапов, что привлекает инвестиции и развивает инновационные отрасли.

Социальное развитие. Присутствие университетов влияет на социальную структуру региона следующим образом:

- повышение уровня образования населения: местные жители могут получать качественное образование, что повышает общий уровень грамотности и квалификации рабочей силы;
- привлечение талантливых специалистов: регионы с сильными университетскими кампусами становятся привлекательными для высококвалифицированных кадров, что улучшает качество трудовых ресурсов;
- обогащение культурной среды: университеты часто организуют культурные мероприятия, выставки, лекции и концерты, способствуя развитию культурной жизни региона;

- снижение социальной напряжённости: образовательные учреждения способствуют интеграции различных социальных групп, что может уменьшить социальное напряжение и способствовать толерантности.

Научно-техническое развитие. Университеты являются центрами научной деятельности, что оказывает значительное влияние на научно-технический прогресс региона:

- проведение исследований и разработок: университеты проводят научные исследования, которые могут привести к созданию новых технологий и продуктов, полезных для местного производства;

- подготовка квалифицированных специалистов: выпускники университетов пополняют ряды инженеров, учёных, врачей и других профессионалов, необходимых для развития высокотехнологичных отраслей;

- трансфер знаний и технологий: университеты активно участвуют в передаче знаний и технологий от академической среды к бизнесу, что ускоряет внедрение инноваций в производство.

Экологическое развитие. Современные университетские кампусы всё чаще внедряют экологически устойчивые практики:

- зелёные технологии: университеты разрабатывают и применяют зелёные технологии, такие как энергоэффективные здания, системы очистки воды и переработки отходов;

- эко-образование: студенты получают знания о защите окружающей среды, что формирует у них ответственное отношение к природе;

- исследования в области экологии: университеты занимаются научными исследованиями в сфере экологии, что помогает находить решения экологических проблем региона.

Туристическая привлекательность. Университетские кампусы могут стать достопримечательностями, привлекающими туристов:

- исторические здания: многие старые университетские комплексы имеют историческую ценность и привлекают внимание туристов;

- культурные события: фестивали, конференции и другие мероприятия, проводимые университетами, могут привлекать посетителей из других регионов и стран;

- образовательный туризм: некоторые люди приезжают специально для участия в образовательных программах или курсах, проводимых университетами [2, 3, 4].

Представленный нами перечень отражает концептуальную рамку исследовательского проекта, направленного на комплексное изучение формирования и функционирования кампусного пространства современного университета в контексте стратегического развития городской среды. В период глобализации и интернационализации высшего образования, кампус перестает быть исключительно физическим местом сосредоточения учебных корпусов и общежитий [5, 6]. Он трансформируется в сложную социокультурную систему, оказывающую непосредственное воздействие на академическую успеваемость, социальную адаптацию и общее благополучие студентов и преподавателей. В этом контексте приобретают особую актуальность следующие позиции.

Глобализация и интернационализация образования. Рост количества иностранных студентов и преподавателей требует адаптации кампусного пространства к культурным особенностям и потребностям различных групп.

Повышение значимости студенческого опыта. Современные университеты все больше внимания уделяют созданию благоприятной среды для развития личности студентов, что включает в себя не только академическую, но и социальную, инклюзивную, культурную и психологическую поддержку.

Развитие концепции «университетского города». Интеграция кампуса в городскую среду и взаимодействие с местным сообществом становится важным фактором повышения конкурентоспособности университета и улучшения качества жизни как студентов, так и горожан.

На этом фоне важную роль играет выявление и анализ особенностей социокультурной среды кампусного пространства современного университета, в том числе с помощью создания эффективной системы обратной связи.

Разработка рекомендаций по оптимизации функционирования и повышения привлекательности университетского кампуса для абитуриентов, студентов, административных структур, профессорско-преподавательского, вспомогательного, технического персонала, внешних заинтересованных сторон и партнеров предполагает решение нескольких задач, которые мы объединяем в два этапа.

Анализ динамических особенностей социокультурной среды кампусного пространства современного университета:

– провести теоретический анализ подходов к изучению социокультурной среды кампуса;

– разработать методологию исследования, включающую качественные и количественные методы сбора и анализа данных в стратегии кейс-стади (анкетирование, интервью, наблюдение, контент-анализ);

– провести эмпирическое исследование социокультурной среды выбранных кампусов;

– выявить ключевые факторы, влияющие на формирование социокультурной среды кампуса (традиции, ценности, нормы, корпоративная культура);

– разработать рекомендации по оптимизации социокультурной среды кампуса, направленные на создание комфортной и инклюзивной среды для учебной и внеучебной деятельности.

Создание эффективной системы сбора предложений на территории университета:

– размещение ящиков для предложений в стратегически важных точках кампуса (учебные корпуса, общежития, библиотеки, административ-

ные здания) с целью обеспечения доступности системы для всех членов университетского сообщества;

- разработка и утверждение регламента обработки предложений, определяющего сроки рассмотрения, критерии оценки, порядок принятия решений и механизм информирования авторов о результатах рассмотрения их предложений;

- проведение обучающих семинаров для сотрудников административных подразделений, ответственных за обработку предложений, с целью повышения их квалификации и обеспечения единообразного подхода к рассмотрению предложений;

- организация информационной кампании, направленной на популяризацию системы сбора предложений и повышение осведомленности студентов и сотрудников о возможностях ее использования;

- проведение регулярного анализа полученных предложений и оценки эффективности работы системы сбора предложений.

Полученные результаты будут полезны для разработки стратегии и практик развития кампусов, учитывающих потребности и интересы университетских сообществ и внешних заинтересованных сторон.

Внедрение системы сбора предложений является важным шагом на пути к созданию более открытого, прозрачного и эффективного университета. Активная система обратной связи позволит выявлять и решать не только текущие проблемы, но и стратегические задачи развития инноваций и повышения качества образования.

Инвестиции в данный проект являются инвестициями в будущее университета и его конкурентоспособность на национальном и международном уровнях.

В этом контексте развитие университетского кампуса становится не просто вопросом образования, а важной составляющей устойчивого будущего.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дремова О.В., Щеглова И.А. Третья миссия университетов в России: тренд на (не)коммерциализацию? // Университетское управление: практика и анализ. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tretya-missiya-universitetov-v-rossii-trend-na-ne-kommertsializatsiyu> (дата обращения: 21.08.2025).

2. Емельянова И.Н. Стратегические приоритеты классического университета: контент-анализ миссий // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 5 (105). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskie-prioritety-klassicheskogo-universiteta-kontent-analiz-missiy> (дата обращения: 21.08.2025).

3. Зобова М.Г. Обновление архитектурно-градостроительной типологии университетских кампусов в России // Вестник ОГУ. 2015. № 5 (180). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obnovlenie-arhitekturno-gradostroitelnoy-tipologii-universitetskih-kampusov-v-rossii> (дата обращения: 22.08.2025).

4. Фирсова А.А., Челнокова О.Ю. Модели взаимодействия университета и региона // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2013. № 4-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-vzaimodeystviya-universiteta-i-regiona> (дата обращения: 22.08.2025).

5. Чернецкая А.А., Пименова А.А. Студенческий кампус на транспортной карте города // Темпорализм социального служения: сборник научных трудов по итогам Общероссийской научно-практической конференции в смешанном формате круглого стола. Саратов, 29 – 30.09.2023 г. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2024. 288 с.

6. Ярская-Смирнова В.Н. Социальное время в контексте исследования молодежи российского провинциального города / В.Н. Ярская–Смирнова, А.А. Калайджян // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 22. № 4 (156). С. 196-202.

ИМПАКТ-ИНВЕСТИРОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РЕГИОНА

Щербань Елена Геннадьевна,
к.э.н., доцент кафедры государственного
и муниципального управления Поволжского
института управления имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Россия, Саратов
E-mail: shcherban-eg@ranepa.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается импакт-инвестирование как современный подход к управлению региональным развитием, ориентированный на решение локальных социальных проблем через привлечение частного капитала. Импакт-инвестирование основывается на принципе интеграции экономической, социальной и экологической результативности, обеспечивая мультипликативный эффект на территориальном уровне. Обоснована необходимость комплексной государственной политики, направленной на стимулирование предложения капитала, регулирование его направленности и формирование устойчивого спроса на социально значимые проекты.*

***Ключевые слова:** импакт-инвестирование; социальные проблемы; устойчивое развитие; инвестиционная политика*

IMPACT INVESTING AS A MECHANISM FOR SOLVING SOCIAL PROBLEMS IN THE REGION

Elena Shcherban,
PhD (Economics), Associate Professor,
Department of State and Municipal Administration,
Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin –
branch of Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration, Russia, Saratov

***Abstract.** The article discusses impact investment as a modern approach to regional development management, which focuses on solving local social problems*

through the attraction of private capital. Impact investment is based on the principle of integrating economic, social, and environmental performance, providing a multiplicative effect at the territorial level. The article substantiates the need for a comprehensive government policy aimed at stimulating the supply of capital, regulating its direction, and creating a sustainable demand for socially significant projects.

Keywords: *impact investment; social issues; sustainable development; investment policy*

В последние годы растёт интерес инвесторов к вложениям, приносящим не только экономический доход, но и общественную пользу, в том числе в рамках специально разработанных социальных инвестиционных инициатив. Руководители компаний всё чаще осознают, что внедрение современных управленческих подходов способствует укреплению конкурентных позиций и повышению доверия со стороны общества. Это является сигналом того, что деловая среда переходит к человекоцентричной культуре. В этой связи всё большее значение придаётся потенциалу инвестиций в части их способности создавать мультипликативный социально-экономический эффект на территории. Несмотря на то, что получение прибыли по-прежнему остаётся ключевым показателем успеха в бизнесе, а обеспечение социального благополучия – основной задачей государства, сегодня бизнес и инвесторы всё чаще сталкиваются с необходимостью реагировать на вызовы: интенсификация потребления ресурсов, рост социальной напряжённости и другие. При этом не только транснациональные корпорации, но и представители малого и среднего бизнеса все чаще учитывают принципы ESG (экологического, социального и корпоративного управления) в своих инвестиционных и управленческих решениях [2, с. 105].

Импакт-инвестирование – это современный подход к инвестированию, сочетающий финансовую отдачу с измеримым положительным социальным и/или экологическим воздействием [3; 5]. Импакт-инвестирование ориентировано на интеграцию финансовой и нефинансовой эффективности, а именно –

неразрывное и системное единство экономической, социальной и экологической результативности. В рамках данного подхода решение социальных и экологических проблем осуществляется посредством применения инвестиционных инструментов, адаптированных к специфике территории реализации проектов и учитывающих риски и возможности, связанные не только с финансовыми показателями, но и с экологическими и социальными факторами.

Ранее социальная компонента устойчивого развития зачастую рассматривалась как второстепенная или сводилась к благотворительной деятельности; однако в настоящее время всё более очевидно, что социальная стабильность напрямую коррелирует с конкурентоспособностью бизнеса и качеством экономического роста.

В последнее время бизнес уделяет все большее внимание таким аспектам, как социальная справедливость, гендерное равенство, а также обеспечение всеобщего доступа к качественному образованию и здравоохранению. Социальные инвестиции организаций в виде программ профессионального развития и улучшения условий труда всё чаще интегрируются в их стратегические планы. Рост качества человеческих ресурсов оказывает прямое влияние как на устойчивость организаций, так и на конкурентоспособность регионов.

Особенностью импакт-инвестирования является неотъемлемое участие государства. Потребность в государственном и институциональном стимулировании импакт-инвестирования подтверждается эмпирическими данными, свидетельствующими о существовании устойчивой положительной корреляции между высоким уровнем реализации экологических, социальных и управленческих практик (ESG-критерии) и ключевыми показателями корпоративной финансовой устойчивости и эффективности [5, с. 131]. Исследования, охватывающие компании различных отраслей, демонстрируют, что организации, интегрирующие ESG-принципы в свою стратегию, демонстрируют более высокую рентабельность капитала, снижение операционных

и репутационных рисков, в том числе за счет улучшенного доступа к финансированию. Это позволяет рассматривать импакт-инвестирование как рациональный инвестиционный механизм, способствующий одновременному достижению финансовых целей и решению системных социально-экологических задач, что обосновывает необходимость создания благоприятной нормативной и институциональной среды для её масштабирования.

Государственная политика по содействию развитию импакт-инвестирования должна быть комплексной и охватывать три взаимосвязанных направления: стимулирование предложения капитала, управление его направленностью и формирование устойчивого спроса на социальные и экологические инвестиции. В данной связи, государство должно выступать регулятором, но и активным участником инвестиционного процесса, например, через механизмы соинвестирования и развитие государственно-частного партнёрства. Одновременно оно может влиять на объём и структуру предложения капитала, устанавливая чёткие инвестиционные правила, требования к прозрачности и стандарты отчётности.

Решению данной группы задач, в частности, служит внедряемый в настоящее время в Саратовской области Стандарт общественного капитала бизнеса – национальная система оценки вклада компаний в долгосрочное общественное благосостояние и социально-экономическое развитие России [1]. Стандарт включает около 90 показателей по четырём направлениям [4]:

- Стабильное стратегическое развитие.
- Забота о сотрудниках и членах их семей.
- Поддержка социальных программ и укрепление страны.
- Охрана окружающей среды.

В зависимости от значения сводного показателя общественного капитала могут приниматься решения о предоставлении мер финансовой и нефинансовой поддержки со стороны государства и институтов развития. Среди конкретных мер для малого и среднего бизнеса – информационно-

консультационная и медиаподдержка, помощь персонального методолога и бесплатная подготовка отчетов устойчивого развития.

Меры регулирования направленности вложений должны быть ориентированы на усиление измеримого социального и экологического эффектов инвестиций. Это достигается с помощью инструментов экономического регулирования – дифференцированного налогообложения, целевых субсидий, грантов, гарантий по рискам, а также требований к раскрытию нефинансовой отчётности (в том числе по ESG-показателям). Важную роль играет также развитие институтов посредничества – платформ для проектного финансирования, способных соединять инвесторов с социально значимыми инициативами, а также центров компетенций, которые могут оптимизировать процессы и сократить сроки оформления документов органами власти.

Кроме того, необходимо целенаправленно формировать и расширять спрос на импакт-инвестиции. Это предполагает создание благоприятной институциональной среды: поддержку социального предпринимательства, содействие в подготовке и пилотировании инвестиционно привлекательных проектов в таких сферах, как устойчивое сельское хозяйство, здравоохранение, образование, «зелёная» энергетика и инклюзивная инфраструктура. Особое значение при этом имеет создание «корпоративных» или квазигосударственных структур, способных агрегировать социальные задачи и трансформировать их в инвестиционные возможности. Такой многовекторный подход позволяет не только преодолеть структурные барьеры на зарождающемся рынке импакт-инвестиций, но и обеспечить синергию между частным капиталом, общественными целями и государственной политикой устойчивого развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. В Саратовской области обсудят внедрение Стандарта общественного капитала для бизнеса // Новости – Инвестиционный портал Саратов-

ской области. URL: https://investinsaratov.ru/ru/events/news/detail.php?ELEMENT_ID=5307 (дата обращения: 10.10.2025).

2. Влияние устойчивого развития на формирование глобальных экономических стратегий и локальных инвестиционных решений / О.А. Григорьева, Л.Д. Максимова, Э.Н. Урматова, Е.В. Терентьева, Ф.Д. Орлов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 15. № 2А. С. 103-117.

3. Панкрухина А.М., Лифановская О.В., Петренко М.Т. Импакт-инвестирование как инструмент повышения эффективности решения задач в социальной сфере // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № s2. URL: <https://esj.today/PDF/68FA-VN223.pdf>. (дата обращения: 10.10.2025).

4. Стандарт общественного капитала. АНО «Общественный капитал». URL: <https://ano-capital.ru/> (дата обращения: 10.10.2025).

5. Шильников А.А. Импакт-инвестирование как новое направление финансирования // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2024. № 1 (79). С. 127-135.

УДК 316

ИНФОРМАЦИЯ КАК АТРИБУТ БИФУРКАЦИОННОГО ВРЕМЕНИ

*Шишкина Елена Александровна,
доктор социологических наук, доцент, профессор
Астраханского государственного архитектурно-
строительного университета, Россия, Астрахань
E-mail: cosmos717@mail.ru*

Аннотация. Информация как неотъемлемая часть социального и внесоциального мира используется человечеством на всём протяжении своего существования для жизнеобеспечения и познания объективной реальности, но лишь на рубеже XX-XXI тысячелетий в условиях смены глобального миропорядка обретает первостепенную значимость. Она утра-

чивает созидательные и обретает разрушительные свойства, что обусловлено процессами социальной бифуркации исторического времени.

Ключевые слова: информация; время; бифуркация; социальная эволюция

INFORMATION AS AN ATTRIBUTE OF BIFURCATION TIME

Elena Shishkina,
Dr. Sci. Sociol., Associate Professor,
Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering,
Russia, Astrakhan

Abstract. *Information, as an integral part of the social and extra-social world, is used by humanity throughout its existence for life support and knowledge of objective reality, but only at the turn of the XX-XXI millennia, in the context of a change in the global world order, it acquires paramount importance. It loses its creative properties and gains destructive properties, which is due to the processes of social bifurcation of historical time.*

Keywords: *information; time; bifurcation; social evolution*

Элемент времени присутствует во всех картинах Мира – философской, мифологической, религиозной, наконец, научной. Но лишь вторая ступень научной картины, возникновение которой гипотетически связывают с развитием человеческой цивилизации, вводит новый регистр, объясняющий радикальные социальные перемены, которые испытывает человечество на рубеже второго и третьего тысячелетий, – информацию. Как вечный атрибут вечной материи она присутствует в окружающем мире всегда и является для человека источником знаний о нём. Необходимость выживания в природных и социальных условиях от самых ранних стадий исторической эволюции до сегодняшнего дня обусловили жизненную потребность в сборе и оценке информации. Эту естественную необходимость знать всё больше фактов В. Садовничий объясняет безусловным рефлек-

сом безопасности, поскольку человек не был защищён от природных явлений или её обитателей [4, с. 11], а время, историческое и социальное, определяет характер взаимодействия с информационными субстанциями.

Пространство и время как универсальные физические, биологические, социальные феномены воспринимаются индивидуальным и групповым сознанием посредством чувственных и аналитических процессов, которые на выходе становятся информацией, пригодной к использованию. Они образуют фундамент жизненного мира людей, называемый Ж.Т. Тощенко совокупностью накопленного повседневного и исторического опыта, позволяющего человеку оперировать информацией в различных социальных условиях [5, с. 6], раздвигать пространственно-временные границы познания всего многомерного мироздания. Сохраняясь во времени в виде предметов, символов, знаков, текстов, свидетельствующих о некогда имевших место событиях и фактах, социальный хронотоп обретает информационные свойства. Способность индивидуального и общественного разума понимать, анализировать и расшифровывать информационные сведения, присутствующие в различных формах материи, позволяют человеку ориентироваться в пространстве и времени, обеспечивать жизненные потребности и конструировать антропологический базис исторического знания.

Накопленный информационный материал становится регулятором общественных отношений, соответствующих конкретному эпохальному времени и жизненной необходимости. Это обстоятельство позволяет признать феномен информации важнейшим, постоянно присутствующим и незаменимым инструментом управления всей социальной эволюцией. Отсюда закономерен вопрос: почему на всём протяжении исторического времени ей не уделялось достаточного внимания с точки зрения научной оценки её участия в регуляции общественных процессов? Лишь на рубеже XX – XXI веков феномен информации обретает всеобъемлющее звучание, указывающее на её первостепенную роль в социальном развитии. Современ-

ная наука признала необходимость построения новой концептуальной теории, соответствующей времени перехода социальной системы в новое качество. Это время «приступило» к её раскачиванию, разрушению её связей и целостности «руками» информационных технологий.

Попытка концептуализации ролевой значимости информации в современных условиях обращена автором ко времени, в диапазоне которого человечество находится в зоне бифуркации – территории разветвления единого исторического канала на множество самостоятельных траекторий. Это состояние И. Пригожин и И. Стенгерс рассматривают как противоречие между инновационным временем и периодически повторяющимся временем стабильного материального мира [3, с. 9]. А процесс «расчленения» единой социальной эволюции позволяет обнаружить новый оценочный феномен – бифуркационное время – период выхода системы из равновесия, разрыва связей, скрепляющих её, гибель старого и становление нового миропорядка.

В этих условиях становится видно, как в диапазоне различных временных отрезков существования общества, на что указывает Н. Н. Моисеев, одни и те же константы исторического процесса обретают разные смыслы для конструирования той информационной среды, в диапазоне которой возможно оценивать происходящие события и прогнозировать возможные повороты истории [2, С. 3-30]. Возрастающий научный интерес к информации и её социальной роли становится объяснимым посредством углубления в смыслы общественного пространства-времени как резервуара антропогенных практик, подчинённых разрушающему влиянию информационных субстанций. И.П. Гетманов видит теснейшую связь информации с энтропией и указывает на эффективность этих понятий там, где изучаются организация и дезорганизация любого рода систем [1, С. 5].

Информатизация глобального социума вызвала эффект деструктуризации социального организма, разрушение его физического, психического и нравственного благополучия. Потому неделимой целостностью, опреде-

ляющей ход и качество исторического процесса, выступают уже не столько пространство и время, сколько триединство пространства – времени – информации. В.Н. Ярская констатирует, что, проявляясь в форме глобальной нелинейности, дискретности и инверсии, время становится многомерным – гипервременем» [8, С. 315]. Оно есть бифуркационное время, ведущее к построению информационной картины Мира со множеством измерений. И главнейшим критерием, связывающим информацию с бифуркационным временем и объясняющим её дисфункциональные свойства, становятся её количественные показатели. Так, во все прежние эпохи количество информации не было избыточным. Из разрозненных единичных фактов она становилась целостностью по мере их накопления, систематизации, анализа, выполняя функцию жизнеобеспечения, укрепления социальных связей, сохранения устойчивости социальной системы. В масштабе бифуркационного времени информация становится переизбыточной, поскольку её накопление происходит не только способом наблюдения за окружающей действительностью, но и производится самими обществом. Не вмещаясь в пространство социума и оказывая на него давление, она влечёт его разрушение. Так, согласно И.П. Гетманову, социальная система, накапливающая информацию, приводит к колоссальным неравновесным состояниям, приводящим к нарастанию энтропии и хаосу [1, С. 6].

Таким образом, дисфункции информационного общества следует связать с переизбытком информационных субстанций, которые в условиях бифуркационного времени оказывают злокачественное влияние на социальную реальность: из интегрирующей и созидательной информация преобразуется в деформирующую и разрушающую.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гетманов И.П. Циклические закономерности энтропийно-информационных взаимодействий в процессе ноосферогенеза // Циклы: материалы Пятой Междунар. конф. Ставрополь. 2003. Т. 4.

2. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез цивилизационные разломы: Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. 1995. № 1.

3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / пер. с англ. под общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. Москва: Прогресс, 1986.

4. Садовничий В. Знание и мудрость в глобализирующемся мире // Философия и будущее цивилизации: материалы IV Российского философского конгресса. Москва, 2005.

5. Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // СОЦИС. 2016. № 1. С. 6-17.

6. Ярская В.Н. Темпорализм в политике социального государства // Вестник СГТУ. 2011. № 4 (60). Вып. 2. С. 312-319.

УДК 37.013.2

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СТРУКТУРЫ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

***Шляпников Сергей Евгеньевич,**
старший преподаватель кафедры дефектологии
Томского государственного педагогического университета,
Россия, Томск*

E-mail: spesnaz-s@bk.ru

***Степаненко Софья Павловна,**
старший преподаватель кафедры
психолого-педагогического образования
Томского государственного педагогического университета,
Россия, Томск*

E-mail: sofya96stepanenko@mail.ru

***Аннотация.** В статье представлены результаты эмпирического исследования смысложизненных ориентаций студентов педагогического высшего учебного заведения в контексте теории системной организации психологического времени.*

Ключевые слова: темпоральность; смысложизненные ориентации; педагогическое образование

TEMPORAL ASPECT OF STUDY OF PEDAGOGICAL HEADQUARTERS STRUCTURE

Sergej Shlyapnikov,

*Senior Lecturer, Department of Defectology
Tomsk State Pedagogical University, Russia, Tomsk*

Sofya Stepanenko,

*Senior Lecturer in the Department Psychological
and pedagogical education
Tomsk State Pedagogical University, Russia, Tomsk*

***Abstract.** The article presents the results of an empirical study of the meaning-life orientations of students of a pedagogical higher educational institution in the context of the theory of systemic organization of psychological time.*

***Keywords:** temporality; meaning-life orientations; pedagogical education*

Современное социальное бытие характеризуется высоким уровнем динамичности: увеличивается скорость социальных и информационных процессов, изменяются условия взаимодействия социальных субъектов. Изменение форм социального пространства и коммуникации приводит и к изменению системы ценностей, долговременных стратегий социальных субъектов, как отдельных личностей и социальных групп.

Особенно ярко все эти процессы проявляются в системе высшего образования. Будущие педагоги дезориентированы, не знают, к каким изменениям в обществе и системе образования им готовиться. В том числе наблюдается и дезориентация на уровне темпоральной организации сознания.

Для рассмотрения проблемы темпоральности в контексте подготовки педагогов сегодня используется компетентностный подход к педагогиче-

ской деятельности, отражённый в работах таких авторов как В.А. Болотов, И.А. Зимняя, В.В. Сериков, Ю.Г. Татур, Компетентный подход предполагает, что результатом образовательного процесса должен стать не комплекс развитых компетенций в различных сферах.

Содержание образования формирует у обучающихся систему навыков для какой-либо профессиональной деятельности, в том числе и умение организовать своё время.

В этом контексте требуются определённые методики формирования темпоральной компетентности будущих педагогов.

С нашей точки зрения наибольшим эвристическим потенциалом для разработки таких методик обладает концепция, основанная на понятии смысложизненных ориентаций. Как отмечают Попова Т.А. и Цилина М.И., смысложизненные ориентации рассматриваются как целостная система избирательных и сознательных связей, отражающих как личностные приоритеты, осмысленность оценок и выборов, так и личностно-профессиональные [6, с. 27].

Всю эту сложную систему профессиональных выборов и смысловых связей между ними, безусловно необходимо рассматривать в контексте субъективной темпоральности личности.

В работах авторов, работающих в рамках системной организации психологического времени личности Е.И. Головахи, А.А. Кроника, таких как Н.Б. Кучеренко [2], С.Н. Кучеренко [3], структура смысложизненных ориентаций непосредственно связывается со структурой субъективной темпоральности.

Имея определённую стратегию личностно-профессионального развития, студент выбирает соответствующие сценарии профессионального и личностного роста, представляющие собой некоторую структуру событий и оценки связи между ними. В результате у студента выстраивается определённая стратегия личностно-профессионального развития.

Для выявления структуры личностно-профессионального компонента смысложизненных ориентаций и их взаимосвязи со структурой темпоральности, нами было проведено эмпирическое исследование. В выборку было включено 200 студентов Факультета психологии и специального образования Томского Государственного Педагогического Университета в возрасте от 20 до 35 лет. Из них 70 % женщин, 30 % мужчин.

В исследовании использовались методики «Опросник самоорганизации деятельности» Е.Ю. Мандриковой [4] и методика «Смысложизненные ориентиры» Д.А. Леонтьева [5]. Анализ статистических данных проводился методом анализа распределения целевых показателей в выборке.

При анализе показателей по методике Е.Ю. Мандриковой были сделаны следующие выводы:

1. По шкале «Планомерность» 60 % студентов продемонстрировали средний уровень, 30 % высокий и 10 % низкий. Из этого следует, что планирование развито слабо, поставленная цель не всегда бывает реалистична. Эффективные системы планирования и целеполагания использует незначительное количество респондентов.

2. По шкале «Фиксация» у 70 % наблюдаются низкие показатели, у 20 % средние, у 10 % высокие. Это говорит о том, что большинство студентов ищут альтернативные способы решения образовательных задач, выбирают для себя наиболее продуктивную образовательную траекторию. Только 10 % демонстрируют ригидные формы поведения, неготовность быстро менять модель поведения.

3. По шкале «Самоорганизация» у 60 % респондентов средний уровень, у 25 % высокий, у 15 % низкий. То есть большинство студентов способны к самоорганизации своей образовательной деятельности, но систематически демонстрируют этот навык только 25 % студентов. 15 % не могут организовать свою образовательную деятельность без контроля со стороны педагогов.

4. По шкале «Ориентация на настоящее» у 70 % высокие показатели, у 30 % низкие. Это говорит о том, что большинство респондентов ориентированы на настоящее, «живут сегодняшним днём», не выстраивая длительную временную перспективу. 30 % ориентированы на будущее, имеют длительную временную перспективу.

5. Высокий «Общий индекс самоорганизации деятельности» имеют 60 % студентов, 25 % средний, 15 % низкий. То есть, большинство способно организовать себя, выстраивать временную перспективу, понимают последствия своих действий. Но эти навыки не носят системного характера.

По методике «Смыслжизненные ориентиры» Д.А. Леонтьева были получены следующие результаты.

1. По общему показателю осмысленности жизни 48 % студентов имеют средний уровень, 33 % – высокий уровень, 19 % – низкий уровень. Полученные результаты свидетельствуют о соответствии общего показателя осмысленности жизни преобладающей части студентов нормативному диапазону.

2. По субшкале «Цели в жизни» средние показатели имеют 45 % студентов, высокие показатели – 32 % студентов и для 19 % характерен низкий уровень. Большая часть респондентов характеризуется наличием реалистичных целей в будущем, определяющих временную перспективу и задающих вектор жизненной активности.

3. По субшкале «Процесс жизни» у 55 % студентов средние показатели, у 26 % – высокие, низкие показатели характерны для 19 % студентов. Полученные результаты свидетельствуют о том, что преобладающая часть респондентов имеет достаточный уровень сосредоточенности на настоящем, воспринимая собственную жизнь как эмоционально насыщенную. Для 19 % студентов свойственна неудовлетворенность своей жизнью в настоящий момент, вследствие чего источник смысла жизни для этой ча-

сти испытуемых может находиться в воспоминаниях о прошлом или нацеленности на будущее.

4. Средние показатели по субшкале «Результативность жизни» имеет 54 % студентов, высокие – 31 % студентов, низкие – 15 % студентов. Следовательно, большая часть студентов склонна достаточно высоко оценивать значимость прожитого отрезка жизни, воспринимая его как осмысленный и продуктивный период.

5. По субшкале «Локус контроля – жизнь» у 52 % студентов наблюдаются средние показатели, у 33 % – высокие, у 15 % – низкие. Студенты преимущественно воспринимают жизнь как процесс, который поддается сознательному контролю. Для 15 % респондентов свойственна убежденность в иллюзорности свободы выбора и бессмысленности долгосрочного планирования и целеполагания.

По результатам эмпирического исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Формирование смысложизненных ориентаций является одним из важнейших компонентов в формировании профессиональных компетенций специалистов в системе высшего педагогического образования.

2. Необходимо дальнейшее изучение потенциала системной теории организации личного времени и концепции смысложизненных ориентаций в теории и практике подготовки специалистов в системе педагогического образования. Рассмотрение смысложизненных ориентаций в контексте темпоральной организации сознания открывает новые возможности для разработки эффективных психолого-педагогических практик.

3. Большинство студентов способно организовать себя, выстраивать временную перспективу, понимают последствия своих действий. Но необходима систематически организованная работа по формированию навыка самоорганизации в контексте различных учебных курсов.

Формирование целостной системы смысложизненных ориентаций необходимо осуществлять с учётом темпорального фактора. С одной стороны, это связано с тем, что формирование осмысленного образа будущего, связанного с профессиональной деятельностью, должно осуществляться исходя из представлений о темпоральности как системообразующем факторе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Косикова Л.В., Лях Ю.В. Особенности смысложизненных ориентаций безработной молодежи с различными факторами, препятствующими трудоустройству // Психология обучения. 2016. № 10. С. 122-128.

2. Кучеренко Н.Б. Психологическое время как интегральная характеристика личности. Томск: Пеленг, 2001. 192 с.

3. Кучеренко С.Н. Личность в новом коммуникативном пространстве // Социальная работа, реклама и связи с общественностью в новом коммуникативном пространстве: материалы 2 Всероссийской конференции. Томск: Изд-во ГУ «Томский ЦНТИ», 2005. С. 15-19.

4. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. Москва: Смысл, 2000. 18 с.

5. Мандрикова Е.Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 87-111.

6. Попова Т.А., Цилина М.И. Смыслы и ценности. Структурные компоненты смысложизненных ориентаций // Психологические проблемы смысла жизни и акме: электронный сборник материалов XXV Международного симпозиума / отв. ред.: Г.А. Вайзер, Т.А.; пред.: Н.В. Кисельникова. Москва: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2021. С. 216-221.

**МЕТАФОРИЧЕСКИЕ АССОЦИАТИВНЫЕ КАРТЫ
КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ
ПРАКТИКУЮЩЕГО ПСИХОЛОГА**

Шорина Анна Викторовна,
*к.п.н., доцент кафедры «Политология и социология»
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
E-mail: shorinaav@sstu.ru*

Оганиссян Елена Викторовна,
*магистрант направления «Психология» Саратовского государственного
технического университета имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
E-mail: Elena-85-02@mail.ru*

***Аннотация.** В статье описаны методы работы психолога с метафорическими ассоциативными картами (МАК) с клиентами разных возрастов. Авторы делают обзор техник с использованием МАК, применяемых в своей профессиональной деятельности. В статье подчеркивается, что МАК способствуют более быстрому и качественному прояснению истинного запроса клиента.*

***Ключевые слова:** метафорические ассоциативные карты; проективные методики; диагностика, коррекция и профилактика личности клиента*

**METAPHORICAL ASSOCIATIVE MAPS AS AN EFFECTIVE
TOOL OF A PRACTICING PSYCHOLOGIST**

Anna Shorina,
*PhD (in Pedagogical Sciences), Associate Professor,
Department of Political Science and sociology,
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
Russia, Saratov*

Elena Ohanissian,
*Master's student in Psychology,
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov*

***Abstract.** The article describes the methods of a psychologist's work with metaphorical associative maps (MAC) with clients of different ages. The authors*

provide an overview of the techniques using MACS used in their professional activities. The article emphasizes that MACS contribute to a faster and better clarification of the client's true request.

Keywords: *metaphorical associative maps; projective techniques; diagnosis, correction and prevention of the client's personality*

Метафорические ассоциативные карты (МАК) набирают все большую популярность в психологической практике. И специалисты стали чаще обращаться к данному инструменту в своей практической деятельности. Метафорические ассоциативные карты используют в целях познания, диагностики, психологической коррекции, консультирования и терапевтической деятельности. Они способствуют более быстрому и качественному прояснению истинного запроса клиента, его переживаний и потребностей, понимания проблемы с точки зрения клиента и пути ее решения. Таким образом, с помощью данного инструмента можно ускорить процесс познания и оздоровления личности за меньшее количество посещений кабинета психолога. Следовательно, данная тема особенно актуальна в условиях быстрого темпа жизни и желания клиентов быстрого решения проблем, отказа от долгосрочной терапии в пользу краткосрочной.

С методологической точки зрения метафорические ассоциативные карты являются разновидностью арт-терапии, в основе которой лежат постулаты и принципы проективных методик. Иное название – проективные карты. Проективные методики предназначены для исследования внутренней личностной среды человека. При традиционных методах исследования могут ускользать важные, потаенные мысли и чувства, однако использование проективных методик дает возможность заглянуть глубже и увидеть более значимые аспекты внутреннего мира человека.

Проективные карты – стимульный материал, на который клиент переносит свои мысли, чувства, установки и стремления в процессе интер-

претации изображения. Далее анализирует все что увидел и почувствовал. Основным механизмом воздействия является метафора через ассоциацию [2, с. 145].

Проективные карты являются мощным инструментом в руках психолога. Использовать их можно как в индивидуальной, так и групповой работе. Предлагать клиентам ту или иную колоду необходимо с особой осторожностью, особенно это касается специализированных колод с изображениями травматичных событий. Психолог может заблаговременно отобрать из колоды карты, которые могут негативно повлиять на эмоциональное состояние клиента, так как он может погрузиться в глубокие переживания, связанные с ранее пережитой травмой. Психолог должен обладать специальными знаниями для работы в таких ситуациях.

Арт-терапевты активно комбинируют карты с другими инструментами. Например, автор техники «Работа с проблемой (кризисом, травмой)» Дацюк Л.В. предлагает выбрать из колоды шесть карт, описать их. Далее нарисовать простым карандашом рисунок, связанный с историей клиента. Рисунок покрывается клеем, засыпается сухими листьями или крупой. И далее дается ряд вопросов для обсуждения рисунка. Техника способствует сконцентрироваться на возможных вариантах решения проблемы, которые скрыты в подсознании, найти ресурсы, снять эмоциональное напряжение [4, с. 193].

Техника «Работа с сублимностями» также может быть исполнена с помощью проективных карт: вместо визуализации эго-состояний «Ребенок, Взрослый, Родитель» или их расстановки с помощью пустых стульев клиенту можно предложить выбор карт трех эго-состояний из портретной колоды. Метафорические ассоциативные карты содействуют запуску у клиентов внутренних восстановительных процессов, посредством которых осуществляется подбор эффективных методик решения проблемы и выхода из кризиса [1, с. 31].

Спецификой профессиональной деятельности педагога-психолога является необходимость применения разного рода психолого-педагогических методов в сочетании с развитыми профессиональными умениями, способствующими гибко их сочетать и трансформировать в зависимости от индивидуальных характеристик клиентов – детей, родителей или педагогов.

Метафорические ассоциативные карты отвечают этим требованиям и могут стать ценным и полезным инструментом в деятельности психолога образовательного учреждения. МАК может использоваться педагогом-психологом в диагностике и психологической коррекции различных личностных и межличностных конфликтов, содействует всестороннему развитию личности, применяются в психотерапии и профилактике девиантного поведения учащихся.

В комплексной нейропсихологической коррекции дошкольников в работе используют сюжетные картинки, что способствует повышению интереса к заданию, концентрации внимания, систематизирует материал, активируют речевые способности, развивают внимание, память и зрительное восприятие. В последнее время появилось большое количество МАК разработанных и именно для работы с детьми и подростками. В том числе и для работы развития эмоционального интеллекта [3, с. 145].

Например, с целью коррекции эмоционального состояния в детском возрасте (5-8 лет) можно использовать технику «Линейка эмоций» Н.В. Дмитриевой, Н.В. Буравцовой. Для выполнения техники можно применять любые сказочные наборы карт для детей. Вначале ребенок выбирает 5-7 карт (дошкольник 3-4 карты) и ранжирует их по линейке эмоционального состояния, например: грустно – весело; приятно – неприятно и т. д. Далее ребенок определяет карту, с которой он себя ассоциирует. Затем психолог задает вопросы ребенку: как карта отражает переживаемые им эмоции и чувства? Что хочется изменить? В какую сторону линейки хочет-

ся переместиться и какие эмоции почувствовать? Кто может помочь пережить новые эмоции?

Проективные карты работают через визуальные образы и метафоры, которые помогают клиенту понять и выразить свои эмоции, осознать бессознательные процессы, активировать внутренние ресурсы. В терапевтическом контексте такой подход способствует более мягкому и экологичному исследованию эмоциональных проблем, что ускоряет достижение положительных результатов в эмоциональной стабилизации [2, с. 190].

Таким образом, метафорические ассоциативные карты представляют собой эффективный проективный инструмент, с помощью которого за более короткий срок психологической работы раскрывается внутренний мир личности, выявляются бессознательные переживания, импульсы и влечения, осознаются истинные эмоции и чувства, перерабатываются травматические события. Ввиду простоты использования и разнообразия колод карт делают этот инструмент подходящим для работы с людьми различных проблем и возрастов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дмитриева Н.В., Буравцова Н.В. Ассоциативные карты в работе с трудным случаем: учебно-практическое руководство. Москва: МАCards при участии ИП Лурко А.А., 2021. 296 с.

2. Козлова М.А., Козлов А.В., Тарасов А.В. Применение метафорических ассоциативных карт для нормализации тревожных и депрессивных состояний у студентов // Russian Journal of Education and Psychology. 2022. Т. 13, № 6. С. 18181-195-DOI 10.12731/2658-4034-2022-13-6-181-195.

3. Практическая нейропсихология. Опыт работы с детьми, испытывающими трудности в обучении / под ред. Ж.М. Глозман. 4-е изд. Москва: Генезис, 2022. 336 с.

4. Тарарина Е. Глубинная арт-терапия: практики трансформаций. (Библиотека арт-терапевта). Москва: ООО «Вариант» при участии ИП Шиманского А.Г., 2023. 240 с.

УДК 316.6

**ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЯ УПРАВЛЕНИЯ
И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
КЛИМАТА КОЛЛЕКТИВА
В СТРУКТУРЕ ОАО «РЖД»**

*Эйгелис Галина Владимировна,
к.психол.н., доцент кафедры «Политология и социология»
Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
E-mail: Eygelis@yandex.ru*

*Миронова Яна Александровна,
магистрант мПСХЛоз-31
Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
E-mail: mironovaya@list.ru*

***Аннотация.** В статье рассматриваются результаты исследования стиля управления в структуре АО «РЖД», влияющего на социально-психологический климат коллектива. Анализируются особенности управления и социально-психологического климата работников депо Приволжской железной дороги ОАО «РЖД».*

В статье приведены эмпирические достоверно значимые взаимосвязи между положительным климатом в коллективе и эффективным стилем управления.

***Ключевые слова:** социально-психологический климат, авторитарный, демократический и попустительский стили управления, эффективный руководитель, субъект труда, результативная деятельность, работники депо*

INTERRELATION OF MANAGEMENT STYLE AND THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL CLIMATE OF THE TEAM IN THE STRUCTURE OF JSC RZD

Galina Eygelis,

PhD, Associate Professor,

Department of Political Science and Sociology,

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov

Yana Mironova,

master's student, Department of Political Science

and Sociology, Yuri Gagarin State Technical

University of Saratov, Russia, Saratov

Abstract. *The article discusses the results of a study of the management style in the structure of JSC Russian Railways, which affects the socio-psychological climate of the team. The features of management and the socio-psychological climate of the employees of the depot of the Volga Railway of JSC Russian Railways are analyzed. The article provides empirical data on the relationship between a positive climate in the team and an effective management style.*

Keywords: *socio-psychological climate, authoritarian, democratic and permissive styles, effective leader, subject of labor, productive activity, and depot workers*

Одно из приоритетных направлений достижения профессиональной результативности в организации является формирование и обеспечение благоприятного социально-психологического климата в коллективе. Благоприятный психологический климат в коллективе характеризуется доверительной атмосферой, пониманием и поддержкой среди сотрудников. В успешных профессиональных коллективах важной задачей руководителя является умение доносить основные задачи организации до каждого сотрудника. Для формирования высококвалифицированных кадров в коллективе, а также создания положительного климата в команде руководителю самому необходимо обладать профессиональной и социально-психологической грамотностью. Эффективному руководи-

телю важно иметь лидерские и организаторские качества, высокую работоспособность, ответственность, мобильность, настойчивость, уметь принимать быстрые и правильные решения, грамотно делегировать полномочия, обладать стрессоустойчивостью [3]. Управление коллективом наиболее сложная деятельность в разных структурах, однако, именно эта деятельность является залогом успеха, как каждого субъекта труда, так и всей организации в целом.

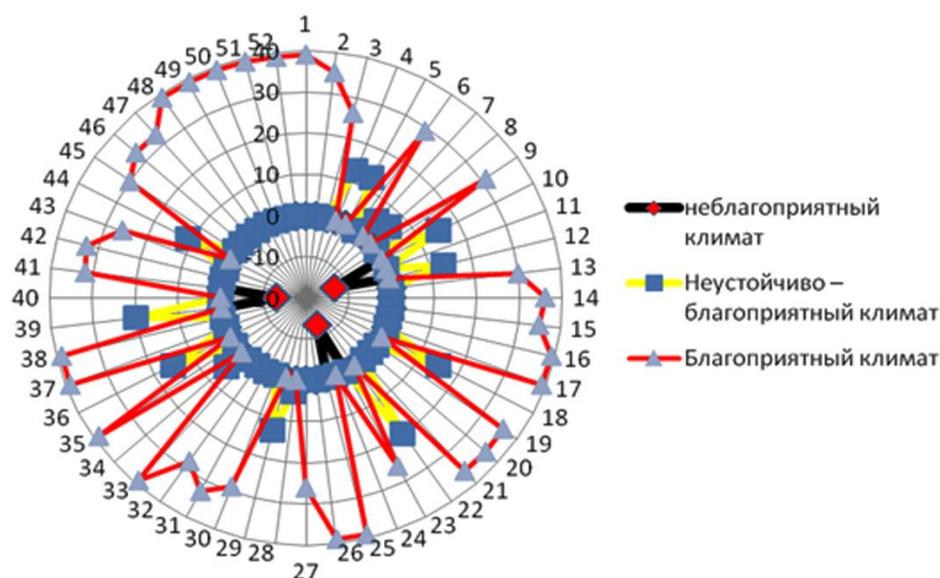
Профессиональный коллектив подразумевает группу людей, где каждый отдельный сотрудник обладает профессиональными способностями, навыками и личностными характеристиками. Профессиональный коллектив, как сплоченная команда, выдающихся в профессиональном плане людей, способен повысить производительность и результативность труда. При этом благоприятная социально-психологическая атмосфера в коллективе мотивирует работников на достижение высоких результатов [1]. Успешные и продуктивные организации, умеющие адаптироваться к быстро изменяющимся социально-экономическим условиям, основаны на эффективном руководстве и благоприятном социально-психологическом климате в коллективе.

На базе коллектива сотрудников депо Приволжской железной дороги ОАО «РЖД» было проведено эмпирическое исследование на выявление особенностей стиля управления и социально-психологического климата в коллективе. В исследовании приняли участие 52 сотрудника депо (23 женщины и 29 мужчин). Образование у 69,2 % испытуемых – высшее, у 30,8 % – среднее специальное. Общий стаж работы респондентов составил от 1 года до 24 лет (средний стаж 13,6 лет).

В психодиагностическом тестировании была использована методика Л.Д. Столяренко на выявление психологического климата в коллективе и методика Н.П. Фетискина и В.В. Козлова на определение стиля управления руководителя с помощью самооценки [2]. Для статистического анализа применялся коэффициент линейной корреляции Пирсона (r).

В ходе тестового опроса сотрудников ОАО «РЖД», принявших участие в исследовании, при помощи методики Л.Д. Столяренко было выявлено, что 67,3 % респондентов оценили социально-психологический климат в коллективе как благоприятный, 26,9 % отметили климат в коллективе как неустойчиво благоприятный и около 6 % посчитали климат в коллективе неблагоприятным. Отрицательные оценки социально-психологического климата в коллективе депо Приволжской железной дороги, на наш взгляд, могли зависеть от настроения или психического состояния работников, носить субъективный или временный характер.

Анализ результатов по вышеуказанной методике, представленный в виде диаграммы на рисунке, демонстрирует благоприятный социально-психологический климат в коллективе работников депо ОАО «РЖД». Диаграмма, представляющая собой многоугольник с вершинами, соответствующими ключевым аспектам межличностных отношений, показывает высокую степень позитивности внутри команды.

Распределение результатов оценки социально-психологического климата в исследуемом коллективе

Длинные красные лепестки указывают на то, что большинство сотрудников отмечает эффективное и продуктивное общение, легкость

в установлении контактов и общее понимание производственных целей и задач. Три коротких черных лепестка диаграммы, обозначают низкий уровень межличностных отношений и не довольство работников условиями труда.

Затем был проведен опрос сотрудников при помощи методики Н.П. Фетискина и В.В. Козлова на определение стиля управления руководителя с помощью самооценки (табл. 1).

Таблица 1

Результаты оценки стиля управления в коллективе депо Приволжской железной дороги ОАО «РЖД»

Стиль управления	0-7 баллов	8-13 баллов	14-20 баллов
Авторитарный	53,9 %	40,4 %	5,7 %
Попустительский	59,7 %	38,4 %	1,9 %
Демократический	1,9 %	51,9 %	46,2 %

Согласно полученным данным, 53,9 % опрошенных оценили стиль управления в своем коллективе как авторитарный по шкале от 0 до 7 баллов, что указывает на низкую степень выраженности данной позиции, 40 % респондентов оценили авторитарность управления в своем коллективе от 8 до 13 баллов по среднему уровню выраженности. Попустительский стиль управления значительное большинство работников (59,7 %) оценивали низкой или средней степенью (38,4 %) выраженности. Демократический стиль управления коллективом признали 51,9 и 46,2 % опрошенных работников по высокому и среднему уровню выраженности.

Выявление взаимосвязи между стилем управления и социально-психологическим климатом в коллективе работников депо ОАО «РЖД» Приволжской железной дороги осуществлялось с помощью коэффициента корреляции r -Пирсона (табл. 2).

В табл. 2 приведены только статистически значимые данные корреляции между социально-психологическим климатом в коллективе и стилем управления.

Таблица 2

Корреляционная взаимосвязь стиля управления и социально-психологического климата в коллективе депо Приволжской железной дороги ОАО «РЖД»

Взаимосвязь социально-психологического климата в коллективе & стиля управления	Коэффициент Пирсона (r)	Значение p
Неблагоприятный климат & попустительский стиль управления	-0,436	P<0,01
Неустойчиво-благоприятный климат & авторитарный стиль управления	-0,318	P<0,01
Благоприятный климат & авторитарный стиль управления	0,254	P<0,01
Благоприятный климат & демократичный стиль управления	0,388	P<0,01

Отрицательная корреляция ($r < 0$) в двух позициях показывает следующее: чем сильнее выражены попустительский и авторитарный стили управления, тем менее неблагоприятен климат в анализируемом коллективе. Демократический и авторитарный стили управления положительно влияют на формирование благоприятного социально-психологического климата в коллективе.

Таким образом, наиболее оптимальный стиль управления для благоприятного социально-психологического климата в исследуемом коллективе – демократический, в меньшей степени – авторитарный. При демократическом стиле управления руководитель уважает мнения других сотрудников, принимает и реализует их наиболее эффективные инициативы, грамотно делегирует полномочия и привлекает работников к ответственному решению актуальных профессиональных проблем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ермолаева Е.В., Павлова Л.А. Благоприятный социально-психологический климат в коллективе как условие эффективной работы // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2015. № 3. С. 50-52.

2. Семёнова Е.М., Эйгелис Г.В. Практическая психодиагностика: учебно-методическое пособие. Ч. 4. 2-е изд., доп. Минск: Филиал РГСУ в г. Минске, 2016. 88 с.

3. Шмакова И.А. Влияние стиля руководства на психологический климат в коллективе // Концепт: научно-методический электронный журнал». 2015. Т. 10. С. 131-135.